К 9 7/51

Е.4
К 9 7/51
А 3 8 С5 / 87
897.
К 102 3/6

ПАВЕЛЪ ПИРЛИНГЪ

РОССІЯ И ВОСТОКЪ

Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ,

Иванъ III и Софія Палеологъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1892

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
286006

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НК | РСФСР
Инвент. № 286006
„......“ .... 193 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 іюня 1892 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

К9 7/51

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе IX

ГЛАВА I.

Палеологи въ Римѣ.

Виссаріонъ во Флоренціи.—Іоаннъ VIII и Западъ.—Битва при Варнѣ.—Паденіе Константинополя.—Проекты крестоваго похода.—Ѳома Палеологъ въ Римѣ. — Глава св. Андрея Первозваннаго.—Смерть Ѳомы.—Его дѣти въ Римѣ.—Программа ихъ воспитанія, составленная Виссаріономъ.—Ея латинскій духъ.—Рука Зои предлагается королю кипрскому.—Проектъ этотъ оставленъ.—Бракъ или помолвка Зои съ итальянцемъ.—Зоя возвращаетъ свою свободу.—Король кипрскій слишкомъ поздно берется опять за проектъ брака съ нею.—Переговоры съ Москвою увѣнчались успѣхомъ 1

ГЛАВА II.

Вольпе и Джисларди въ Италіи.

стр.

Грекъ Юрій и два итальянца въ Москвѣ.—Рука Зои предлагается Ивану III.—Роль Виссаріона и папы Павла II.—Шансы на успѣхъ.—Политика Москвы.—Совѣтъ въ Кремлѣ.—Принятіе предложенія.—Вольпе, его происхожденіе, его семья, его характеръ.—Онъ посланъ въ Италію.—Зоя соглашается на бракъ.—Подробности о Джисларди.—Онъ предложилъ Венеціи устроить союзъ съ татарами.—Тревизанъ, посланный въ Золотую Орду, отправляется въ Москву вмѣстѣ съ Джисларди . . 20

ГЛАВА III.

Бракъ въ Ватиканѣ.

Бракъ съ Зоей рѣшенъ.—Второе посольство Вольпе въ Италію.—Тревизанъ отозванъ въ Венецію. — Виссаріонъ въ Болоньѣ.—Письмо къ сіеннцамъ.— Вольпе въ Римѣ. — Проекты Сикста IV.—Его непотизмъ.—Вольпе въ Ватиканѣ.—Депеши миланскихъ пословъ.—Критика римскихъ лѣтописей.—Законы смѣшаннаго брака.—Пульчи и его описаніе наружности Зои.—Торжественное совершеніе брака въ Ватиканѣ.— Ѳеодоръ Газскій.—Королева

стр.

Босніи.—Анна Нотара.—Инцидентъ съ кольцомъ.—Союзъ съ татарами отклоненъ.—Приданое Зои.—Ея свита.—Антонъ Бонумбре.—Папскія грамоты.—Прощальная аудіенція.—Отъѣздъ изъ Рима.—Разнородный составъ спутниковъ Зои 41

ГЛАВА IV.

Софья Палеологъ въ Москвѣ.

Путь Софіи.—Витербо, Сьенна, Флоренція, Болонья. — Празднества въ Виченцѣ.—Нюренбергъ, Любекъ, Ревель, Дерптъ.—Псковъ.—Новгородъ. — Недоразумѣнія при въѣздѣ въ Москву.—Свиданіе Софіи съ Иваномъ.—Совершеніе брака.—Споръ съ Бонумбре.—Отъѣздъ его изъ Москвы.—Посланіе изъ Вильны къ Сиксту IV.—Подозрительность Казиміра IV.—Отвѣтъ папы 74

ГЛАВА V.

Дѣло съ Тревизаномъ.

Жалобы и подозрѣнія противъ Вольпе.—Отозваніе Тревизана въ Венецію.—Москва и Золотая Орда. — Цѣль посольства Тревизана раскрылась.—Гнѣвъ Ивана.—Изгнаніе Вольпе.—Тревизанъ присужденъ къ смерти.—Его спасаетъ вмѣшательство другихъ иностранцевъ.—

стр.

Переписка съ Венеціей.—Синьорія провозглашаетъ о правахъ Ивана на Константинополь.—Возвращеніе Джислардн въ Москву.—Отъѣздъ Тревизана въ Золотую Орду.—Успѣхъ его.—Тревизанъ въ Вильнѣ. — Бонаккорди въ Венеціи. Поляки и татарскій вопросъ.—Тревизанъ отозванъ.—Контарини въ Москвѣ.—Подозрѣнія Ивана противъ Тревизана.—Хорошія отношенія съ Венеціей 95

ГЛАВА VI.

Конецъ татарскаго ига. — Возрожденіе въ Москвѣ.

1) Москва и впечатлѣніе, произведенное ею на Контарини.—Характеръ москвитянъ.—Положеніе страны.—Упадокъ Золотой Орды.—Колебанія Ивана.—Союзъ съ Девлетъ-Гиреемъ.—Вліяніе Софіи.—Нашествіе татаръ въ 1480 г.—Робость Ивана.—Горячія рѣчи Вассіана.—Бѣгство татаръ.—2) Возрожденіе въ Европѣ.—Реформы Ивана.—Ихъ поверхностность.—Иностранцы на московской службѣ.—Цѣль московскихъ посольствъ.—Формулы вѣрительныхъ грамотъ. — Притязанія дипломатовъ.—Торговля. — Толбузинъ въ Венеціи.—Фіораванти въ Москвѣ.—Дмитрій и Мануилъ Ралевы въ Италіи.—Папская служба и выра-

стр.

женіе повиновенія папѣ.—Докса и Мамыревъ въ Миланѣ и въ Венеціи.—Дмитрій Ралевъ и Карачаровъ въ Венеціи, Римѣ и Неаполѣ . 115

ГЛАВА VII.

Возникновеніе восточнаго вопроса въ Москвѣ.

Востокъ и латиняне. — Виды на Москву.— Двойственность политики Ивана.—Союзъ съ Крымомъ.—Торговля съ турками.—Отсутствіе солидарности съ Западомъ.—Дипломатическія сношенія съ султаномъ.—Народное настроеніе.— Авторитетъ грековъ поколебленъ.—Москва третій Римъ. — Вѣнецъ и бармы Мономаха.—Легенда о бѣломъ клобукѣ.—Теорія Филоѳея.—Венеція провозглашаетъ право Москвы на Константинополь.—Мануилъ Палеологъ переходитъ въ исламъ.—Андрей Палеологъ дважды посѣщаетъ Москву.—Онъ продаетъ свои права на Византію Карлу VIII. — Впослѣдствіи передаетъ ихъ въ силу своего завѣщанія Фердинанду и Изабеллѣ Испанскимъ.— Права Софіи. — Ея вліяніе въ Кремлѣ.—Ея религіозныя мнѣнія. — Временная опала.— Сынъ Софіи превозглашенъ наслѣдникомъ престола 149

ГЛАВА VIII.

Смѣшанный бракъ.

стр.

Александръ Ягеллонъ и Елена.—Причины неудовольствія Москвы противъ Литвы.—Гедиминъ.—Завоеванія русскихъ земель. — Литва и Польша.—Притязанія Ивана III.—Александръ проситъ руки Елены.—Перемиріе и смѣшанный бракъ. — Празднества въ Вильнѣ.— Панруссизмъ.—Придирки Ивана III.—Посольство Виттеліуса въ Римъ.—Александръ VI требуетъ или обращенія Елены въ католичество, или развода.— Чувства Елены.—Война съ Москвой.—Александръ Ягеллонъ избранъ въ короли польскіе. — Шестилѣтнее перемиріе.—Переговоры съ Юліемъ II.—Смерть Александра Ягеллона. — Проекты Елены и ея смерть.—Заключеніе 178

Приложенія 205

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не смотря на всю важность нѣкоторыхъ историческихъ вопросовъ, они подвержены бываютъ двумъ роковымъ случайностямъ: съ одной стороны, какъ бы ни было значительно событіе, оно съ недостаточною полнотою отражается въ памятникахъ прошлаго, и въ свою очередь эти рѣдкіе и драгоцѣнные источники не привлекаютъ въ надлежащей степени вниманія историковъ. Оттого могутъ пройти цѣлые вѣка, пока разъяснится дѣло и разрѣшатся сомнѣнія. Предметъ настоящаго изслѣдованія служитъ тому поразительнымъ примѣромъ.

Возникновеніе восточнаго вопроса, первые проблески минутнаго Возрожденія въ

Россіи связаны съ бракомъ московскаго государя съ наслѣдницей Византіи. Его высокое значеніе было понято уже современниками. Венеціанскіе дожи предугадали его возможныя послѣдствія. Римъ, продолжавшій еще быть центромъ соціальной жизни, принималъ въ немъ участіе, и безсмертный Виссаріонъ считалъ его за доброе предвѣщаніе для будущаго. Однако, изъ многочисленныхъ римскихъ лѣтописцевъ этого времени только одинъ Джіакомо Маффеи де-Вольтерра сохранилъ намъ разсказъ, болѣе или менѣе точный, о бракѣ Зои Палеологъ; другіе же итальянскіе анналисты говорятъ о немъ едва нѣсколько словъ, а большая часть хранитъ полное молчаніе. Та же скудость свѣдѣній въ древлехранилищахъ, откуда можно было ждать откровеній: въ архивахъ Ватикана, въ базиликѣ св. Петра въ Ceremonieri до сихъ поръ ничего не было открыто. Одинъ только томъ собранія Климента XI (Varia spectantia ad Moschoviam et Moschovitas collecta anno 1710) содержалъ нѣсколько замѣча-

ній о сношеніяхъ Сикста IV съ Москвой. Но и этотъ послѣдній свидѣтель прошлаго сначала перешелъ въ неаполитанскій бурбонскій музей, а затѣмъ исчезъ совершенно. Впрочемъ, нѣсколько лучей свѣта бросаютъ архивы Италіи и Германіи. Я счастливъ и горжусь тѣмъ, что первый указываю на нихъ, не смотря на многочисленные пробѣлы, которые даютъ себя тяжело чувствовать.

Удѣлъ Востока былъ не лучше. Кромѣ Франдзи и Ласкариса, дающихъ цѣнныя, хотя и скудныя подробности, остальные византійскіе лѣтописцы совершенно безмолвствуютъ.

Одинъ грекъ, очевидецъ брака Зои, Ѳеодоръ изъ Газы поспѣшилъ послать описаніе этого торжества своему другу Франческо Филельфо. Благодарственный отвѣтъ послѣдняго не въ состояніи вознаградить почти несомнѣнной отнынѣ потери этого документа.

Русскія лѣтописи и въ особенности Никоновская, говоря о бракосочетаніи, просто-

душно описываютъ всѣ подробности длиннаго путешествія, совершеннаго невѣстой, и сообщаютъ обо всемъ томъ, что происходило въ Москвѣ. Разсказы эти сильно нуждаются въ повѣркѣ, а повѣрка всегда будетъ недостаточной до тѣхъ поръ, пока ихъ нельзя будетъ сопоставить съ версіей другого происхожденія.

При такомъ положеніи дѣла, не естественно ли предположить, что историки замѣнили скудость памятниковъ и молчаніе источниковъ тѣмъ болѣе тщательнымъ разсмотрѣніемъ и тѣмъ болѣе строгой критикой обрывочныхъ свѣдѣній, дошедшихъ до насъ?

По правдѣ сказать, этого нѣтъ или почти нѣтъ. Бракъ Зои Палеологъ, главнымъ образомъ,—что и естественно,—занималъ русскихъ. Нѣтъ ни одного національнаго историка, который не упоминалъ бы о немъ. Авторы, болѣе серьезные, останавливаются на немъ долго. И при всемъ томъ,—кто бы тому повѣрилъ?—хотя одинъ и тотъ же предметъ такъ часто трактовался столько-

ми лицами, однако никто еще не пытался отнестись къ нему сколько нибудь критически. Въ началѣ этого вѣка Карамзинъ воспроизвелъ русскихъ лѣтописцевъ съ обрывками текста Маффеи въ томъ видѣ, какъ они приводятся у Райнальди. Не имѣя подъ рукой своего экземпляра Annales, сгорѣвшаго во время пожара въ Москвѣ 1812 г., онъ прибавилъ къ нимъ странные варіанты. Тѣ же факты и тѣ же ошибки повторяются лучшими русскими историками въ ихъ трудахъ, вышедшихъ недавно въ свѣтъ. Нужно думать, что позднѣйшіе изслѣдователи сами не восходили до источниковъ, а предпочли положиться съ большою довѣрчивостію на знаменитаго исторіографа.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ученый небосклонъ, казалось, долженъ былъ проясниться. Человѣкъ съ большой компетенціей и тонкой эрудиціей, Карлъ Гопфъ, направилъ свои занятія и свои изысканія на Зою Палеологъ, возбуждая, такимъ образомъ, къ самымъ блестящимъ надеждамъ.

Смерть помѣшала издателю греко-римскихъ хроникъ продолжить свой трудъ. Произвелъ ли онъ новое открытіе? Погребены ли они въ его портфеляхъ? Какова будетъ судьба этихъ послѣднихъ?—вотъ вопросы, на которые мы не имѣемъ данныхъ отвѣтить.

Если у насъ не достаетъ этихъ свѣдѣній, очень желательныхъ, то по крайней мѣрѣ мы располагаемъ нѣсколькими неизданными документами, при помощи которыхъ можно отчасти передѣлать эту страницу исторіи и установить нѣкоторые новые выводы.

Венеціанскіе архивы послужили точкой отправленія для нашихъ изысканій. Мы смогли отождествить знаменитаго Ивана Фрязина съ Жаномъ Баттистой делла-Вольпе и его племянника Антона съ Антономъ Джислардн. Исторгнутые изъ полумрака легенды, оба главные дѣятеля въ устройствѣ брака Зои и татарскаго союза стали историческими личностями. Образъ ихъ дѣйствій раскрылся теперь, и о немъ можно судить не наугадъ. Изъ Виченцы, гдѣ

была ихъ родина, мы получили любопытныя свѣдѣнія объ ихъ общественномъ положеніи, объ ихъ семьяхъ, чѣмъ мы обязаны аббату Морсолину, оказавшему намъ содѣйствіе своимъ блестящимъ образованіемъ.

Государственные архивы Рима вывели на свѣтъ настоящее имя легата, посланнаго Сикстомъ IV въ Москву: то былъ никто иной, какъ епископъ Аччіи—Антонъ Бонумбре.

Вооружившись этими свѣдѣніями, мы послѣдовали за византійской принцессой въ ея путешествіе изъ Рима въ Москву чрезъ Италію и Германію. Витербо, Сіенна, Болонья, Виченца, Нюренбергъ, Любекъ—свидѣтели ея проѣзда—разсказали о празднествахъ, данныхъ по этому случаю, и передали впечатлѣнія зрителей.

Главный интересъ сосредоточивается около брака, заключеннаго, подъ покровительствомъ папъ, между православнымъ государемъ Москвы и принцессой византійской, считавшейся католичкой, между Иваномъ III и Зоей Палеологъ. Какъ увидимъ,

Вольпе пустилъ въ ходъ здѣсь всѣ средства своего изобрѣтательнаго ума и незастѣнчивой совѣсти. Намъ кажется, что это—новый достовѣрный фактъ, прiобрѣтенный исторiей.

Союзъ съ дочерью цезарей, воспитанной въ Римѣ, поставилъ русскихъ въ болѣе частыя соприкосновенiя съ Европой и принудилъ ихъ высказаться въ восточномъ вопросѣ.

Мы набросали очеркъ первыхъ дипломатическихъ опытовъ этой державы, предназначенной играть столь важную роль въ мiрѣ. Событiя и время съ тѣхъ поръ сильно измѣнили международныя отношенiя, но часто одно прошлое можетъ объяснить неожиданности настоящаго. Тщетна надежда узнать современную Россiю, не восходя глубже въ ея исторiю.

Парижъ.
29-го iюня 1891 г.

ГЛАВА I.

Палеологи въ Римѣ.

(См. Приложеніе № I).

Виссаріонъ во Флоренціи.—Іоаннъ VIII и Западъ.—Битва при Варнѣ.—Паденіе Константинополя.—Проекты крестоваго похода.—Ѳома Палеологъ въ Римѣ.—Глава св. Андрея Первозваннаго.—Смерть Ѳомы.—Его дѣти въ Римѣ.—Программа ихъ воспитанія, составленная Виссаріономъ.—Ея латинскій духъ.—Рука Зои предлагается королю кипрскому.—Проектъ этотъ оставленъ.—Бракъ или помолвка Зои съ итальянцемъ.—Зоя возвращаетъ свою свободу.—Король кипрскій слишкомъ поздно берется опять за проектъ брака съ нею.—Переговоры съ Москвою увѣнчались успѣхомъ.

Въ то время, какъ христіанскій міръ соединился на Ферраро-Флорентійскомъ соборѣ въ 1438 и 1439 г., наиболѣе замѣчательную роль игралъ тамъ Виссаріонъ. Краснорѣчивый и ловкій, пламенный патріотъ и тонкій богословъ, умѣющій вла-

дѣть людьми и перомъ, митрополитъ никейскій въ высокой степени содѣйствовалъ величественному дѣлу, которое такъ мѣтко называютъ «обрученіемъ Востока съ Западомъ». Но булла Евгенія IV, прочитанная Виссаріономъ по-гречески подъ сводами, воздвигнутыми Брунелески, ограничивалась вопросами вѣры и догматами; роковой ходъ событій вызывалъ политическіе вопросы крайней важности. Изъ глубины Азіи грозная сила вторглась на Балканскій полуостровъ. Уже печальныя имена Коссово и Никополя стояли въ военныхъ лѣтописяхъ турокъ. Южные славяне частью стонали подъ игомъ невѣрныхъ. Первая неудача подъ стѣнами Византіи только воспламенила ярость свирѣпыхъ завоевателей: исламъ стоялъ на стражѣ у Босфора и пожиралъ взоромъ свою слабѣющую добычу.

Императоръ Іоаннъ VIII Палеологъ чувствовалъ грозность опасности и, оспаривая условія религіознаго мира съ Римомъ, все-таки требовалъ отъ Запада помощи про-

тивъ турокъ. Можно ли было льстить себѣ надеждою на успѣхъ, не будучи опрометчивымъ?

Духъ крестовыхъ походовъ мало одушевлялъ Европу въ XV вѣкѣ: Германія тратила силы въ феодальныхъ спорахъ и ввѣряла свою судьбу слабому Фридриху III; Франція Карла VII, занятая столѣтней войной, не была Франціей, полной энтузіазма, какъ при Людовикѣ Святомъ. Венеціанская сеньорія замкнулась въ осторожномъ выжиданіи; Испанія боролась съ маврами. Тѣмъ не менѣе на голосъ папы Евгенія подъ знамя св. Петра стекались воины всѣхъ народностей; нѣсколько галеръ появилось въ Средиземномъ морѣ, кардиналъ Чезарини былъ посланъ проповѣдывать крестъ въ Венгрію; балканскіе славяне горѣли воинственнымъ жаромъ. Уже стали пробуждаться надежды на успѣхъ, какъ вдругъ варнскій погромъ лишилъ мужества самыхъ храбрыхъ. Николай V, меценатъ гуманистовъ, страстный другъ литературы и искусствъ, перестроивавшій Римъ на свой

счетъ и полагавшій основаніе ватиканской библіотекѣ, тѣмъ не менѣе продолжалъ дѣло Евгенія IV, возобновляя призывъ государей къ союзу противъ турокъ и расточая, въ случаѣ надобности, пособія изъ папской казны. Рѣшительная минута, въ самомъ дѣлѣ, наступала: вблизи Галаты крѣпость Богазъ-Кессенъ возвышалась какъ угроза и вызовъ. Разъ международное право было дерзновенно попрано, нужно было взяться за оружіе и принять неравную борьбу. Императоръ Константинъ Драгезъ нашелъ въ себѣ на краю пропасти и гордость Цезаря, и пылъ героя. Ни его благородныя рѣчи, ни его отчаянное сопротивленіе не могли спасти Константинополя. Магометъ II окружилъ городъ, дикая количественная сила восторжествовала надъ мужествомъ осажденныхъ, св. Софія была осквернена, имя Аллаха прозвучало подъ ея сводами. Въ теченіе трехъ дней городъ былъ преданъ огню и мечу и отданъ на разграбленіе разнузданному войску.

Съ паденіемъ послѣдняго оплота визан-

тійской имперіи избытокъ бѣдствія палагалъ новыя обязанности на народъ, подвергшійся такому ужасному испытанію.

Страждущее отечество требовало быстрой помощи: рѣшительный крестовый походъ противъ турокъ сдѣлался предметомъ непрестанныхъ заботъ Виссаріона, глубоко преданнаго своей странѣ и неутомимаго борца за унію съ Римомъ. Участникъ тайныхъ папскихъ совѣщаній кардиналъ византійскій развивалъ тамъ средства пробудить Западъ отъ его оцѣпенѣнія и сдѣлалъ популярнымъ Святое предпріятіе. На конгрессѣ въ Мантуѣ онъ расточалъ свое краснорѣчіе и свое знаніе, чтобы воздвигнуть новыхъ Маккавеевъ на защиту Пелопонеса; папскій легатъ въ Германіи и потомъ въ Венеціи, имѣвшій болѣе удачи и лучше принятый въ городѣ лагунъ, чѣмъ Нюренбергѣ, Вормсѣ и Вѣнѣ, онъ сталъ, благодаря своимъ талантамъ и своей дѣятельности, душой христіанской конфедераціи и апостоломъ возмездія. Смѣлость проектовъ не пугала его, лишь бы только возрожденная Греція оста-

лась вѣрна Флорентійскому акту. Въ кругу этихъ идей, преслѣдуя постоянно одну и ту же цѣль, онъ содѣйствовалъ сближенію, богатому важными послѣдствіями: мы разумѣемъ бракъ Ивана III, великаго князя Московскаго, съ наслѣдницей Палеологовъ, послѣднимъ отпрыскомъ послѣдней византійской фамиліи.

Чтобы разобраться въ сцѣпленіи событій, нужно вернуться къ 1453 году. Когда знамя пророка было водружено на Босфорѣ, принцы Дмитрій и Ѳома, братья героя Константина, находились въ Пелопонесѣ. Но господство ихъ тамъ было не прочно: братоубійственная и кровавая борьба, алчность Магомета ускоряли роковую развязку. Вскорѣ Дмитрій, жертвуя своей честью, отдалъ дочь свою въ гаремъ султану, чтобы получить ничтожное и позорное вознагражденіе. Болѣе гордый и лучше настроенный господарь морейскій Ѳома, когда у него истощились средства и силы, предпочелъ позору страданіе добровольнаго изгнанія. Уже давно находился онъ въ сно-

шеніяхъ съ Римомъ, Венеціей и Флоренціей. За неимѣніемъ помощи людьми и деньгами, ему расточали по крайней мѣрѣ сладкія рѣчи. Да къ тому же, итальянскіе государи, на которыхъ все ближе надвигалась опасность, не нынче-завтра могли увидѣть себя вынужденными взяться за оружіе противъ турокъ. Оттого-то Ѳома разсудилъ отправиться въ Италію. Оставивъ въ Корцирѣ, нынѣ въ Корфу, свою жену и дѣтей, онъ отправился въ Анкону 16-го ноября 1460 года. Бывшая съ ними драгоцѣнная святыня обезпечила ему благосклонный пріемъ въ Римѣ: передъ тѣмъ, чтобы покинуть Патры, онъ взялъ главу св. Андрея, почитаемаго въ этомъ городѣ. Лишь только вѣсть объ этомъ распространилась, западные государи наперерывъ принялись оспаривать другъ у друга честь владѣнія святыми останками и дѣлали господарю соблазнительныя предложенія, но онъ, уступая настояніямъ Пія II, предпочелъ Римъ. Весь городъ отправился навстрѣчу апостольской главѣ, которая съ

торжествомъ была положена въ церкви св. Петра 13-го апрѣля 1462 года. Энтузіазмъ народа, сбѣжавшагося со всѣхъ сторонъ въ громадномъ количествѣ, равнялся только блеску религіознаго торжества; никогда еще, насколько запомнитъ людская память, не расточалось столько пышности. По этому случаю кардиналъ Виссаріонъ, рядомъ съ которымъ находился старый и немощный кардиналъ русскій*), Исидоръ, произнесъ краснорѣчивое слово, показавшееся слишкомъ длиннымъ только образованному Энею Сильвію и заключавшееся горячимъ призывомъ къ крестовому походу. Такова должна была быть, по мысли папы, истинная цѣль этого внушительнаго торжества.

Отблескъ добраго настроенія, вызваннаго этими празднествами, палъ на господаря морейскаго. Римъ всегда былъ убѣжищемъ для государей, лишенныхъ короны; этотъ

*) Авторъ вездѣ называетъ ихъ подъ римскимъ титуломъ.

родъ гостепріимства входитъ въ папскія традиціи. Ѳома былъ помѣщенъ на счетъ папы въ Санто-Спирито въ Сассіи, обширномъ зданіи, расположенномъ въ Леоновомъ кварталѣ (въ Cité Léonine), саксонскаго происхожденія VIII вѣка, содержащаго церковь, школу и госпиталь. Ежемѣсячное содержаніе въ 300 золотыхъ экю было назначено принцу, лишенному всѣхъ средствъ къ существованію; кардиналы прибавили еще 200; этого было достаточно, при нѣкоторыхъ маленькихъ другихъ пособіяхъ, для скромной жизни.

Въ знакъ благоволенія, чтобы сдѣлать Ѳомѣ менѣе горькимъ хлѣбъ изгнанія, папа далъ ему золотую розу, которая дается ежегодно какому нибудь государю за услуги церкви. Исключая этихъ матеріальныхъ подробностей и нѣсколькихъ замѣтокъ дипломатовъ, мы имѣемъ только бѣглые намеки Виссаріона насчетъ пребыванія господаря въ Римѣ. Несчастіе сблизило этихъ двухъ сыновъ Востока: отселѣ кардиналъ будетъ другомъ и повѣреннымъ несчаст-

наго отца, заботившагося о судьбѣ нѣжно любимыхъ дѣтей. Испытанія Ѳомы въ Италіи длились не долго: 12-го мая 1465 года онъ мирно почилъ на рукахъ вѣрнаго Виссаріона. Смертные останки принца были погребены въ склепѣ св. Петра. Его черты, замѣчательной красоты, были воспроизведены, по словамъ одного витербскаго лѣтописца, по приказанію папы, въ статуѣ св. Павла, предназначенной украшать лѣстницу Ватикана *).

Дѣти господаря были лишены утѣшенія отдать послѣднее цѣлованіе своему отцу. Во время его кончины они подъѣзжали къ Анконѣ. Ѳома Палеологъ женился въ 1430 году на принцессѣ Екатеринѣ, дочери Чентуріоне Захарія II, котораго онъ лишилъ престола, чтобы стать вмѣсто него господаремъ въ Мореѣ. Четверо дѣтей были плодомъ этого союза: Елена, старшая дочь, вышла замужъ въ 1446 г. за короля сербскаго Лазаря II; послѣ смерти своего мужа она

*) Pii II, Commentarii, pp. 130, 192—202.

въ монастырѣ нашла убѣжище для своего печальнаго вдовства. Трое другихъ дѣтей, высадившихся въ Анконѣ, назывались: Андрей, Мануилъ и Зоя. Послѣдняя, болѣе извѣстная въ исторіи подъ именемъ Софіи, займетъ насъ главнымъ образомъ. Относительно воспитанія дѣтей Ѳомы въ Римѣ свѣдѣнія сообщаются только однимъ источникомъ: это письмо или, скорѣе, программа занятій и воспитанія, составленная Виссаріономъ въ 1465 году и сохраненная Франдзи, вѣрнымъ слугой Палеологовъ. Душа великаго кардинала обнаруживается всецѣло въ этомъ документѣ: бѣдный и темнаго происхожденія, достигшій высокаго общественнаго положенія своими заслугами и талантами, вынужденный жить на Западѣ, онъ узналъ тяжкимъ опытомъ способъ обращенія съ латинами, цѣну денегъ и личнаго достоинства; всѣмъ этимъ юные принцы должны были воспользоваться. Прежде всего Виссаріонъ отправилъ свое письмо не къ нимъ прямо, по причинѣ ихъ еще слишкомъ юнаго воз-

раста, а къ ихъ наставнику, имя котораго осталось неизвѣстнымъ и который имѣлъ у себя помощникомъ доктора Критопула. Въ первыхъ строкахъ идетъ дѣло объ ихъ домашнемъ обиходѣ, разсчитанномъ такъ, чтобы окружить принцевъ извѣстнымъ блескомъ, не отягощая ихъ бюджета. Изъ 300 экю, которые ежегодно будутъ даваться имъ казначействомъ такъ же, какъ ранѣе ихъ отцу, 200 предназначаются для самихъ принцевъ на ихъ одежду, лошадей и прислугу; изъ этой суммы должны дѣлать сбереженія на непредвидѣнный расходъ; остальными 100 экю нужно покрывать содержаніе скромнаго двора принцевъ. Виссаріонъ упоминаетъ одного медика, одного профессора греческаго языка, одного профессора латинскаго языка, одного переводчика, одного или двухъ латинскихъ священниковъ. Вообще онъ совѣтуетъ сократить жалованье, чтобы увеличить персоналъ, но и здѣсь еще есть границы: римляне глядѣли косо на многочисленныхъ приживальщиковъ, толпившихся вокругъ

Ѳомы, не должно впасть въ то же излишество. Эти матеріальныя подробности были необходимы въ силу вещей, ибо принцы были доведены до нищеты, но Виссаріонъ торопился подняться выше и очертить начало нравственнаго воспитанія. Здѣсь рѣчь кардинала становится крайне рѣзка: «Знатность,—говоритъ онъ Палеологамъ,— не имѣетъ цѣны безъ добродѣтелей, тѣмъ болѣе, что вы сироты, изгнанники, нищіе; не забывайте этого и будьте всегда скромны, любезны и привѣтливы; занимайтесь серьезно ученіемъ, чтобы занять впослѣдствіи положеніе, вамъ приличествующее». Оставался вопросъ самый деликатный—о религіи и объ отношеніи къ Риму. Досадное происшествіе, о которомъ смутно говорится въ письмѣ, случилось, какъ кажется, въ дорогѣ: во время молитвы за папу принцы покинули церковь. Рѣчь Виссаріона принимаетъ по этому поводу угрожающій тонъ: онъ называетъ подобный скандалъ недопустимымъ и, опираясь на волю ихъ покойнаго отца, онъ ставитъ имъ диллему: или

слѣдовать его совѣтамъ, или покинуть Западъ. Если они хотятъ остаться между латинами, пускай живутъ какъ латины, пускай одѣваются какъ латины, посѣщаютъ латинскую церковь, преклоняютъ колѣна предъ кардиналами и ведутъ себя смиренно и покорно предъ папой, къ которому они должны обратиться съ маленькою рѣчью во время первой аудіенціи. Чтобы разсѣять даже тѣнь сомнѣнія, кардиналъ возвращается еще разъ къ необходимости единенія съ латинами даже въ литургіи. «У васъ будетъ все», таково послѣднее его заключеніе, «если вы станете подражать латинамъ; въ противномъ случаѣ вы не получите ничего» *).

Эта рѣчь не безъ основанія можетъ показаться удивительной въ устахъ того, кто работалъ надъ соединеніемъ церквей на двойственной основѣ единства въ вѣрѣ

*) Текстъ письма у Франдзи, Migne, Patrologie, CLVI, col. 991—998; См. также Ласкариса ibid. CLXI, col. 963.

и разности въ обрядахъ, ибо таковъ былъ плодотворный принципъ, принятый на Флорентійскомъ соборѣ. Откуда же является теперь это странное пристрастіе въ пользу латинства? Настойчивость Виссаріона можно объяснить только политической необходимостью: для спасенія византійской имперіи нужно было рѣшиться на высшую жертву.

Если содержаніе программы, назначенной для дѣтей Ѳомы, дошло до насъ, то способъ, которымъ она примѣнялась, остается во мракѣ, ни одна подробность не спаслась отъ забвенія. На оффиціальномъ языкѣ этого времени принцесса Зоя называется возлюбленной дочерью римской церкви, воспитанной на ея счетъ и ея попеченіемъ, любезной первосвященникамъ, которые осыпаютъ ее благодѣяніями. Совокупность обстоятельствъ, дружественныя отношенія Ѳомы къ Виссаріону, нѣсколько важныхъ документовъ даютъ намъ право думать, что кардиналъ никейскій смотрѣлъ на себя, какъ на опекуна юныхъ принцевъ. Во всѣхъ случаяхъ

русскія и византійскія лѣтописи выставляютъ его дѣйствующимъ лицомъ, когда дѣло идетъ о проектахъ брака Зои. Уже начиная съ 1466 года, венеціанская сеньорія на просьбу короля кипрскаго Якова II, Незаконнорожденнаго, указать ему на наивыгоднѣйшій для него бракъ, направила его вниманіе на дочь Ѳомы и выставила на видъ всѣ выгоды союза съ ней; но такъ какъ онѣ сводились къ блеску ея имени и славѣ ея предковъ—плохому оплоту противъ оттоманскихъ кораблей, крейсировавшихъ въ Средиземномъ морѣ, сенаторы св. Марка, какъ благоразумные люди, предоставляли это дѣло на усмотрѣніе короля и его доброй волѣ. Яковъ Лузиньянъ не далъ тогда ему хода, а взявшись за него впослѣдствіи, не имѣлъ успѣха. Другимъ претендентамъ судьба болѣе благопріятствовала.

Мы здѣсь находимся предъ довольно темнымъ событіемъ въ исторіи Палеологовъ, не подлежащемъ, однако, сомнѣнію, если не отбросить произвольно свидѣтельство Франдзи. Этотъ лѣтописецъ разска-

зываетъ, что около 1467 года папа Павелъ II предложилъ при посредствѣ Виссаріона двумъ византійскимъ принцамъ: Андрею, уже украшенному титуломъ господаря, и Мануилу выдать ихъ сестру замужъ за князя Параччіоло, столько же благороднаго знатностью своего рода, сколь несмѣтнымъ богатствомъ. Переговоры открылись немедленно. Поставленныя условія были приняты обѣими сторонами, послѣ чего приступлено къ обрученію. Франдзи высказываетъ свою радость по поводу того, что присутствовалъ при немъ, и благодаритъ богатаго жениха за его щедрые подарки. Таковъ разсказъ очевидца, очень преданнаго Палеологамъ, которому не было никакой выгоды выдумывать легенды *). Но Параччіоло у Франдзи не есть ли скорѣе Караччіоло, какъ подозрѣваютъ ученые? Отвѣтъ сомнителенъ: если послѣднее имя болѣе знаменито, то нужно сознаться, что генеологія Караччіоло римскихъ и неапо-

*) Phrantzes, loc. cit., col. 998.

Г

литанскихъ не упоминаетъ никакого союза съ Палеологами. Обрученіе, засвидѣтельствованное Франдзи, совершающееся у грековъ съ такимъ же торжествомъ, какъ самый бракъ, имѣло ли своимъ послѣдствіемъ бракъ дѣйствительный, или отъ него пришлось отказаться? На этотъ счетъ источники безмолвствуютъ. Одно несомнѣнно, что, начиная съ 1469 года, или вслѣдствіе смерти своего перваго супруга, или вслѣдствіе расторженія уже принятыхъ обязательствъ, Зоя была свободна заключать новыя.

Яковъ II, однако, о которомъ была уже рѣчь, одумался слишкомъ поздно. Въ концѣ 1472 года онъ послалъ въ Римъ архіепископа никозійскаго, Фабриція, прося утвержденія королевскаго титула и руки Зои. Это посольство потерпѣло двойную неудачу: Сикстъ IV не хотѣлъ повредить королевѣ Шарлотѣ Лузиньянъ и отказалъ въ содѣйствіи узурпатору. Что касается до византійскаго брака, то о немъ не приходилось болѣе думать. Венеція настаивала на союзѣ Якова II съ Екатериной Корнаро, носив-

шей имя дочери республики, въ ожиданіи, что ея новое отечество дастъ ей болѣе лестный титулъ, Венеры Кипрской. Къ тому же, свадебные переговоры съ великимъ княземъ Московскимъ имѣли успѣхъ; наслѣдницы цезарей не было болѣе въ Италіи. Это приводитъ насъ къ самому ядру вопроса: браку Зои съ Иваномъ III.

*

ГЛАВА II.

Вольпе и Джисларди въ Италіи.

(См. Приложенія №№ II, III).

Грекъ Юрій и два итальянца въ Москвѣ.—Рука Зои предлагается Ивану III.—Роль Виссаріона и папы Павла II.—Шансы на успѣхъ.—Политика Москвы.—Совѣтъ въ Кремлѣ.—Принятіе предложенія.—Вольпе, его происхожденіе, его семья, его характеръ.—Онъ посланъ въ Италію.—Зоя соглашается на бракъ.—Подробности о Джисларди.—Онъ предложилъ Венеціи устроить союзъ съ татарами.—Тревизанъ, посланный въ Золотую Орду, отправляется въ Москву вмѣстѣ съ Джисларди.

Русская лѣтопись разсказываетъ слѣдующимъ образомъ о предварительныхъ переговорахъ, подготовившихъ это событіе. 11-го февраля 1469 года грекъ, по имени Юрій, явился въ Москву съ порученіемъ Виссаріона. Кардиналъ византійскій писалъ ве-

ликому князю Ивану III о томъ, что въ Римѣ была «православная христианка», по имени Софія, дочь бывшаго господаря морейскаго Ѳомы Палеолога, что она уже отказала изъ отвращенія къ латинству двумъ западнымъ государямъ, королю французскому и герцогу миланскому, но что великому князю нечего опасаться этого; если онъ пожелаетъ жениться на принцессѣ, то ее поторопятся прислать въ Москву. Въ то же время, прибавляетъ лѣтописецъ, прибыли два итальянца, или, по русскому выраженію, два фрязина: Карло и Антонъ. Одинъ былъ старшимъ братомъ Ивана Фрязина, итальянскаго монетчика въ Москвѣ; другой, его племянникъ, сынъ старшаго изъ братьевъ.

Эти два показанія, какъ мы сейчасъ увидимъ, находясь въ зависимости другъ отъ друга, взаимно пополняются. Скажемъ сначала, что подробности лѣтописца не выдерживаютъ критики. Во-первыхъ, Зоя еще не принимала имени Софіи, во-вторыхъ, ни Людовикъ XI, женатый вторымъ бракомъ

съ 1452 года на Шарлотѣ Савойской, ни гордый Галеаццо Сфорца не искали чести союза съ византійской сиротой. Обрученіе съ Карачіоло и совѣты Венеціи королю кипрскому, можетъ быть, вызвали это недоразумѣніе. Равнымъ образомъ нельзя допустить, чтобы прямой и искренній Виссаріонъ, преданный латинамъ на Западѣ, сталъ въ Москвѣ чернить латинство, къ которому онъ такъ склонялъ Зою. Впрочемъ, основа разсказа, кажется, не подлежитъ сомнѣнію.

Въ самомъ дѣлѣ, въ письмахъ къ сіенцамъ отъ 10-го мая 1472 года, о которомъ еще будетъ рѣчь, кардиналъ никейскій, патріархъ константинопольскій, съ 1463 года, утверждаетъ ясно, что этотъ бракъ былъ предметомъ его отеческихъ заботъ. Уединившись въ Гротту Феррату во время краткой опалы при дворѣ Павла II, Виссаріонъ велъ тамъ жизнь дѣятельную и полную оживленія: онъ окружилъ себя учеными, занимался философіей и литературой, принималъ дѣятельное участіе въ движеніи

Возрожденія, но литературный крестовый походъ не заставлялъ его, однако, забывать объ его любимыхъ проектахъ религіознаго крестоваго похода и византійской реставраціи. Когда онъ вернулъ свое положеніе въ Римѣ и свое прежнее вліяніе, у него умножились средства дѣйствій. Нѣкогда онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Исидоромъ кіевскимъ, который могъ говорить ему о военной силѣ русскихъ, объ ихъ ненависти къ иновѣрцамъ и о способѣ извлечь изъ этого пользу. Помимо того, съ точки зрѣнія политической выгоды этого брачнаго союза были слишкомъ очевидны сами по себѣ, чтобы ихъ могъ не замѣтить просвѣщенный патріотъ, непримиримый врагъ полумѣсяца: новый союзникъ противъ турокъ, супругъ Зои, могъ сдѣлаться могущественнымъ покровителемъ Византіи. Важный вопросъ возникаетъ здѣсь самъ собой: дѣйствовалъ ли Виссаріонъ самостоятельно и отъ своего имени, отправляя письмо великому князю, или по соглашенію съ папой и съ его соизволенія?

Отвѣтъ на это дастся старинной ватиканской рукописью.

10-го іюня 1468 года папскій казначей записалъ въ свою счетную книгу, что папа приказалъ заплатить 48 дукатовъ Николаю Джислярди, родомъ изъ Виченцы, и греку Георгію, посланнымъ къ Вольпе, живущему въ Россіи. Грекъ же Георгій есть грекъ Юрій русской лѣтописи, ибо Юрій есть славянская форма имени Георгія. Отождествленіе Николая Джислярди представляетъ болѣе затрудненія, если не допустить ошибки въ крестномъ имени. Что касается Вольпе, то онъ сдѣлается героемъ маленькой драмы. Оставимъ до другого мѣста болѣе подробное объясненіе и сдѣлаемъ непосредственный выводъ объ участіи Павла II въ предпріятіи, разъ онъ зналъ о немъ и оплачивалъ его дѣйствующихъ лицъ *).

Попытка Виссаріона имѣла серьезные шансы на благопріятный пріемъ въ Кремлѣ.

---

*) Архивъ Ватикана, *Exitus*, 472, p. 173 b.

Въ концѣ XV вѣка Москва переживала одну изъ знаменательныхъ эпохъ, рѣшающихъ будущее народа. Порабощенные въ XIII вѣкѣ монголами, изнывающіе подъ ихъ игомъ, истощенные тяжкою данью, русскіе увидѣли, наконецъ, просвѣтъ на ихъ небѣ, постоянно мрачномъ. Они обязаны были этимъ генію Ивана Калиты и его преемниковъ. Среди всеобщаго упадка духа московскіе великіе князья начали мудрую политику, которая должна была въ концѣ концовъ обезпечить за ними успѣхъ скорѣе разсчетомъ и коварствомъ, чѣмъ оружіемъ. Предупредительные и покорные по отношенію къ татарскимъ ханамъ, они сдѣлались главными сборщиками ежегодной дани, требуемой Сараемъ. Завѣдываніе этими деньгами увеличило ихъ средства, а княжескіе раздоры давали имъ благопріятный поводъ непрестанно округлять свои границы, хотя бы вопреки традиціоннымъ правамъ другихъ. Такимъ образомъ полагали они начало будущему колоссу, выжидая, вмѣстѣ съ тѣмъ, ми-

путы, удобной для того, чтобы свергнуть ненавистное чужеземное владычество. Политическій центръ страны, Москва стала также центромъ религіознымъ, когда митрополитъ утвердилъ тамъ свое мѣстопребываніе. Наконецъ, перенесеніе св. иконы, славной между всѣми, иконы Владимірской Богоматери, дало ей въ глазахъ народа верховное освященіе. Иванъ III обладалъ въ высокой степени достоинствами и недостатками его рода. Онъ прилагалъ ихъ систему съ суровой послѣдовательностью и съ жестокой энергіей. Неразборчивый въ выборѣ средствъ, безъ жалости и безъ состраданія къ своей семьѣ и къ своимъ подданнымъ, онъ думалъ только объ утвержденіи своей власти, о созданіи государства единаго и грознаго, хотя бы цѣной русской крови, проливаемой безпощадно. Ласкалъ ли внукъ Калиты мысль объ имперіи? Осѣняли ли его внезапно пророческія видѣнія о величіи его отечества? Влекла ли его безсознательная сила или руководствовалъ имъ себялюбивый разсчетъ?

Увлекался ли московскій государь монгольскими мечтами? Фактъ тотъ, что Иванъ III, преступивъ традиціонныя границы своей власти, сталъ истиннымъ основателемъ деспотизма въ Россіи, т. е. правительства личнаго и неограниченнаго, дозволившаго ему, въ концѣ его царствованія, располагать самовластно короной, отнять ее у законнаго наслѣдника и перенести ее на сына по собственному избранію.

Внезапное предложеніе невѣсты императорскаго рода должно было имѣть успѣхъ у государя, столь же доступнаго честолюбію, сколь заботливаго о будущемъ.

Судя по идеямъ того времени, русскіе испытали болѣе удовлетворенія, чѣмъ удивленія. Союзъ такого рода не былъ первымъ въ лѣтописяхъ страны. Не восходя до Владиміра, женатаго на гречанкѣ, императоръ Іоаннъ VIII, дядя Зои, былъ женатъ на русской. Если изумленіе и не было велико, народная гордость тѣмъ не менѣе была чрезвычайно польщена: даже въ своихъ бѣдствіяхъ Византія, источникъ вѣры

*

и просвѣщенія, не была лишена ореола. Высокочтимое имя Царьграда, вызывая воспоминанія, пробуждало надежды. Иванъ III, вдовецъ послѣ Маріи Тверской, имѣлъ только одного сына. Династическіе интересы склоняли его ко вторичному браку, между тѣмъ какъ пропасть, открывавшаяся уже между будущимъ деспотомъ и его подданными, дѣлала чужеземку предпочтительнѣй предъ соотечественницей. Однако ранѣе, чѣмъ дать окончательный отвѣтъ, Иванъ, еще вѣрный стариннымъ обычаямъ, хотѣлъ посовѣтоваться съ боярами, съ матерью своей Маріей и митрополитомъ Филиппомъ. По этому случаю умолчанія и намеки должны были имѣть мѣсто. Откровенное объясненіе истиннаго положенія дѣлъ вызвали бы бурю въ совѣтѣ. Если бы даже нѣсколько голосовъ высказалось въ благопріятномъ смыслѣ, глава русской церкви, митрополитъ Филиппъ, противникъ папъ и отъявленный врагъ «латынской ереси», никогда бы не согласился на бракъ Ивана съ женщиной, которую Виссаріонъ считалъ вполнѣ преданной Фло-

рентійской уніи. Къ несчастію, лѣтопись въ этомъ мѣстѣ въ высшей степени лаконична. Она сообщаетъ намъ только, что проектъ союза встрѣтилъ всеобщее одобреніе. Немедленно посланный великаго князя, тотъ самый Иванъ Фрязинъ, который, какъ мы уже видѣли, принялъ своихъ родственниковъ въ Москвѣ, получилъ приказъ отправиться въ Римъ, поглядѣть на невѣсту и превезти ея портретъ. Эта личность будетъ играть слишкомъ важную роль для того, чтобы не сосредоточить на ней теперь же вниманія. Во-первыхъ, кто онъ? Каково его настоящее имя, ибо Фрязинъ есть нарицательное названіе всѣхъ иностранцевъ латинскаго происхожденія? Гдѣ его отечество и насколько онъ заслуживаетъ довѣрія? Вотъ вопросы, которые остаются безотвѣтными болѣе 400 лѣтъ и на которые итальянскіе архивы неожиданно проливаютъ свѣтъ. Россія XV вѣка, Бѣлая Россія, какъ ее называли въ восточномъ смыслѣ слова, т. е. великая, древняя, истинная, не имѣла частыхъ сношеній съ Запа-

домъ, если не считать Ганзы, владѣвшей цвѣтущими конторами въ Новгородѣ и гордой своей независимостью и своими богатствами. А во внутрь страны едва изрѣдка проникалъ тотъ или другой путешественникъ, и если нѣсколько европейцевъ поселились въ Москвѣ, то число ихъ было въ высшей степени ограниченно. Между ними является на первомъ планѣ Иванъ Фрязинъ русскихъ лѣтописей, онъ же Джанъ Баттиста делла Вольпе римскихъ и венеціанскихъ источниковъ. Происходя изъ Виченцы, онъ принадлежалъ къ хорошему роду, издавна извѣстному, переселившемуся изъ Германіи, обладавшему достаткомъ и доставившему странѣ выдающихся юристовъ и храбрыхъ полководцевъ. Офиціальные документы называютъ его civis и даже civis nobilis. Его гербъ былъ краснорѣчивъ: золотая или серебряная, по другому показанію, лисица, стоящая на заднихъ лапахъ среди лазореваго поля. Его мать звали Элизой. У него было два брата Карлъ и Николай. Его сестра Анжела, бывшая заму-

жемъ за Ангарано, была къ нему искренно привязана. Составляя свое завѣщаніе въ 1459 г., она раздѣляетъ на равныя части все, что назначаетъ братьямъ, настаивая на томъ, чтобы доля Джана Баттисты хорошо охранялась и была въ порядкѣ до его возвращенія изъ Россіи или до присылки его повѣреннаго. Двоюродный братъ этой семьи владѣлъ въ окрестностяхъ Виченцы столь красивой и просторной виллой, что можно принимать въ ней князей. Въ 1455 г., среди обстоятельствъ, оставшихся неизвѣстными, Вольпе отправился попытать счастья сначала среди татаръ, а потомъ среди русскихъ. Скоро увидимъ, что онъ былъ искатель приключеній, хитрый и увертливый, беззастѣнчивый, принимающійся за самыя большія предпріятія, не затрудняясь въ выборѣ средствъ.

Въ 1469 г., по лѣтописи, онъ жилъ въ Москвѣ, имѣлъ доступъ въ Кремль и былъ монетчикомъ у великаго князя. Въ силу этого имъ особенно должны были дорожить русскіе, еще мало опытные въ тайнахъ ме-

таллургіи и, между тѣмъ, готовившіеся завладѣть Пермью, неистощимые серебряные рудники которой уже издавна были предметомъ ихъ желаній. Важная подробность: добровольно или насильственно Вольпе былъ перекрещенъ въ Москвѣ, но въ случаѣ надобности готовъ былъ выдавать себя за католика. Повтореніе крещенія, о которомъ упоминаютъ мѣстные источники, входитъ въ обычай или, скорѣе, въ злоупотребленіе эпохи, и въ наши дни константинопольскіе греки еще не отказались отъ этого. Таковъ былъ человѣкъ, котораго послалъ великій князь въ Италію въ мартѣ 1469 года. Если обратить вниманіе на родство и отношеніе между Вольпе и агентами, которымъ было поручено вести переговоры о бракѣ, легко замѣтить, что выборъ Ивана III былъ сдѣланъ не случайно. Подозрѣнія могутъ идти далѣе. Ловкій итальянецъ могъ самъ придумать свадебный проектъ, но за неимѣніемъ доказательствъ историкъ ничего не долженъ утверждать.

О первомъ путешествіи мы имѣемъ, за исключеніемъ папскаго бреве, ниже приводимаго, только скудныя извѣстія русскихъ лѣтописцевъ. Папскій престолъ занималъ тогда Павелъ II, котораго преслѣдовали своей ненавистью свободомыслящіе гуманисты. Его непосредственный предшественникъ носилъ великое имя Энея Сильвія. Онъ умеръ въ Анконѣ, на пути въ Св. Землю, со словомъ «крестовый походъ» на устахъ, съ взоромъ, обращеннымъ къ Адріатическому морю, призывая изо всѣхъ своихъ силъ венеціанскія галеры, которыя появлялись медленно, чтобы взять на бортъ воинство, мало торопившееся своимъ отъѣздомъ. Кончина Пія II вызвала полную неудачу предпріятія, не имѣвшаго, впрочемъ, никакихъ шансовъ на успѣхъ. Событія не замедлили поставить папу лицомъ къ лицу съ страшнымъ турецкимъ вопросомъ, не допускавшимъ иного рѣшенія, кромѣ борьбы до крайности.

Въ 1467 г. общее перемиріе было заключено въ Италіи. Государи обѣщали пособіе, папа обнародывалъ объявленіе войны,

собрали значительныя пожертвованія, но кондотьеръ Коллеоне, предназначенный въ начальники крестоносцевъ, никогда не отправлялся на Востокъ и не искалъ славы Готфрида Бульонскаго. Воинственные проэкты, безпрестанно возобновляемые, сближали папу съ Виссаріономъ и возвращали византійскому кардиналу его преобладающее вліяніе. Вмѣстѣ съ этимъ увеличивались благопріятныя обстоятельства для брака, который могъ бы укрѣпить антиоттоманскую лигу. Вольпе былъ слишкомъ догадливъ, чтобы не воспользоваться ими, но русскія хроники, заключенныя въ узкій горизонтъ, не входятъ въ эти подробности. Принцесса Софія, говорятъ онѣ намъ кратко, узнавши, что великій князь исповѣдуетъ христіанскую православную вѣру, немедленно же выразила согласіе на бракъ. Съ своей стороны, папа поставилъ единственное условіе, легко выполнимое: онъ потребовалъ присылки нѣсколькихъ «бояръ» въ Римъ для сопровожденія невѣсты, когда она отправится въ свое новое отечество.

Ловкій Вольпе, осыпанный почестями и отличіями, получилъ отъ Павла II двухлѣтнюю охранную грамоту, разрѣшающую русскимъ посламъ безпрепятственное путешествіе по всѣмъ странамъ, которыя «подъ его папежество присягаютъ». Этотъ разсказъ, какъ бы ни былъ наивенъ по формѣ, имѣетъ историческое основаніе въ папскомъ бреве отъ 14-го октября 1470 года, адресованномъ къ королю польскому Казимиру IV, съ просьбой разрѣшить свободный пропускъ посламъ Ивана, отправлявшимся въ Римъ*).

Въ концѣ этого же года произошло событіе, имѣющее близкую связь съ нашимъ предметомъ. У Вольпе былъ племянникъ, по имени Антонъ Джисларди. Фамилія Джисларди пользовалась въ Виченцѣ большимъ уваженіемъ: нѣсколько ея членовъ, начиная съ XIII в., отличались талантами, богатствомъ и знатностью. Гербомъ этого дома былъ медвѣдь, держащій палку и окружен-

*) Raynaldi, XXIX, p. 480; Русск. Лѣт., VI, pp. 8, 35, 50.

ный пятью звѣздами: тремя наверху и двумя внизу. Самъ Антонъ пользовался на своей родинѣ славой неутомимаго путешественника. Проведя нѣкоторое время въ Москвѣ, онъ явился въ ноябрѣ или декабрѣ 1470 года предъ венеціанскимъ сенатомъ и сдѣлалъ ему соблазнительное предложеніе. Въ теченіе 16 лѣтъ не видѣвшій своего отечества, жившій сначала въ Татаріи, а потомъ въ Москвѣ, Джанъ Баттиста делла Вольпе, его дядя, такъ говорилъ Джисларди, былъ глубоко огорченъ потерей дорогого венеціанцамъ острова Негропонта, который недавно былъ завоеванъ турками. Чтобы помочь родинѣ въ ея отчаянномъ положеніи, постоянно подверженной нападеніямъ полумѣсяца, добровольный изгнанникъ задумалъ заключить союзъ съ татарами Золотой Орды. Ханъ Магометъ, Ахматъ русскихъ лѣтописей, поклялся двинуть противъ турокъ 200,000 всадниковъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ Джисларди предъявлялъ инструкціи Вольпе и посланіе татарскаго хана: если сеньоріи заблаго-

разсудится, она можетъ присоединить къ себѣ новаго и полезнаго союзника. Замѣтять, что осторожный племянникъ благоразумно обошелъ молчаніемъ путешествіе его дяди въ Италію и свадебные переговоры; ничто изъ этого между тѣмъ не было отъ него скрыто, ибо русскіе источники сообщаютъ намъ, что Джислардп явился въ Москву съ порученіями касательно Зои и съ охранными грамотами папы, имѣющими силу не только въ теченіе двухъ лѣтъ, но до «скончания вѣка».

Какъ бы ни было смѣло предпріятіе Вольпе, оно было, тѣмъ не менѣе, въ политическихъ правахъ венеціанцевъ. Война съ турками продолжалась съ весны 1463 года и сводилась къ цѣлому ряду неудачъ: цвѣтущія владѣнія были утрачены, торговля съ Левантомъ была подорвана, военный бюджетъ становился подавляющимъ, лучшіе полководцы были убиты врагами, Бертольди д'Эсте, Витторе Капелло, Джакопо Барбариго и много другихъ; никакой не было надежды на заключеніе мира, если

уже не выгоднаго, то по крайней мѣрѣ сноснаго. Но гордая республика, далекая оттого, чтобы положить оружіе, отправляла новыя галеры въ оттоманскія воды и упорствовала въ продолженіи борьбы. Въ самый разгаръ войны, въ Мореѣ явилась даже мысль заколоть султана при помощи наемныхъ убійцъ, которые вызывались сами собою и которыхъ «Десять» возбуждали своими дукатами. Ловкіе эмиссары отправились съ большими расходами въ глубину Азіи подымать противъ турокъ—грузинъ и персовъ. Такимъ образомъ, и союзомъ съ татарами не слѣдовало пренебрегать, но столь важное рѣшеніе не могло быть принято въ одинъ день. Четыре долгихъ мѣсяца прошли, а Джислардн не получалъ отвѣта. Это промедленіе показалось ему знакомъ недовѣрія. Онъ предложилъ, чтобы его слова были провѣрены на мѣстѣ офиціальнымъ лицомъ, послѣ чего можно было бы возобновить и довести до добраго конца переговоры, или вполнѣ ихъ покинуть. Мысль эта имѣла успѣхъ. 2-го февраля

1471 года большинствомъ 119 голосовъ противъ двухъ отрицательныхъ и двухъ нерѣшительныхъ сенаторы постановили отправить въ Золотую Орду секретаря Джана Баттисту Тревизана. Для путевыхъ расходовъ ему было назначено вознагражденіе въ 300 дукатовъ помимо ежегоднаго жалованья. Сеньорія послала бы даже настоящаго посла, если бы не громадность разстоянія. Тревизанъ долженъ былъ представить эти затрудненія Магомету, извиниться предъ нимъ, осыпать похвалами его воинственный пылъ, наконецъ предложить ему 16 локтей сукна, цѣною въ 89 дукатовъ. Венеціанская щедрость не шла далѣе этого скромнаго подарка. Никакое денежное обѣщаніе не было сдѣлано этимъ алчнымъ ордамъ, которыя никогда безвозмездно не обнажали меча и, наоборотъ, вымогали и у друга, и у недруга. Желая получить хорошія свѣдѣнія, сеньорія поручила своему послу тщательно изучить природу, положеніе, средства тѣхъ странъ, чрезъ которыя ему придется проѣзжать, равно

какъ нравы ихъ жителей, ихъ характеръ, ихъ отношенія. Возлагались большія надежды на умное и преданное содѣйствіе Вольпе, ибо Тревизанъ, сопутствуемый ДжиСларди, долженъ былъ остановиться на короткое время въ Москвѣ, передать офиціальное посланіе иниціатору татарскаго союза, согласиться съ нимъ относительно подробностей своего путешествія и потомъ отправиться въ Золотую Орду, откуда онъ долженъ былъ представить донесеніе сенату. Оставимъ нашихъ путешественниковъ въ ихъ сборахъ въ дорогу, они скоро появятся на сценѣ.

ГЛАВА III.

Бракъ въ Ватиканѣ.

(См. Приложенія №№ IV и V).

Бракъ съ Зоей рѣшенъ.—Второе посольство Вольпе въ Италію. — Тревизанъ отозванъ въ Венецію. — Виссаріонъ въ Болоньѣ.—Письмо къ сіенцамъ.—Вольпе въ Римѣ.—Проекты Сикста IV.—Его непотизмъ.—Вольпе въ Ватиканѣ.—Депеши миланскихъ пословъ.—Критика римскихъ лѣтописей.—Законы смѣшаннаго брака.—Пульчи и его описаніе наружности Зои. — Торжественное совершеніе брака въ Ватиканѣ.—Феодоръ Газскій.—Королева Боснія. — Анна Нотара. — Инцидентъ съ кольцомъ.—Союзъ съ татарами отклоненъ.—Приданое Зои.—Ея свита.—Антонъ Бонумбре.—Папскія грамоты. — Прощальная аудіенція. — Отъѣздъ изъ Рима.—Разнородный составъ спутниковъ Зои.

Между тѣмъ какъ Джисларди велъ переговоры въ Венеціи о татарскомъ союзѣ Вольпе снова принялся за брачный проектъ въ Москвѣ. Немедленно по возвращеніи онъ сообщилъ Ивану отвѣтъ папы. Снова

ять Кремлѣ былъ собранъ совѣтъ. Всѣ римскія предложенія были приняты. Оставалось только отправиться въ Римъ за принцессой Зоей. Это второе лестное порученіе естественно выпало на долю того, кто такъ хорошо исполнилъ первое. Великій князь отправилъ письма кардиналу Виссаріону и папѣ Калликсту, ибо такъ звали русскіе преемника Павла II, умершаго 28 іюля 1471 г. Лѣтопись наивно прибавляетъ, что, собравъ лучшія свѣдѣнія въ дорогѣ, посланные Ивана выскоблили имя Калликста и замѣнили его настоящимъ именемъ папы—Сикста IV.

Вольпе отправился въ Италію въ январѣ 1471 года. Спутники его, вѣроятно, были русскими; источники упоминаютъ только объ ихъ присутствіи безъ болѣе точныхъ указаній. Первыя извѣстія объ импровизированномъ посланникѣ исходятъ изъ Венеціи; они не предвѣщаютъ ничего добраго. 27-го апрѣля 1472 года сенаторы рѣшили отозвать Тревизана и вознаградить эго за возвращеніе 150 дукатами. Мѣра

эта была вызвана полученными изъ Москвы донесеніями, въ которыхъ несчастный секретарь жаловался на то, что Вольпе совершенно его покинулъ. Лишенный этой поддержки, не зная туземнаго языка, онъ былъ не въ состояніи исполнить своего порученія. Странныя дѣйствія Вольпе подтверждаютъ эти обвиненія. Проѣзжая въ то время по Италіи въ направленіи къ Риму, онъ, казалось, намѣренно избѣгалъ Венеціи, гдѣ самъ же поднялъ столь важные вопросы.

Въ другомъ мѣстѣ судьба болѣе благопріятствовала московскому послу. Въ началѣ мая онъ встрѣтился въ Болоньѣ съ Виссаріономъ, отправлявшимся во Францію. Изнемогающій подъ бременемъ лѣтъ и болѣзни, кардиналъ отказывался отъ этой миссіи, но настойчивость Сикста IV, убѣдительное письмо Людовика XI, можетъ быть, тайная надежда увлечь французскаго короля въ крестовый походъ заставили знаменитаго старца пренебречь опасностями продолжительнаго путешествія. Онъ отпра-

вился служить дѣлу церкви и своимъ громкимъ голосомъ призывать народы къ борьбѣ за Христа. Погруженный въ эти заботы, другъ Палеологовъ все-таки-жъ думалъ о будущемъ Зои: объ ея бракѣ съ могущественнымъ государемъ Сѣвера. Мы имѣемъ только трогательное доказательство въ письмѣ, отправленномъ къ сіенцамъ вслѣдъ за свиданіемъ съ Вольпе. Виссаріонъ предполагалъ, что всѣ препятствія будутъ устранены. Видя уже принцессу на дорогѣ въ Москву, онъ выражалъ желаніе, чтобы ея путешествіе чрезъ Италію было тріумфальнымъ шествіемъ, чтобы она предстала предъ русскими, какъ дочь великаго народа, уважаемая Западомъ.

«Мы встрѣтились въ Болоньи», писалъ онъ сіенскому пріору, «съ посланникомъ государя Великой Россіи, направлявшимся въ Римъ, чтобы заключить тамъ отъ имени своего господина бракъ съ племянницей византійскаго императора. Это дѣло составляетъ предметъ нашихъ заботъ и нашихъ попеченій, ибо мы всегда были во-

одушевлены чувствамъ благорасположенія и состраданія по отношенію къ принцамъ византійскимъ, переживавшимъ такое бѣдствіе, и мы считали своимъ долгомъ помогать имъ постоянно въ виду общихъ связей нашихъ съ отечествомъ и народомъ. Теперь, если этотъ посолъ повезетъ невѣсту чрезъ ваши предѣлы, мы усердно просимъ васъ ознаменовать ея прибытіе какимъ нибудь празднествомъ и позаботиться о достойномъ ихъ пріемѣ, чтобы, вернувшись къ своему господину, они могли сообщить о расположеніи народовъ Италіи къ этой дѣвицѣ. Ей это доставитъ уваженіе въ глазахъ ея супруга; вамъ—славу, а для насъ это такая услуга, что за нее мы постоянно будемъ вамъ обязаны». Нужно предположить, что Виссаріонъ написалъ другія письма въ томъ же родѣ и лично просилъ за принцессу болонцевъ, которые хранили доброе воспоминаніе о своемъ прежнемъ легатѣ.

Ободренный этимъ успѣхомъ, Вольпе отправился въ Римъ. Въ концѣ мая 1472 г.

онъ находился у воротъ вѣчнаго города, на высотахъ Монте-Маріо, ожидая разрѣшенія предварительныхъ вопросовъ этикета. Ранѣе милостиво принятый Павломъ II, онъ могъ разсчитывать на равную благосклонность у Сикста IV. Бѣдный францисканскій монахъ съ энергичными и рѣзкими чертами лица, какъ ихъ набросалъ Мелоццо да-Форли, съ морщинами на челѣ, обличавшими его труды, взялся за проектъ союза противъ турокъ, лишь только надѣлъ тіару.

Частыя процессіи проходили по улицамъ Рима, призывая небесную помощь. Конгрессъ долженъ былъ собраться въ Мантуѣ или въ Анконѣ, и такъ какъ государи старались затянуть дѣло, папа разослалъ самъ 23-го декабря 1471 года пять легатовъ a latere по главнымъ дворамъ Европы, заключилъ союзъ съ Неаполемъ и Венеціей, возбуждалъ Узунъ-Гассана продолжать войну и издалъ буллу противъ турокъ.

Искренно преданный церкви, заботящійся о распространеніи истинной вѣры, онъ

лучше оправдалъ бы возлагавшіяся на него надежды, если бы непотизмъ, примѣшавшійся къ его политикѣ, не затормозилъ его добрыя намѣренія. Условія Италіи требовали, чтобы Сикстъ IV создалъ себѣ партію. Онъ привязалъ къ себѣ своихъ родныхъ щедростью, не отдавая себѣ достаточно отчета въ цѣнѣ денегъ. Бенефиціи сосредоточились въ рукахъ племянниковъ, которые слишкомъ часто дѣлали изъ нихъ предосудительное употребленіе.

Странная вещь! Въ этотъ вѣкъ, столь богатый внимательными наблюдателями, посольство Вольпе прошло почти не замѣченнымъ. Предоставимъ здѣсь слово Якову Маффеи изъ Вольтерры, единственному современнику, насколько мы знаемъ, отмѣтившему это событіе съ нѣкоторыми подробностями.

«Отцы», говоритъ онъ, «были созваны сегодня (24-го мая) на совѣтъ. Причиной собранія было посольство Ивана, князя Бѣлой Россіи. Оно явилось, во-первыхъ, почтить римскаго первосвященника, потомъ

заключить бракъ съ дочерью бывшаго пелопонесскаго господаря. Покинувъ отечество съ своими двумя братьями, она жила въ Римѣ на пособія апостольскаго Престола. Послы получили приказъ остановиться въ отелѣ Монте-Маріо, возвышавшемся надъ городомъ, для того, чтобы ждать рѣшенія насчетъ брака и пріема ихъ. Нѣкоторыя сомнѣнія возникли по этому поводу: не имѣлось достаточныхъ свѣдѣній о вѣрѣ рутеновъ. Были высказаны мнѣнія. Бракъ былъ одобренъ. Было разрѣшено также, чтобы обрученіе, согласно выраженному желанію, произошло въ базиликѣ св. апостоловъ Петра и Павла съ участіемъ прелатовъ. Согласились, чтобы придворные первосвященника и кардиналы вышли навстрѣчу посламъ. Эти рѣшенія опирались на слѣдующія основанія: рутены нѣкогда приняли Флорентійскій соборъ; у нихъ былъ латинскій архіепископъ, назначенный римскимъ Престоломъ [1]), ибо греки обращаются для избранія

---

[1]) Здѣсь у Маффеи пропускъ вывода «и потому они когда-то должны были считаться католиками».

своихъ епископовъ къ константинопольскому патріарху; они просятъ теперь, чтобы къ нимъ отправили посла, который бы разузналъ ихъ вѣру, изучилъ положенія, исправилъ все ошибочное и получилъ отъ нихъ обѣщаніе повиновенія. Наконецъ, если бы даже рутены были совершенными еретиками, браки съ ними, по каноническому папскому праву, не дѣйствительны. Сверхъ того, заблудшіе сыны должны быть возвращены въ лоно Церкви, ихъ матери, почестями и милостью. 25-го мая послы вышеназваннаго князя предстали предъ тайной консисторіей. Они подали открытое письмо, написанное на маленькомъ лоскуткѣ пергамента, снабженное привѣсной золотой печатью и содержащее только слѣдующія слова на русскомъ языкѣ: «Великому Сиксту, первосвященнику римскому, князь Бѣлой Россіи Иванъ челомъ бьетъ и проситъ, чтобы вѣрили его посламъ». Эти послѣдніе осыпали папу похвалами, привѣтствовали его съ восшествіемъ на престолъ, восхваляли великаго князя и отъ имени его повергали

къ стопамъ апостольскимъ его уваженіе (ибо такъ они выражались), предложили, наконецъ, подарки: шубу и 70 соболей. Папа похвалилъ князя за то, что онъ христіанинъ, что онъ принялъ Флорентійскую унію, что онъ не разрѣшилъ обратиться къ патріарху константинопольскому, назначенному турками, съ просьбой о греческомъ архіепископѣ, что пожелалъ вступить въ бракъ съ христіанкой, издавна воспитываемой вблизи апостольскаго Престола, за то, что онъ выразилъ свое уваженіе римскому папѣ, что у рутеновъ равносильно обѣщанію полнаго повиновенія. Благодарность была выражена подарками. Послы короля неополитанскаго, венеціанцевъ, миланцевъ, флорентинцевъ и герцога феррарскаго, приглашенные къ папѣ по другимъ дѣламъ, присутствовали при этомъ торжествѣ».

Разсказъ римскаго лѣтописца подтверждается депешой миланскихъ пословъ, Джованни Арчимболди, епископа наваррскаго, впослѣдствіи кардинала, и Никодима Тран-

кедини де-Понтремоли. «Тогда», писали они 25-го мая, къ Галеаццо Сфорцѣ, «папа велѣлъ войти послу князя русскаго. Онъ въ нашемъ присутствіи въ нѣсколькихъ словахъ выразилъ уваженіе такимъ образомъ, что это имѣло видъ молчаливаго признанія повиновенія и предложилъ двѣ связки соболей, числомъ 100 или около того. Папа принялъ ихъ съ удовольствіемъ и послѣ нѣсколькихъ благодарностей и комплиментовъ снова благодарилъ посла за то, что тотъ явился отъ имени своего господина заключить бракъ съ сестрой молодыхъ господарей, живущихъ здѣсь. Онъ назвалъ ее дочерью апостольскаго Престола и св. коллегіи кардиналовъ въ виду того, что она издавна воспитывалась здѣсь на счетъ св. церкви. По этой же причинѣ онъ хотѣлъ, чтобы обрученіе совершилось въ базиликѣ князя апостоловъ св. Петра, но не сказалъ, въ какое время. Мы думаемъ все-таки же, что это будетъ скоро».

Если разсказъ Маффеи, секретаря кардинала Амманати, имѣвшаго всѣ данныя

*

для полученія вѣрныхъ свѣдѣній, неоспоримъ во всемъ, что касается происшествій, совершавшихся предъ его глазами, нельзя сказать того же о томъ, что ускользало отъ его личной повѣрки. Здѣсь есть фактическія ошибки, которыя важно указать. Во-первыхъ, Флорентійскій соборъ никогда не былъ принятъ Москвой, наоборотъ, едва онъ былъ обнародованъ въ 1441 г., какъ уже былъ отвергнутъ съ ужасомъ. Съ Исидоромъ, его главнымъ поборникомъ, поступили какъ съ отступникомъ, заковали его въ оковы, и только бѣгство спасло его отъ жестокаго наказанія. Справедливо, что булла Евгенія IV была принята въ Кіевѣ, религіозномъ центрѣ русскихъ провинцій въ Польшѣ, но послѣднія, образовавъ отдѣльную митрополію въ 1458 г., признали власть папы и совершенно отдѣлились отъ Москвы. Великіе же князья, стойкіе въ своей системѣ, никогда не просили въ Римѣ ни латинскаго, ни какого нибудь другого епископа. Если они не обращались болѣе къ восточному патріарху, если митрополиты Ѳеодосій и Фи-

липпъ, избранные духовенстомъ, не искали утвержденія въ Византіи, это нарушеніе обычаевъ свидѣтельствовало, безъ сомнѣнія, объ успѣхахъ внутренней автономіи, но оно объяснялось трудностью сообщенія и не разрывало іерархическихъ узъ, и всего менѣе могло оно принести пользу папѣ. Самая снисходительная критика не смѣла бы допустить, что великій князь Иванъ когда либо дерзнулъ подчиниться папѣ, или пожелалъ преобразовать русскую Церковь при помощи римскаго легата. Не только лѣтописи не дѣлають на это даже малѣйшаго намека, но гордый характеръ Ивана, его привязанность къ національной церкви, весь ходъ его царствованія противорѣчитъ прямо этимъ дѣйствіямъ, которыя показались бы ему еще болѣе унизительными, чѣмъ преступными по отношенію къ вѣрѣ. Духовный сынъ митрополита Филиппа всего менѣе былъ горячимъ сторонникомъ Флорентійскаго собора, или послушнымъ ученикомъ латинской церкви. Безполезно добавлять, что грамота посольская передала Маф-

феи не дословно. Никогда столь лаконическій документъ не составлялся въ Кремлѣ, никогда формулы этикета не нарушались съ такой смѣлостью. Въ XV вѣкѣ уже справлялись съ титулярникомъ, гдѣ титулы иностранныхъ государей были тщательно отмѣчены; что касается до титуловъ великаго князя, никто не осмѣлился бы ихъ свести къ тремъ словамъ.

Но тогда, какимъ образомъ объяснить благопріятный пріемъ, оказанный папой, предложеніямъ, основаннымъ на рядѣ заблужденій? Можно ли предположить при римскомъ дворѣ столь глубокое невѣдѣніе истиннаго положенія дѣлъ? Тщетно искали бы мы отвѣта въ современныхъ документахъ: они не заключаютъ въ себѣ точныхъ указаній; однако, если судить о фактахъ по нимъ самимъ, то подозрѣніе падастъ на Вольпе. Не сыгралъ ли онъ двойной игры и не воспользовался ли онъ во зло своимъ положеніемъ? Православный въ Москвѣ, католикъ въ Римѣ, не принесъ ли онъ въ жертву истину, чтобы убѣдить поочередно и великаго князя, и

папу. Съ бракомъ находились въ связи политическіе разсчеты и корыстолюбивые планы; въ томъ и другомъ, какъ сейчасъ увидимъ, Вольпе былъ заинтересованъ одинаково, а совѣсть не могла стѣснять его дѣйствій, потому что она была не изъ разборчивыхъ.

Вся суть дѣла заключалась въ томъ, что православный Иванъ принадлежалъ къ церкви, отдѣленной отъ св. Престола со временъ Михаила Керуларія, между тѣмъ какъ Зоя была католичка; мы не можемъ только сказать въ точности, какой обрядности, греческой или латинской. Такъ какъ женихъ и невѣста не исповѣдывали одной вѣры, дѣло шло, говоря по современному, о смѣшанномъ бракѣ. Церковь же признаетъ постоянно силу за этими браками, но они разрѣшаются только въ извѣстныхъ условіяхъ, при непремѣнномъ обязательствѣ, чтобы рождающіяся дѣти были католиками. По отношенію къ византійскимъ государямъ, начиная съ 1418 года, допускалось большое снисхожденіе въ формахъ, но не въ суще-

ствѣ. Сыновья императора Мануила получили разрѣшеніе отъ папы Мартина V жениться на католичкахъ. Папское бреве объявлетъ, что это снисхожденіе дѣлается съ цѣлью облегчить соединеніе Восточной и Западной церкви, сводя всѣ условія къ одному, чтобы эти браки не причиняли вреда истинной вѣрѣ. Уступки папы не могли идти далѣе этого умолчанія. Сикстъ IV находился по отношенію къ Ивану въ томъ же положеніи, въ какомъ Мартинъ V къ Мануилу: необходимое разрѣшеніе могло быть даровано Зоѣ, лишь бы только интересы церкви не пострадали. Если всѣ предосторожности не были приняты, это значитъ, что Ватиканъ не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній, можетъ быть былъ обольщенъ обманчивыми увѣреніями Вольпе.

Какъ бы то ни было, московскій посланникъ въ эту минуту достигъ своей цѣли. Не смотря на лихорадочную дѣятельность, поглощавшую римлянъ, дѣло о бракѣ не было забыто. Союзъ противъ турокъ только что былъ заключенъ съ Неаполемъ и Ве-

неціей. Папа набиралъ солдатъ и вооружалъ 24 галеры. 28-го мая, послѣ обѣдни, онъ благословилъ въ храмѣ св. Петра знамена крестоносцевъ; послѣ полудня новая воинственная церемонія: Сикстъ IV отправился верхомъ къ пристани четырехъ галеръ, поднявшихся по Тибру до высотъ св. Павла, и призвалъ небесную благодать на моряковъ и ихъ адмирала-кардинала Карафу. Въ тотъ самый день, когда папскій флотъ покидалъ гавань Остіи, 1-го іюня, было назначено обрученіе Зои или ея бракъ съ уполномоченнымъ отъ князя, ибо документы на этотъ разъ выражаются двусмысленно.

Игривое перо гуманиста набросало силуэтъ византійской принцессы за нѣсколько дней до этого событія. Клариса Орсини, вышедшая замужъ за Лоренцо Медичи за четыре года предъ тѣмъ, прибыла тогда въ Римъ въ сопровожденіи Луиджи Пульчи. Молодая патриціанка, стройная и величественная, была во всемъ блескѣ своей классической красоты. Неравнодушный къ ея

чарамъ, флорентійскій поэтъ выказалъ себя черезчуръ строгимъ по отношенію къ Зоѣ. Клариса, согласно этикету, сдѣлала визитъ невѣстѣ Ивана, и Пульчи воспользовался этимъ случаемъ, чтобы дать полную волю своему злорѣчію: «Я опишу тебѣ вкратцѣ», пишетъ онъ своему другу и довѣренному Лоренцо Медичи, «этотъ куполъ Норчіи, или, скорѣе, эту гору жира, которую мы посѣтили. По правдѣ, я бы не повѣрилъ, чтобы было столько его во всей Германіи и Сардиніи. Мы вошли въ комнату, гдѣ торжественно возсѣдала эта жирная маслянница и, увѣряю тебя, ей было на чемъ возсѣдать... Два турецкихъ литавра на груди, отвратительный подбородокъ, лицо вспухшее, пара свиныхъ щекъ, шея, ушедшая въ эти литавры. Два глаза, стоющіе четырехъ, съ такими бровями и съ такимъ количествомъ жира и сала кругомъ, что никогда еще рѣку По не запруживала лучшая плотина. И не думай, чтобы ноги ея походили на ноги Юлія Постника... Я не знаю, видѣлъ ли я когда нибудь вещь, столь жир-

ную и маслянистую, столь обрюзглую и мясистую и наконецъ столь смѣшную, какъ эта странная befania... Послѣ этого мнѣ ночью только и мерещились, что горы масла и жира, сала и пирожковъ и другихъ отвратительныхъ вещей» *). Византійскія женщины въ XV в. злоупотребляли, правда, мастями и румянами; можетъ быть, онѣ были полнѣе хрупкихъ итальянокъ, но насмѣшки Пульчи, очевидно, принадлежатъ къ области вымысла. Къ тому же, онѣ были вызваны неудовольствіемъ чисто матеріальнымъ. Разговоръ затянулся, одинъ изъ братьевъ Зои служилъ переводчикомъ и, не смотря на поздній вечерній часъ, посѣтителямъ не предложили ни закусить, ни выпить стаканъ вина «ни по-гречески, ни по-латински, ни даже по-простонародному», говоритъ разочарованный авторъ «Morgante maggiore». Менѣе предубѣжденный, чѣмъ его голодный товарищъ, нѣкто Бенедетто

*) Lettere di Luigi Pulci, стр. 63 до 67, № XXI, 20 мая 1472 г.

*

приходилъ въ восторгъ отъ маленькаго ротика Зои и находилъ, что она плюстъ очаровательно. Клариса Орсини, болѣе свѣдущая въ этомъ дѣлѣ, не колеблясь, называетъ принцессу красивой. Мы скоро увидимъ, что многочисленные лѣтописцы присоединяются къ этому мнѣнію, что позволяетъ думать, что Пульчи нарисовалъ не портретъ Зои, а каррикатуру. Среди безжалостнаго издѣвательства сатирическаго поэта слышна реальная и живая нотка. При изнѣженныхъ дворахъ Италіи между граціозными женщинами Возрожденія, умными и изящными, гречанка, полная и тяжеловѣсная, была не у мѣста. Судьба Зои влекла ее на Сѣверъ.

Въ день, назначенный для празднованія бракосочетанія, ватиканская базилика должна была облечься во всю свою пышность. Въ этомъ случаѣ опять, одинъ Маффеи даетъ намъ нѣсколько подробностей объ этомъ событіи, пройденномъ молчаніемъ самыми подробными лѣтописцами. Этими данными мы и должны ограничиться, потому что

до сихъ поръ еще остается неоткрытымъ описаніе брака Зои, посланное Ѳеодоромъ Газскимъ Франческо Филельфо.

Епископъ, имя котораго не сохранилось, совершалъ эту блестящую церемонію. Многочисленное изысканное общество окружало принцессу. На первомъ мѣстѣ выдѣлялась королева Босніи Катерина, дочь Стефана, нашедшая въ Римѣ убѣжище для своихъ несчастій, съ тѣхъ поръ какъ турки завладѣли ея государствомъ, и называвшаяся съ полнымъ правомъ «самой несчастной изъ королевъ». Лишенная всѣхъ средствъ, она жила ежемѣсячнымъ содержаніемъ въ 100 дукатовъ, выдаваемыхъ ей св. Престоломъ. Четыре вѣрныхъ спутницы: Павла, Елена, Марія, Праксина послѣдовали за ней въ ея изгнаніи. Эти боснячки были, вѣроятно, единственными славянками, присутствовавшими при бракѣ будущей государыни московской. Медичисовъ представляла Клариса Орсини. Самыя знатныя патриціанки Рима, Флоренціи и Сіенны явились лично; кардиналы прислали представителей.

Маффеи не упоминаетъ ни одного грека, но не произвольно будетъ предположеніе, что всѣ соотечественники Зои, бывшіе въ Римѣ, находились въ числѣ приглашенныхъ. Фактъ этотъ вполнѣ достовѣренъ для Ѳеодора Газскаго, друга Виссаріона, знаменитаго оратора, каллиграфа и ученаго. Онъ присутствовалъ на Флорентійскомъ соборѣ, ломалъ копья въ защиту Аристотеля и пріобрѣлъ высокое уваженіе въ Римѣ и Неаполѣ. Увѣдомленный имъ насчетъ этого событія Филельфо, бывшій тогда въ Миланѣ, выразилъ ему, 1-го іюля 1472 г., свое удовлетвореніе и свою благодарность. Вопреки тому, что не сохранилось никакихъ историческихъ слѣдовъ, существуютъ всѣ данныя для предположенія о присутствіи Анны Нотары, дочери несчастнаго Луки. Бывшая нѣкогда невѣстой императора Константина Драгеза, дяди Зои, она прибавила къ своему имени имя Палеологовъ и покинула Константинополь немного ранѣе паденія этого города. Поселившись въ Римѣ съ своимъ братомъ Яковомъ, знаменитая ма-

трона мечтала о созданіи среди Италіи маленькаго независимаго греческаго государства. Съ этою цѣлью были куплены развалины зàмка Монтакуто у сіенцевъ, и 22-го іюля 1472 г. договоръ, заключенный съ Сіенной, обезпечивалъ вольности будущей республики. Эта колонія, кажется, осталась въ проектѣ; тѣмъ не менѣе она служитъ доказательствомъ патріотическихъ чувствъ своей основательницы. Глубоко преданная своей несчастной націи, привязанная къ Палеологамъ, Анна Нотара должна была перенести свои симпатіи на Зою и съ бòльшимъ правомъ, чѣмъ кто либо другой, сопровождать ее къ алтарю.

Брачное торжество было нарушено досаднымъ инцидентомъ. Во время обмѣна колецъ Вольпе, захваченный врасплохъ, долженъ былъ сознаться, что онъ не привезъ ихъ для невѣсты, такъ какъ, говорилъ онъ, подобный обычай не существуетъ въ Москвѣ. Его объясненія показались подозрительными и вызвали даже сомнѣніе насчетъ его полномочія. На другой день по-

слѣ обрученія Сикстъ IV жаловался при всей консисторіи, что посланникъ дѣйствовалъ безъ настоящей довѣренности со стороны своего господина.

Подозрѣнія увеличились, когда дѣло зашло о проектахъ крестоваго похода противъ турокъ. Смутные слухи ходили въ народѣ о близости важныхъ событій. Ожидалось великое торжество для церкви. Оттого разочарованіе было полнымъ послѣ аудіенціи 2-го іюня. Вольпе, говорившій въ этомъ случаѣ по-латыни, хвастался своими близкими торговыми сношеніями съ татарскимъ ханомъ, который былъ готовъ собрать страшное войско противъ турокъ и напасть на нихъ со стороны Венгріи подъ условіемъ, чтобы ему платили съ открытіемъ враждебныхъ дѣйствій ежемѣсячное пособіе въ 10,000 дукатовъ. Чтобы заключить этотъ ужъ самъ по себѣ обременительный договоръ, нужно было, по разсчету оратора, предложить татарамъ подарковъ цѣной на 6,000 дукатовъ для перваго начала. Идея, конечно, не лишена была величія, но требуемыя суммы

показались слишкомъ большими и гарантіи недостаточными. Побоялись, какъ бы Вольпе не обратилъ казенныхъ денегъ въ свою пользу. Потомъ, еще представлялось сомнительнымъ, чтобы король венгерскій согласился пропустить татаръ, на которыхъ нельзя было положиться, зная ихъ привычку измѣнять. Да и самая побѣда ихъ не будетъ ли въ сущности новымъ торжествомъ ислама? Въ силу этихъ соображеній отказъ былъ единственнымъ отвѣтомъ со стороны св. Престола. Чтобы оцѣнить его благоразуміе, достаточно вспомнить о рѣчахъ въ Венеціи въ 1470 г. Въ это время Вольпе заявилъ въ Сенатѣ устами своего племянника, что татары готовы напасть на Турцію, что союзъ съ Магометомъ совершившійся фактъ, и вотъ чрезъ два года послѣ этого, въ 1472 году, этотъ союзъ еще нужно заключить цѣною тяжелыхъ денежныхъ пожертвованій. Роковой вопросъ возникаетъ самъ собою при видѣ этихъ противорѣчивыхъ данныхъ: истина, конечно, была извращена, или благодаря Джислярди

въ Венеціи, или благодаря Вольпе въ Римѣ. Одинъ изъ двухъ виновенъ, а можетъ быть и оба. Татарскій союзъ былъ только призракъ, вызываемый по ихъ желанію для того, чтобы воспользоваться щедростью Рима или Венеціи.

Если воинственные проекты московскаго посла были отвергнуты, то брачный союзъ остался въ прежней силѣ. Принцесса Зоя не пострадала отъ подозрѣній, висѣвшихъ надъ Вольпе. Сикстъ IV выказалъ себя до конца щедрымъ и отечески попечительнымъ: около 6,000 дукатовъ, кромѣ подарковъ, были назначены въ приданое сиротѣ цезарей. Фрески Санто-Спирито, изображающія жизнь Сикста IV и принадлежащія почти безъ исключенія одному изъ живописцевъ старинной умбрійской школы, можетъ быть ученику Бенедетто-Буонфиліи, сохранили воспоминаніе объ этой щедрости. По лѣвой сторонѣ прекраснаго алтаря, воздвигнутаго Палладіо, въ одномъ изъ верхнихъ промежутковъ видна стѣнная живопись болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ всѣ дру-

гія, показывающія намъ Зою на колѣняхъ передъ папой, а рядомъ съ нею равнымъ образомъ на колѣняхъ измышленіе художника помѣстило жениха; они оба имѣютъ на головѣ короны, а папа, по бокамъ котораго стоятъ Андрей Палеологъ и Леонардо Токко, даетъ кошелекъ Зоѣ. Двѣ латинскія надписи, почти тождественныя, сообщенныя намъ Форчелли, даютъ намъ имена лицъ и объясняютъ намъ смыслъ фрески, къ сожалѣнію подвергшейся сильной реставраціи. Тѣ же свѣдѣнія находятся въ журналѣ Платины. Наконецъ, документъ, совершенно не изданный и въ высшей степени важный, подтверждаетъ ихъ самымъ достовѣрнымъ образомъ.

Въ государственныхъ архивахъ города Рима заботливо сохраняется ассигновка, помѣченная 20 іюнемъ 1472 г. и исходящая отъ кардиналовъ d'Estouteville, Calandrini и Angelo Capranica, генеральныхъ комиссаровъ крестоваго похода.

Въ силу этого званія три кардинала завѣдывали спеціальной кассой, исключенной

изъ общей отчетности и пополнявшейся, главнымъ образомъ, доходами изъ квасцовой монополіи и предназначенной исключительно для нуждъ войны съ турками. Ассигновка эта была адресована почтеннымъ господамъ Лоренцо и Юліано Медичи, хранителямъ денегъ, предназначенныхъ для св. предпріятія. Знаменитые банкиры, превратившіеся въ государей, уполномочиваются этимъ актомъ располагать суммой въ 6,400 дукатовъ, бывшей предметомъ отдѣльнаго условія съ кардиналомъ-каммерлингомъ Орсини и имѣвшей слѣдующее назначеніе: 4,000 дукатовъ должны быть уплачены, по приказу папы, принцессѣ Зоѣ, «королевѣ русской», для извѣстныхъ расходовъ, которые она должна сдѣлать по случаю своего путешествія въ Россію, и для другихъ цѣлей; 600 дукатовъ должны достаться на долю епископа, которому поручено сопровождать невѣсту въ Москву; остальные 1,800 дукатовъ должны остаться въ кассѣ. Цифры, здѣсь обозначенныя, должны быть провѣрены цифрами расходовъ, отмѣченными въ другихъ памятникахъ. Ще-

дрость папская могла только увеличиваться: въ самомъ дѣлѣ, 27 іюня 1472 г. 5,400 дукатовъ уплачены Зоѣ, 600—епископу, что вмѣстѣ составляетъ 6,000 дукатовъ, уплаченныхъ св. Престоломъ въ пользу византійской принцессы и съ цѣлью крестоваго похода, какъ то достаточно доказывается источникомъ, изъ котораго брались деньги.

Папа позаботился также о томъ, чтобы Зоя была окружена во время своего путешествія приличной свитой, составленной изъ грековъ и итальянцевъ, не считая русскихъ, возвращавшихся на родину. Вольпе остался естественно во главѣ этого импровизированнаго двора. Между греками находился Юрій Трахапіотъ, одинъ изъ участниковъ переговоровъ объ этомъ бракѣ; князь Константинъ, котораго православная Церковь чтитъ подъ именемъ Касьяна; Дмитрій—посланникъ братьевъ Зои. Что касается до итальянцевъ, то самымъ знаменитымъ изъ нихъ былъ Антонъ Бонумбре, генуезецъ родомъ, вѣроятно, Косто ди Вадо, епископъ Аччіи, на Корсикѣ. Русскіе лѣтописи означаютъ

его подъ именемъ кардинала Антона, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ никогда не принадлежалъ къ святой коллегіи. Впрочемъ, мы лишены вполнѣ подробныхъ свѣдѣній объ этомъ лицѣ; въ первый разъ появляется онъ въ исторіи подъ фамиліей Бонумбре *). Трудно опредѣлить въ точности число путешественниковъ: въ различныхъ городахъ, чрезъ которые они проѣзжали, говорится то о 50 лошадяхъ, то о 100.

Наконецъ, папскія письма были, вѣроятно, отправлены ко всѣмъ государямъ странъ, лежавшихъ на пути Зои. Извѣстно бреве Сикста IV къ болонскимъ городскимъ представителямъ, къ городу Нюренбергу, къ проконсуламъ Любека. Ихъ содержаніе, почти тождественное, оправдываетъ высказанную нами догадку, къ тому же подтверждае-

*) По мнѣнію Ле Кэпа («Oriens Christianus», t. III, col. 843), Антоній былъ родомъ изъ Омессы, въ Корсикѣ, принадлежалъ Доминиканскому ордену, былъ назначенъ аѳинскимъ епископомъ 16 декабря 1450 г., а 17 марта слѣдующаго года переведенъ въ Аччіа.

мую русскими источниками. Вотъ, напримѣръ, бреве отъ 21 іюня 1472 г. герцогу Моденскому, Эрколо д'Есте: «Наша возлюбленная о Христѣ Іисусѣ дщерь», такъ выражается папа, «знатная матрона Зоя, дочь законнаго наслѣдника константинопольской имперіи Θомы Палеолога, славной памяти, нашла убѣжище у апостольскаго Престола, спасшись отъ нечестивыхъ рукъ турокъ во время паденія восточной столицы и опустошенія Пелопонесса. Мы приняли ее съ чувствами любви и осыпали ее почестями въ качествѣ дщери, предпочтенной другимъ. Она отправляется теперь къ своему супругу, съ которымъ она обручена нашимъ попеченіемъ (nobis auctoribus), дорогому сыну, знатному государю Ивану, великому князю Московскому, Новгородскому, Псковскому, Пермскому и другихъ, сыну покойнаго великаго князя Василія, славной памяти, мы, который носимъ эту Зою, славнаго рода, въ лонѣ нашего милосердія, желаемъ, чтобы ее повсюду принимали и чтобы съ ней повсюду обращались доброжелательно, и на-

стоящимъ письмомъ увѣщеваемъ о Господѣ, твое благородіе, во имя уваженія, подобающаго намъ и нашему престолу, питомицей коего является Зоя (cujus ipsa alumna est), принять ее съ расположеніемъ и добротой по всѣмъ мѣстамъ твоихъ государствъ, гдѣ она будетъ проѣзжать; это будетъ достойно похвалы и намъ доставитъ величайшее удовлетвореніе».

Въ тотъ самый день, которымъ помѣчено это бреве, происходила прощальная аудіенція. Сикстъ IV принялъ Зою въ садахъ Ватикана. Вольпе, съ которымъ продолжали обращаться какъ съ посланникомъ, тоже присутствовалъ. Дѣло не обошлось, внѣ всякаго сомнѣнія, при этомъ случаѣ безъ воспоминанія о Флорентійскомъ соборѣ; Римъ не хотѣлъ ничего иного, кромѣ возвращенія къ жизни этого торжественнаго договора. Къ несчастію, миланскіе посланники, одни упоминающіе объ этомъ происшествіи, не входятъ въ подробности. Въ самомъ дѣлѣ, 1472 годъ обозначалъ скорѣе удаленіе, чѣмъ приближеніе. Синодъ, собранный въ Константи-

нополѣ патріархомъ Симономъ, формально отвергъ флорентійскія постановленія. Въ Москвѣ Іона, отъявленный врагъ Рима, былъ признанъ святымъ.

Въ то же время большая печаль поразила истинныхъ сторонниковъ религіознаго мира. 18 ноября умеръ въ Равеннѣ кардиналъ Виссаріонъ, самый благородный, самый дѣятельный и самый уважаемый представитель уніи.

Отъѣздъ Зои былъ назначенъ на 24 іюня. Никогда еще Римъ не видѣлъ, чтобы изъ его стѣнъ выходилъ столь разнородный караванъ. Византійскій орелъ не долго оставался на берегахъ Тибра. Онъ теперь направлялъ свой полетъ на сѣверъ. За нимъ шли греки, искатели счастья и почестей; итальянцы, чтобы чеканить монеты и заниматься богословіемъ; московиты, гордые своимъ завоеваніемъ и мечтающіе, можетъ быть, о восточной имперіи. Мы послѣдуемъ за принцессой по пятамъ, руководствуясь нашими источниками, большею частью, не изданными.

ГЛАВА IV.

Софія Палеологъ въ Москвѣ.

(См. приложеніе, № VI).

Путь Софіи. — Витербо, Сіенна, Флоренція, Болонья. — Празднества въ Виченцѣ. — Нюренбергъ, Любекъ, Ревель, Дерптъ. — Псковъ. — Новгородъ. — Недоразумѣнія при въѣздѣ въ Москву. — Свиданіе Софіи съ Иваномъ. — Совершеніе брака. — Споръ съ Бонумбре. — Отъѣздъ его изъ Москвы. — Посланіе изъ Вильны къ Сиксту IV. — Подозрительность Казимира IV. — Отвѣтъ папы.

Когда императоры и государи отправились въ вѣчный городъ чрезъ Тоскану, они спускались отъ Флоренціи чрезъ Сіенну, Радикофани и Аквапенденте до Витербо. Путь нашихъ путешественниковъ былъ обратный.

Преданіе, столь же древнее, сколь неправдоподобное, дѣлаетъ изъ Витербо колыбель

Палеологовъ. Мѣстныя лѣтописи на этотъ счетъ не истощимы. Въ залѣ муниципальнаго совѣта почетное мѣсто предоставлено портрету Михаила Палеолога. Въ силу странной насмѣшки судьбы, архивы города не располагаютъ ни однимъ документомъ о проѣздѣ Зои. Единственный лѣтописецъ и при томъ такой, на котораго нельзя особенно положиться, сохранилъ объ этомъ воспоминаніе. Онъ кратко разсказываетъ, что знаменитую своей красотой и своимъ высокимъ родомъ принцессу посваталъ «король русскій» съ обѣщаніемъ отвоевать у турокъ Пелопоннесъ, и что она проѣхала чрезъ Витербо, отправляясь къ своему супругу.

29-го іюня Зоя прибыла въ Сіенну. Читатель помнитъ, что Виссаріонъ задолго впередъ говорилъ о принцессѣ съ соотечественниками св. Екатерины. Сикстъ IV точно также послалъ имъ бреве, котораго мы не нашли. Эти мѣры не остались безъ послѣдствій. Въ самый день въѣзда Зои представители «великолѣпнаго города», созванные

*

въ достаточномъ числѣ, рѣшили большинствомъ 184 голосовъ противъ 42 ассигновать сумму въ 50 флориновъ на покрытіе расходовъ по ея пріему и оказанію гостепріимства. Принцесса была помѣщена въ домѣ, сосѣднемъ съ великолѣпнымъ каѳедральнымъ соборомъ. Предъ ней расточались самыя высокія почести, о чемъ свидѣтельствуетъ въ своемъ журналѣ Аллегретто Аллегретти.

Слѣды путешественниковъ теряются здѣсь на нѣкоторое время. Флоренція лежала у нихъ на пути. Медичисы интересовались государыней, приданое которой они уплатили. Эллинизмъ былъ въ модѣ въ этомъ очагѣ Возрожденія. Греки, изгнанные изъ Константинополя, охотно тамъ сошлись. Платоновская академія считала въ своемъ лонѣ многочисленныхъ учениковъ, и Лоренцо, окруженный философами и поэтами, праздновалъ ежегодно, какъ во времена Порфирія, праздникъ въ честь Платона. Дмитрій Халкондилъ, преемникъ Аргиропуло, на счетъ города преподавалъ греческую ли-

тературу. Юношество толпилось вокругъ его каѳедры; онъ, изумляя своихъ слушателей познаніями, очаровывалъ ихъ также краснорѣчіемъ; умственные труды не подрывали его жизненныхъ силъ: на 77 году отъ роду онъ сталъ счастливымъ отцомъ десятаго ребенка. Всѣ эти греки и сторонники грековъ приняли бы, если бы случай представился, съ патріотическимъ благоговѣніемъ отпрыскъ византійскихъ цезарей, но объ этомъ, насколько мы знаемъ, не сохранилось воспоминаній. Военныя предпріятія 1472 года, внутреннія смуты занимали болѣе лѣтописцевъ.

Только въ Болоньѣ, 10-го іюля, мы снова находимъ принцессу. Вирджиліо Мальвецци, одинъ изъ главныхъ сеньоровъ, оказалъ ей блестящій пріемъ въ своемъ дворцѣ. Весь городъ не разъ имѣлъ случай удивляться Зоѣ. Невысокаго роста, она казалась лѣтъ 24; восточное пламя сверкало въ глазахъ; бѣлизна кожи говорила о знатности ея рода. «Воистину», восклицаютъ въ восторгѣ болонскіе лѣтописцы, «она была очарова-

тельна и прекрасна», какъ будто бы они хотятъ опровергнуть Пульчи и предостеречь насъ противъ его сарказмовъ. Когда она показывалась въ народѣ, плащъ изъ парчи и соболей, покрывающій пурпурное платье, развѣвался на ея плечахъ; сверкающее золотое украшеніе съ жемчугомъ было у нея на головѣ. Драгоцѣнный камень на ея лѣвой рукѣ привлекалъ къ себѣ взоры всѣхъ. Ея кортежъ составляли самые знатные молодые люди. Честь держать подъ узцы ея лошадь была предметомъ споровъ. Съ необыкновенною пышностью совершено было посѣщеніе церкви св. Доминика, гдѣ почиваютъ славныя мощи основателя проповѣдническаго братства. Зоя отслушала обѣдню, совершавшуюся надъ гробницей патріарха. И присутствующіе были тронуты этимъ назидательнымъ зрѣлищемъ.

Однако, для того, чтобы попасть въ Германію, ибо Вольпе не намѣревался болѣе отважиться на путешествіе въ Литву, нужно было проѣхать чрезъ венеціанскія земли.

Если изобрѣтательный путешественникъ тщательно избѣгалъ мѣста засѣданія страшнаго Совѣта Десяти по причинѣ затруднительныхъ счетовъ, какіе пришлось бы ему тамъ сдавать, то самыя дорогія воспоминанія привлекали его къ Виченцѣ, его родному городу, гдѣ народная молва выдавала его «за казначея и секретаря короля русскаго». Великій князь Иванъ былъ бы, безъ сомнѣнія, болѣе изумленъ, чѣмъ кто либо другой, если бы эти пышные титулы дошли до его свѣдѣнія, но Вольпе былъ не изъ такихъ, чтобы этого бояться; онъ смѣло направился къ городу своихъ предковъ, живописному и изящному, но не имѣющему еще великолѣпныхъ зданій Скамоццы и Палладіо. Первая остановка произошла въ окрестностяхъ, въ виллѣ Панто, принадлежавшей Тревизану Вольпе, двоюродному брату Джана Батисты. Въ воспоминаніе этого путешествія владѣлецъ зàмка получилъ привилегію украсить свой гербъ византійскимъ орломъ съ короной. 19-го іюля, за два часа до заката солнца Зоя совершила

свой въѣздъ въ городъ. Леонардо Ногарола предложилъ ей гостепріимство въ своемъ дворцѣ. Она провела тамъ два дня, 20-го и 21-го іюля, среди празднествъ и пиршествъ. Въ ея честь на улицахъ была устроена процессія знаменитой ruota de'notaji; это была подвижная башня, вышиною въ 23 метра, наполненная аллегорическими фигурами; множество силачей несло ее на своихъ мощныхъ плечахъ, а съ обоихъ боковъ поддерживали ее три длинныхъ жерди. Посрединѣ, на почетномъ мѣстѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ въ бѣломъ женскомъ костюмѣ, изображающій справедливость, съ вѣнкомъ на головѣ, съ вѣсами и мечомъ въ рукахъ. Два герольда стояли неподвижно на стражѣ по сторонамъ его. Сверху парилъ двуглавый византійскій орелъ, державшій въ своихъ когтяхъ царскую державу и мечъ. Другое изображеніе въ бо̀льшихъ размѣрахъ, но поставленное ниже, представляло гербъ Виченцы: серебряный крестъ на красномъ полѣ. На вершинѣ башни молодой человѣкъ стоялъ подъ тѣнью

разноцвѣтнаго зонтика и махалъ краснымъ знаменемъ. Внизу платформа была занята конными и пѣшими герольдами. Нѣсколько ступеней вело къ другой эстрадѣ, гдѣ турки важно качало три колыбели, въ которыхъ лежало по два большихъ ребенка. Наивное міровоззрѣніе нашихъ отцовъ находило удовольствіе въ этихъ странныхъ выставкахъ, и ихъ сохраняли для самыхъ большихъ праздествъ. Коллегія нотаріусовъ, владѣльцевъ ruot'ы, носившей ихъ имя, льстила себя мыслью, что оказала Зоѣ большую почесть. Венеціанцы присоединились къ манифестаціи Виченцы. Они, какъ кажется, прислали дорогіе подарки и взяли на себя путевые расходы въ предѣлахъ ихъ владѣнія.

Эти великолѣпные пріемы были послѣднимъ прощаніемъ Италіи съ дочерью цезарей. Зои не пришлось больше увидать ни ея лазурнаго неба, ни сверкающаго южнаго солнца. Ей не удалось больше вдыхать его жаркій и благоухающій воздухъ. Скоро гигантскіе стражи германскаго міра Альпы

предстали предъ караваномъ съ своими снѣжными вершинами. Обыкновенно, ихъ переходили чрезъ мѣсто, называемое Піяно делла Фугацца, для того, чтобы спуститься потомъ къ Роверрето и Триденту. По этой дорогѣ пойдетъ современемъ Триссино, когда онъ явится къ Карлу V предложить свои литературныя произведенія. Наши путешественники должны были также проѣхать чрезъ Инсбрукъ и Аугсбургъ, но только въ Нюренбергѣ, насколько мы знаемъ, лѣтописцы берутся за перо. 10-го августа Зоя пріѣхала въ этотъ городъ и провела тамъ четыре дня. Власти предложили ей богатый поясъ, матроны отъ своего имени бочку вина и сластей. Избранное общество соединилось въ ратушѣ на большомъ балу. Принцесса присутствовала тамъ, но, ссылаясь на нездоровье, не хотѣла своими византійскими ножками подымать нѣмецкую пыль. Когда она вернулась къ себѣ, два ловкихъ наѣздника произвели упражненія въ верховой ѣздѣ на торговой площади. Зоя надѣла имъ на пальцы золотыя кольца. Любопытная

подробность. Въ глазахъ добрыхъ нюренбергцевъ Иванъ слылъ могущественнымъ государемъ, «жившимъ за Новгородомъ», а папскій легатъ, писали ихъ лѣтописцы, отправляется въ эти отдаленныя страны, чтобы возложить на него королевскую корону и проповѣдывать христіанскую вѣру. Конечно, никто другой, кромѣ Вольпе, не могъ быть виновникомъ этихъ нескромныхъ сообщеній. Отсюда возникли странные слухи, повторявшіеся болѣе вѣка.

8-го сентября главный городъ Ганзейскаго союза постарался торжественно встрѣтить «дочь императора константинопольскаго». Изъ Любека Зоя отправилась моремъ въ Ревель, гдѣ ее съ почетомъ принимали тевтонскіе рыцари. Въ Дерптѣ представители великаго князя явились встрѣтить свою будущую государыню.

Между тѣмъ великая новость распространилась по Россіи. Народъ хотѣлъ принять участіе въ радости своего государя и пожелать Зоѣ благополучнаго прибытія. Псковитяне первые ее привѣтствовали. 11-го ок-

тября суда, торжественно убранныя, приблизились къ устью Эмбаха. Псковскіе сановники, выйдя на землю, поднесли невѣстѣ Ивана хлѣбъ-соль со стаканомъ вина по традиціонному русскому обычаю, а затѣмъ немедленно же отправились въ путь. Переѣздъ черезъ озеро Пейпусъ и Псковское продолжался два дня. Подымаясь по р. Великой, путешественники на нѣсколько часовъ остановились въ старинномъ монастырѣ Снѣтогорскѣ, посвященномъ Рождеству Богоматери. Съ перваго вступленія на Русскую землю поразительная перемѣна произошла въ поведеніи Софіи, ибо такъ называютъ ее національные лѣтописцы. И такъ мы будемъ называть ее отнынѣ. Наружно преданная ранѣе уніи, считавшаяся, по крайней мѣрѣ, папами дщерью по вѣрѣ, она, кажется, измѣнила убѣжденія, измѣнивъ костюмъ и покинувъ дѣвическое платье. Когда она была около Пскова, городское духовенство вышло ей навстрѣчу. Вся процессія направилась немедленно къ собору. Народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ кликами Со-

фью. Что касается до папскаго легата, то онъ своимъ пурпурнымъ платьемъ, своей митрой, перчатками, латинскимъ крестомъ возбуждалъ всеобщее удивленіе. Изумленіе смѣнилось соблазномъ, когда Бонумбре рѣшился не выражать почтенія иконамъ по православному обычаю. Софья вмѣшалась, чтобы принудить его къ тому. Такъ обнаруживается разрывъ съ религіознымъ прошлымъ; начиная съ этой минуты, Римъ забытъ, русское православіе одерживаетъ полную побѣду. По окончаніи службы всѣ собрались у властей. Медъ текъ рѣкой. Бояре и главные купцы предложили принцессѣ, въ знакъ своего уваженія, подарокъ въ 50 рублей. Вольпе на свою долю получилъ 10. Эти проявленія сочувствія тронули бѣдную сироту. Будущность ей улыбалась. Передъ возвращеніемъ, поблагодаривъ тепло псковитянъ, она обѣщала имъ свое содѣйствіе у Ивана.

Тотъ же блестящій пріемъ, тотъ же восторгъ въ Новгородѣ. Гордая республика, которую государи московскіе поклялись погу-

бить и которая противоставляла имъ иногда мужество отчаянія, дорожила сохраненіемъ добраго расположенія страшнаго Ивана. Недалекъ день, когда онъ похититъ колоколъ, веселый звонъ котораго сзываетъ народъ на шумное вѣче. Свобода Новгорода, его слава, его независимость тогда покончатъ свой вѣкъ. Въ это же мгновеніе печальныя предвидѣнія, устраненныя на-время, не омрачали радости. Митрополитъ, посадникъ, или правитель города состязаются въ своемъ усердіи, но Софья торопилась прибыть въ Москву.

Но особенно любопытно описаніе въѣзда въ городъ, которому наиболѣе усердные патріоты уже давали имя третьяго Рима. Русскія лѣтописи, нашъ единственный источникъ въ данномъ случаѣ, говорятъ приблизительно слѣдующее: путешественники находились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, когда великій князь собралъ совѣтъ для рѣшенія затрудненія. Гонцы сообщили ему, что Бонумбре заставлялъ носить предъ собой крестъ; его носили предъ нимъ тор-

жественно, въ силу привилегіи, предоставленной папскому легату. Это явленіе могло быть непріятнымъ русскимъ тѣмъ болѣе, что латинскій крестъ съ рельефнымъ изображеніемъ Христа не допускается восточною церковью; съ другой стороны, споры въ воротахъ города были не умѣстны. Что дѣлать? На чемъ остановиться? Мнѣнія бояръ раздѣлились: одни высказывались въ примирительномъ духѣ и соглашались закрыть глаза; другіе, вспоминая примѣръ Исидора, боялись скандала. Великій князь, колеблющійся и не знающій на что рѣшиться, обратился къ послѣдней инстанціи, къ митрополиту Филиппу, который воспротивился энергически латинской манифестаціи въ лонѣ Московіи. «Подобныя почести», сказалъ онъ государю, «не могутъ быть возданы папскому легату; если онъ войдетъ со своимъ крестомъ въ одни ворота Москвы, я, твой отецъ, выйду въ другія». Эта рѣчь была слишкомъ рѣшительна, чтобы не одержать верхъ. Бояринъ Ѳедоръ Давидовичъ былъ отправленъ навстрѣчу Антону

Бонумбре съ категорическимъ приказомъ. Легатъ выказалъ себя уступчивымъ, но Вольпе сопротивлялся. Онъ указывалъ на почести, возданныя въ Римѣ представителю великаго князя, и требовалъ, чтобы съ папскимъ посломъ въ Москвѣ обращались съ такимъ же уваженіемъ. Лѣтопись наивно даетъ ключъ къ тайнѣ: православный въ Россіи, перекрещенный по греческому обычаю, Вольпе тщательно скрывалъ въ Италіи свое отступничество, безъ стѣсненія выдавалъ себя ревностнымъ католикомъ. Доселѣ онъ игралъ двойную игру совершенно безпрепятственно, но теперь комедія рисковала превратиться въ трагедію. Бояринъ Өедоръ былъ стоекъ; пришлось уступить, благодаря чему въѣздъ могъ совершиться мирно.

12-го ноября по дорогѣ, покрытой снѣгомъ, Софія прибыла въ Москву. Эта столица, столь же обширная, сколь мало изящная, покрытая своимъ зимнимъ саваномъ, съ жалкими деревянными домами, съ однообразными рядами лавокъ, съ городскими полуразрушенными стѣнами, съ скромнымъ Кремлемъ, дол-

жна показаться скучной и печальной принцессѣ, привыкшей къ блеску Рима и Византіи. Густая толпа любопытныхъ стояла на всемъ пути поѣзда, въ особенности при входѣ въ соборъ, который Софія, по прибытіи, должна была посѣтить первымъ дѣломъ. Митрополитъ ждалъ ее тамъ въ полномъ облаченіи. Онъ благословилъ ее и ввелъ въ палаты княгини Маріи, матери Ивана. Здѣсь произошло первое свиданіе съ великимъ княземъ. Минута была торжественная. Какое впечатлѣніе должна была испытать царственная сирота безъ средствъ и почти безъ родины, готовясь стать супругою великого монарха? Исторія не открыла намъ этой тайны. Иванъ носилъ уже прозвище Грознаго, и оно осталось бы за нимъ въ исторіи, не отличайся своей жестокостью его внукъ—царь Грозный между всѣми. Иванъ III былъ высокаго роста, худощавый, но красивый. Въ чертахъ его лица, вѣроятно, обнаруживалась свирѣпость, выдававшая характеръ. Легенда, записанная Герберштейномъ, увѣряетъ, что отъ его взгляда женщины па-

дали въ обморокъ. Можетъ быть, въ этотъ день лучъ благосклонности и любви сверкнулъ на его челѣ и позволилъ Софіи надѣяться на счастливое будущее. Впрочемъ, тутъ было не до размышленія; немедленно же отправились въ скромное деревянное зданіе, временно замѣнявшее соборъ, который разрушился. Митрополитъ совершилъ таинство и благословилъ супруговъ. Мы лишены подробностей объ этой церемоніи. Лѣтопись сухо перечисляетъ присутствующихъ: мать великаго князя, его сынъ отъ перваго брака, Иванъ, его два, брата Андрей и Борисъ, князья и бояре, легатъ Бонумбре со своими римлянами, Дмитрій Траханіотъ, посланникъ Палеологовъ, точно такъ же, какъ и греки, прибывшіе съ нимъ.

На другой день Иванъ далъ аудіенцію иностраннымъ представителямъ и принялъ подарки, которые они предложили ему отъ имени своихъ государей.

Бонумбре провелъ около 10 недѣль въ Москвѣ. Съ его пребываніемъ въ столицѣ связано особенное воспоминаніе. Читатель

помнить, что религіозный вопросъ былъ поднять въ Римѣ. Возбуждены сомнѣнія относительно вѣры русскихъ. Путешествіе легата представляло лучшій способъ разсѣять ихъ. Мы не знаемъ, каково было содержаніе его инструкцій и размѣры его полномочій. Вольпе предложилъ произвести изслѣдованіе, увѣряя, что русскіе охотно согласятся на поученіе и исправленіе со стороны представителя папы. Этотъ послѣдній могъ, безъ сомнѣнія, убѣдиться, что цѣлая пропасть существуетъ между дѣйствительностью и тѣми рѣчами, которыя держались въ Римѣ. Однако же, если не изслѣдованія вѣры, то во всякомъ случаѣ пренія о ней состоялись въ Кремлѣ. Задача защищать русскую церковь естественно выпадала на долю митрополита, который избралъ себѣ въ помощники Никиту Поповича, славившагося своей глубокой ученостью. Если положиться на показаніе русской лѣтописи, которую вовсе нельзя провѣрить другими разсказами, то побѣда русскихъ была столь же блестяща, сколь полна.

*

Бонумбре будто бы былъ не въ силахъ бороться съ страшнымъ Никитой. Этотъ искусный боецъ не замедлилъ обезоружить своего противника: «Книгъ нѣтъ со мной», жалко», пробормоталъ легатъ, «мнѣ нечего отвѣтить». Напомнимъ здѣсь для сопоставленія, что вѣкомъ позже та же честь легкой побѣды досталась, по русскимъ источникамъ, на долю Ивана IV въ его преніяхъ съ Поссевиномъ. Тонкіе аргументы царя, въ 1582 году, сводились къ четыремъ главнымъ положеніямъ: папа заставляетъ себѣ покланяться, какъ Богу, и носить себя на носилкахъ, брѣетъ бороду и крестъ блеститъ «на сапогѣ». Захваченный врасплохъ, поставленный втупикъ Поссевинъ тщетно будто бы пытался дать объясненіе и замкнулся въ совершенное молчаніе. Пораженіе не могло быть болѣе унизительнымъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ современники, а историки, какъ Николай Устряловъ, долго еще будутъ повторять, что царь Иванъ заставилъ умолкнуть ученѣйшаго изъ іезуитовъ.

Вопреки болѣе или менѣе непріятнымъ

перепетіямъ исходъ переговоровъ Бонумбре, кажется, былъ мирнымъ. Онъ уѣхалъ изъ Москвы 26 января 1473 г., осыпанный подарками великаго князя. Въ Вильнѣ литовскіе епископы и магнаты представили папскому легату посланіе Сиксту IV, текстъ коего до насъ не дошелъ. Не получивъ отвѣта, тѣ же лица написали его вторично съ помѣткой отъ 14 марта 1476 года, свидѣтельствуя о своей вѣрѣ и своемъ единеніи со св. Престоломъ. Это—единственный документъ, гдѣ находится намекъ на легата Антона. Съ этого времени его слѣды исчезаютъ совершенно.

Сикстъ IV самъ, кажется, не имѣлъ прямыхъ сношеній съ Иваномъ III. Имя московскаго великаго князя упоминается только еще разъ папой по слѣдующему поводу. Въ 1484 году король Казимиръ, увѣрившись, что его соперникъ ищетъ въ Римѣ честолюбиваго титула императора или короля «всего рутенскаго народа», энергично протестовалъ, прося папу ничего не рѣшать до прибытія польскихъ пословъ. Этотъ шагъ

былъ преждевременнымъ, ибо никто еще не возбуждалъ этого вопроса при св. Престолѣ. Сикстъ IV поторопился тѣмъ не менѣе разувѣрить польскаго короля и обѣщать ему, что, въ случаѣ надобности, его правамъ оказано будетъ уваженіе.

ГЛАВА V.

Дѣло съ Тревизаномъ.

(См. Приложеніе № VII).

Жалобы и подозрѣнія противъ Вольпе.—Отозваніе Тревизана въ Венецію.—Москва и Золотая Орда.—Цѣль посольства Тревизана раскрылась. — Гнѣвъ Ивана.—Изгнаніе Вольпе.—Тревизанъ присужденъ къ смерти.—Его спасаетъ вмѣшательство другихъ иностранцевъ.—Переписка съ Венеціей.—Синьорія провозглашаетъ о правахъ Ивана на Константинополь.—Возвращеніе Джиларди въ Москву.—Отъѣздъ Тревизана въ Золотую Орду.—Успѣхъ его.—Тревизанъ въ Вильнѣ.—Контарини въ Москвѣ.—Подозрѣнія Ивана противъ Тревизана.—Хорошія отношенія съ Венеціей.

Празднованіе свадьбы Ивана было омрачено происшествіемъ, которое едва не имѣло роковыхъ послѣдствій и къ которому намъ нужно еще вернуться. Мы изложимъ ходъ дѣла по фрагментарнымъ даннымъ рус-

скихъ лѣтописей, пополняя ихъ венеціанскими документами, которые еще, намъ кажется, не повѣдали никому своей тайны.

Читатель помнитъ, что сеньорія послала въ Москву Джана Баттисту Тревизана, въ апрѣлѣ 1471 года, съ двоякаго рода порученіемъ: провѣрить на мѣстѣ сообщенія Джислярди и Вольпе и отправиться затѣмъ въ Золотую Орду, чтобы вести тамъ переговоры о войнѣ. Этотъ дипломатъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что Вольпе не оправдываетъ никоимъ образомъ довѣріе, которое ему оказывалось. Его патріотическія чувства были подчинены корыстолюбію и татарскій союзъ долженъ былъ доставить ему большія выгоды. Вмѣшательство великаго князя разрушило бы его экономическіе разсчеты; важно было его устранить совершенно. Хитрый итальянецъ окружилъ себя тайной и выдалъ Тревизана за своего племянника, явившагося устраивать семейныя дѣла. Онъ имѣлъ въ виду лишь сопутствовать ему въ Орду, но позже, ибо раньше онъ долженъ былъ вновь отпра-

виться въ Италію и привезти въ Москву принцессу Зою. Послѣ отъѣзда своего соотечественника, Тревизанъ увидѣлъ себя въ тяжеломъ одиночествѣ. Не зная языка страны, считая, что или ему измѣнили, или оставили его, какъ заложника, онъ высказалъ свои опасенія своему правительству. Они произвели впечатлѣніе и показались тѣмъ болѣе основательными, что Вольпе, находившійся уже въ Италіи, вмѣсто того, чтобы явиться для откровенныхъ объясненій, не рисковалъ дойти до Венеціи. Сеньорія была этимъ въ высшей степени оскорблена и, отказавшись отъ переговоровъ съ татарами 27 апрѣля 1472 г., она объявила своему секретарю приказъ вернуться. На свою бѣду тотъ не выѣхалъ тотчасъ же и едва не заплатилъ головой за это промедленіе. Порученіе было болѣе деликатно и опасно, чѣмъ могли думать венеціанцы.

Въ самомъ дѣлѣ, отношенія Москвы къ Золотой Ордѣ, отнынѣ уже близкой къ паденію, становились все болѣе и болѣе вра-

судебными. Русскіе государи не расточали болѣе своей казны въ Сараѣ. Недавнія побѣды скорѣе внушали надежду, вполнѣ сломить татарское иго. Въ 1472 г. негодующій на пораженія, возбуждаемый королемъ Казиміромъ, жаждая отмщенія, ханъ Магометъ напалъ на Россію во главѣ многочисленной арміи. Кровопролитныя столкновенія произошли на берегахъ Оки. Татары, лишенные подержки поляковъ, на которыхъ они черезчуръ положились, были разбиты и обратились стремительно въ бѣгство. 23-го августа Иванъ вернулся въ столицу, побѣдивъ врага, но не окончивъ войны. Золотая Орда не разоружившись, Магометъ оставался непримиримымъ врагомъ Москвы. Вести съ нимъ переговоры безъ вѣдома великаго князя, хотя бы о походѣ противъ турокъ, было предпріятіемъ, въ высшей степени рискованнымъ. Тревизанъ долженъ былъ въ томъ отдавать себѣ отчетъ и никому не открывалъ цѣли своего посольства. Иванъ ничего не подозрѣвалъ, когда роковая нескромность раскрыла тайну.

Въ концѣ 1472 года, едва явившись въ Москву съ Софіей Палеологъ, итальянцы и греки ея свиты были очень изумлены дѣйствіями Тревизана. Возникли распри и споры и вновь прибывшіе донесли на венеціанцевъ великому князю: «Тревизанъ», сказали они ему, «посланъ дожемъ Николо Троно къ хану Золотой Орды, чтобы предложить ему подарки и поднять татаръ противъ турокъ. Венеціанскіе документы всѣ упреки въ измѣнѣ сосредоточиваютъ на одномъ виновникѣ и глухо указываютъ причину, заставившую его дѣйствовать. Генуя соперничала постоянно съ Венеціей, а епископъ Антоній Бонумбре былъ генуезецъ: «хитрость или, вѣрнѣе, коварство этого апостольскаго легата» открыла будто бы русскимъ намѣренія венеціанцевъ. Кто бы ни былъ тутъ виновенъ, одно выступаетъ съ необыкновенной ясностью, что великій князь не зналъ до тѣхъ поръ ничего о татарскомъ посольствѣ и что тайна была обнаружена спутниками Софіи. Какъ они сами узнали ее? Догадались ли, или дѣло это не обошлось

безъ темныхъ интригъ? вотъ вопросы, которые остаются не рѣшенными.

Нужно вообразить себѣ изумленіе и негодованіе деспотическаго Ивана, когда онъ узналъ, что иностранный посланникъ завязывалъ при его дворѣ безъ его вѣдома двусмысленныя сношенія съ смертельнымъ врагомъ Москвы! Развѣ это не значило злоупотреблять гостепріимствомъ, нарушать международное право, вызвать возмездіе? Было приказано произвести дознаніе. Оно во всемъ подтвердило точность доноса и открыло великому князю, что Вольпе, посвященный въ его замыслы, предполагалъ отвезти тайно Тревизана въ Орду. Эта таинственность оправдывала всѣ подозрѣнія. Воспламененный гнѣвомъ», говоритъ лѣтописецъ, Иванъ изгналъ въ Коломну слишкомъ предпріимчиваго Вольпе; его жена и его дѣти были отданы подъ надзоръ, а домъ его былъ отданъ на разграбленіе. Болѣе жестокая участь ждала Тревизана: онъ былъ приговоренъ къ смертной казни и безъ вмѣшательства Бонумбре и другихъ иностранцевъ несчаст-

ный венеціанецъ, навѣрное бы, подвергся ей. Великій князь смягчился, благодаря ихъ энергичнымъ просьбамъ, и согласился сдѣлать запросъ дожу. Тревизанъ въ оковахъ былъ отданъ въ ожиданіи подъ стражу Никитѣ Беклемишеву.

Вѣрный своему слову, Иванъ обратился къ сеньорію съ посланіемъ, примирительнымъ и вѣжливымъ, но совершенно откровеннымъ. Судя по отвѣту,—ибо самый документъ утраченъ—Тревизанъ обвинялся въ тайныхъ сношеніяхъ съ татарами. Для того, чтобы доставить это письмо по назначенію, избрали того же самаго Антона Джисларди, который первый поднялъ въ Венеціи это важное дѣло, не возбуждая противъ себя подозрѣнія въ Кремлѣ и схоронивъ всѣ концы.

Сенаторы республики безъ труда поняли, что московское происшествіе заслуживаетъ серьезнаго и основательнаго осмотрѣнія. Они собрали для себя всѣ нужныя свѣдѣнія отъ итальянцевъ, жившихъ въ этихъ далекихъ странахъ. Джисларди послѣ своихъ путе-

шествій въ Римъ и Неаполь снова былъ допрошенъ и начальники Совѣта Десяти, завѣдывавшіе посольствами на востокѣ, получили полномочіе вести съ ними переговоры. Такой же интриганъ, какъ и его дядя, онъ съумѣлъ извлечь пользу изъ досуга, который ему предоставляли долгія сенатскія разсужденія, и, отправившись къ папѣ, онъ объявилъ, что русскіе пламенно желаютъ признать его главою церкви и премникомъ св. Петра, вслѣдствіе чего папа далъ ему важныя порученія къ Ивану III, какъ свидѣтельствуетъ самъ Сикстъ IV въ своемъ письмѣ отъ 1 ноября 1473 года къ нюренбергцамъ.

Венеціанцы съ рѣдкимъ упорствомъ, съ какимъ они преслѣдуютъ свои цѣли, вернулись къ мысли о союзѣ съ татарами. Они не хотѣли отказаться отъ этихъ воинственныхъ союзниковъ, и тѣмъ легче, казалось, установить соглашенія, что Джисларди самъ изъявлялъ готовность сдѣлать нужный шагъ. Что касается до Тревизана, то сенатъ рѣшился написать великому князю, чтобы

оправдать несчастнаго секретаря, добиться помилованія и разрѣшенія отправиться вмѣстѣ съ Джиславди къ Магомету. Эти рѣшенія были приняты 20-го ноября 1473 г. подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Самыя выраженія, которыя были употреблены въ данномъ случаѣ—замѣчательны. Мы предполагаемъ, говорили сенаторы, написать князю московскому и объявить ему, что посольство Тревизана имѣетъ скорѣе цѣлью удаленіе татаръ отъ Россіи, направленіе ихъ къ Черному морю и къ Валахіи съ цѣлью двинуть ихъ противъ общаго врага христіанъ, завоеваніемъ той Восточной имперіи «которая, за недостаткомъ наслѣдниковъ мужескаго пола, составитъ удѣлъ князя московскаго въ силу этого знаменитаго брака». Любопытно видѣть, что права Россіи на Византію провозглашаются въ XV в. главными обладателями левантской торговли. Одинъ пропускъ заслуживаетъ вниманія — это молчаніе насчетъ Вольпе: ни одного предательскаго слова въ его пользу; Венеція,

повидимому, не принимаетъ въ немъ участія.

Въ силу рѣшенія сената Джислярди отправился въ Москву съ подарками къ великому князю и хану Магомету, съ охранной грамотой для русскихъ, которые, должны придти въ Венецію, съ письмомъ отъ сеньоріи къ Ивану, съ другимъ письмамъ къ Тревизану и съ двумя копіями—съ этого послѣдняго письма и съ его полномочій для веденія переговоровъ съ Золотой Ордой. Изъ всѣхъ этихъ документовъ мы нашли только два посланія отъ 4-го декабря 1473 г. къ Ивану и Тревизану. Сеньорія разсыпается предъ великимъ княземъ въ похвалахъ, въ увѣреніяхъ самой искренней дружбы, въ благодарностяхъ за пощаду того, кто считался виновнымъ. «Мы причисляемъ себя къ лучшимъ изъ вашихъ друзей», говорили венеціанцы Ивану, «и мы желаемъ почтить васъ должнымъ образомъ». Чтобы оправдать секретаря, находившагося въ подозрѣніи, достаточно было раскрыть просто всю истину объ его посольствѣ, что позво-

ляло сверхъ того сдѣлать лестные намеки на бракъ Ивана съ Зоей и на возможныя права на Византію. Послѣ этого Венеція считала себя въ правѣ просить отсылки ея агентовъ къ Магомету. «Нѣтъ, говорила она, бо̀льшей заслуги предъ Всемогущимъ Богомъ, нѣтъ лучшей славы для князя московскаго, нѣтъ ничего болѣе пріятнаго для его лучшихъ друзей венеціанцевъ». Въ случаѣ непредвидѣннаго препятствія, Тревизанъ долженъ получить обратно свою свободу и вернуться на родину. Смѣло предвидя счастливый исходъ переговоровъ, сеньорія заранѣе даетъ своему секретарю инструкцію къ Магомету. Рѣчь сенаторовъ здѣсь пріобрѣтаетъ наибольшую горячность: нужно было сообщить другимъ воинственный пылъ, который послужилъ бы на пользу интересамъ Венеціи.

Антонъ Джисларди отправился въ сопровожденіи Паоло Оньибене, который былъ посланъ въ Персію, чтобы поддерживать Узунъ-Гассана въ его враждѣ противъ турокъ. Разставаніе произошло въ Краковѣ

въ февралѣ 1474 г. Польскій историкъ Длугошъ увѣряетъ также по этому случаю, что Джисларди былъ снабженъ папскими письмами къ Ивану III.

Въ Москвѣ успѣхъ венеціанскаго посланника былъ полный. Онъ получилъ для своего соотечественника все, что желалъ сенатъ. Освобожденный отъ оковъ, возстастановленный въ своемъ званіи, Тревизанъ получилъ еще подарокъ въ 70 рублей. Всѣ препятствія исчезли какъ по магическому слову. Плѣнникъ наканунѣ, ставшій опять дипломатомъ, онъ отправился въ іюлѣ 1474 года въ Золотую Орду съ дьякомъ Дмитріемъ Лазаревымъ и съ посланникомъ Магомета, возвращавшимся въ Сарай.

По русскимъ источникамъ, Лазаревъ вернулся въ Москву съ извѣстіемъ, что Тревизану не удалось устроить предположеннаго союза. Эти свѣдѣнія должны были только оправдаться позже, а по тому времени можно было ожидать лучшаго.

Въ самомъ дѣлѣ, Тревизанъ вернулся въ Венецію въ 1476 году въ сопровожденіи

двухъ татарскихъ посланниковъ: Тамира, отправленнаго самимъ Магометомъ, и Брунахо Батыря, являвшагося со стороны Тамира, любимаго военачальника ордынскаго хана. Эти восточные дипломаты предложили венеціанцамъ быть друзьями ихъ друзей и врагами ихъ враговъ. Они выражали готовность немедленно выступить противъ турокъ и требовали, по обычаямъ варваровъ, подарковъ драгоцѣнными камнями, платьями и въ особенности звонкой монетой. Сеньорія при случаѣ умѣла выказывать свою щедрость. Чтобы предохранить себя отъ неудачъ, она охотно расточала подарки. Предложенія татаръ были приняты съ радостью 10-го мая 1476 г. была вотирована сумма около 2,000 дукатовъ для удовлетворенія восточной жадности. Гонецъ былъ отправленъ предупредить Магомета, что его посланники принесутъ благопріятный отвѣтъ.

Сеньорія, такимъ образомъ, возобновляла свои переговоры съ Золотой Ордой, которыя ранѣе едва не потерпѣли неудачи. Въ

*

этомъ случаѣ ужъ не въ Москвѣ болѣе, а въ Польшѣ установился центръ дѣйствій. Король Казиміръ IV выказывалъ себя очень благосклонно. Да развѣ не было естественнымъ предположить, что католическій государь будетъ покровительствовать проектамъ, направленнымъ противъ ислама? Въ срединѣ того же 1476 года Тревизанъ былъ призванъ къ возобновленію своего далекаго посольства.

Онъ долженъ былъ сопутствовать татарскимъ посламъ чрезъ Польшу и Литву и остановиться потомъ въ Вильно, чтобы сообразить, какія мѣры нужно принять дальше. Заботясь о томъ, чтобы не встревожить Казиміра, дожъ Вандраминъ предписалъ своему послу настаивать въ особенности на томъ, чтобы татары не касались ни Польши, ни Литвы и чтобы ихъ дикія полчища пошли къ Константинополю другой дорогой.

Предосторожность разумная, но безполезная. Между тѣмъ какъ Тревизанъ, вѣрный своимъ приказамъ, подготовлялъ свои про-

екты въ Польшѣ, посланный Казиміра старался убѣдить венеціанскій сенатъ отказаться отъ татарскаго союза. Этотъ польскій представитель былъ никто иной, какъ Филиппъ Бонаккорси, болѣе извѣстный подъ именемъ Callimachus Experiens, старинный пріятель Помпонія Лэта, одинъ изъ корифеевъ римской академіи гуманистовъ. Сильно скомпрометированный въ заговорѣ 1468 г. противъ папы, бѣжавъ изъ темницы, куда его заключилъ Павелъ II, послѣ долгихъ скитаній по чужимъ краямъ, онъ въ концѣ концовъ нашелъ блестящій пріемъ при дворѣ Казиміра IV, довѣрившаго ему воспитаніе своихъ дѣтей и возлагавшаго на него дипломатическія порученія. Въ 1477 году посланный къ Сиксту IV отнынѣ помилованный изгнанникъ остановился въ Венеціи, чтобы изложить взглядъ своего господина на татарскій союзъ. Послѣдній былъ нарисованъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Въ три пріема указывалъ краснорѣчивый гуманистъ его многочисленныя неудобства. Трижды да-

вали ему увѣренія, что татары не преступятъ польскія границы.

Однако же, чтобы не причинять неудовольствія дружественной державы съ той удивительной осторожностью, которая его никогда не покидала, венеціанскій совѣтъ согласился отложить дѣло, и 18-го марта 1477 года Тревизанъ былъ отозванъ. Подобные переговоры, возобновленные впослѣдствіи, не привели къ практическому результату.

Слѣды Тревизана исчезаютъ съ его отъѣздомъ изъ Польши. Одинъ великій князь Иванъ продолжалъ хранить противъ него глубокое и неизмѣнное неудовольствіе. Онъ не скрылъ этого отъ Контарини, когда судьба привела послѣдняго въ Москву. Знаменитый патрицій, облеченный довѣріемъ своихъ соотечественниковъ, былъ посланъ въ Персію въ томъ же году, когда и Паоло Оньибене, но съ порученіемъ, болѣе важнымъ, къ Узунъ-Гассану. Въ ту эпоху столь отдаленное путешествіе было тяжкимъ испытаніемъ. Амброджіо Контарини пригото-

вился къ нему, какъ приготовляются къ смерти. Онъ исповѣдался, пріобщился и затѣмъ въ сопровожденіи духовника, исполнявшаго у него обязанности секретаря, переводчика и двухъ слугъ, онъ смѣло отправился въ путь. Ему пришлось испытать и лишенія, и страданія, и опасности. Черезъ Германію, Польшу, Малороссію и Татарію наши путешественники прибыли въ Каффу, переѣхали чрезъ Черное море на кораблѣ и продолжили свой путь верхомъ чрезъ Мингрелію, Грузію, Арменію до Персіи, Тавра и далѣе. Окончивъ свои переговоры съ Узунъ-Гассаномъ, Контарини для возвращенія въ Италію избралъ тотъ же путь. Каково было его затрудненіе, когда онъ узналъ въ Ѳазисѣ, теперь Поти, что турки завладѣли Каффой, нѣкогда цвѣтущей колоніей генуезцевъ. Предположенный маршрутъ становился невозможнымъ. Приходилось вернуться назадъ. Не имѣя другого исхода, неустрашимый венеціанецъ рѣшился сдѣлать длинный объѣздъ на Москву.

Маркъ Россо, русскій посланникъ, съ которымъ онъ встрѣтился въ Таврѣ, сопровождалъ его. Они вмѣстѣ переплыли чрезъ Каспійское море, пересѣкли «великую пустыню азіатской Сарматіи» и 26-го сентября 1476 года счастливо прибыли въ Москву чрезъ Рязань и Коломну.

Въ Кремлѣ венеціанскій посланникъ былъ принятъ, если не съ почетомъ, то съ уваженіемъ, подобающимъ его сану. Все-жъ съ первой аудіенціи, когда онъ разсыпался въ благодарностяхъ предъ великимъ княземъ, послѣдній быстро прервалъ его и, съ измѣнившись лицомъ, началъ горько жаловатьси на Тревизана. Нѣсколько дней спустя, бояре вернулись къ тѣмъ же причинамъ неудовольствія и повторяли тѣ же рѣчи. Контарини не говоритъ на этотъ счетъ болѣе въ донесеніи о своемъ путешествіи, но намъ теперь легко догадаться о причинѣ гнѣва Ивана: поляки возбуждали иногда татаръ противъ Москвы, и золотомъ оплачивали ихъ кровавые набѣги; великій князь узналъ, что Тревизанъ продолжалъ въ Поль-

шѣ переговоры съ Ордой, и это обстоятельство, пробуждая старыя подозрѣнія, должно было ихъ сильно подтверждать. Однако же, ни свѣтлѣйшая республика, ни ея представитель, заброшенный въ Москву, не пострадали отъ того подозрѣнія, къ тому же мало основательнаго со стороны недовѣрчиваго великаго князя. Контарини получилъ всѣ возможныя льготы для уплаты дорожныхъ долговъ. Онъ былъ осыпанъ подарками и получилъ аудіенцію у Софіи Палеологъ, выказавшей себя въ высшей степени къ нему предупредительной и милостивой. По случаю прощальнаго торжества, Иванъ, болѣе любезный, чѣмъ обыкновенно, долго разговаривалъ со своимъ гостемъ, доставляя ему возможность любоваться собольими шубами, крытыми парчей, и довелъ свою благосклонность даже до того, что избавилъ его отъ непріятнаго обряда. Въ концѣ обѣда гостю, уже насыщенному яствами и питіемъ, поднесли громадную серебряную чашу съ медомъ. Этикетъ требовалъ, чтобы она была опорожнена залпомъ за здоровье хозяина.

Воздержанный итальянецъ не былъ способенъ на этотъ вакхическій подвигъ; едва удалось ему выпить четверть этой роковой мѣры, Иванъ пощадилъ его насчетъ остального и подарилъ ему чашу.

Благосклонный пріемъ, оказанный Контарини, долженъ былъ служить болѣе возвышенной цѣли и ободрить его соотечественниковъ къ путешествіямъ на Сѣверъ. Накапунѣ сверженія монгольскаго ига и окончательнаго земельнаго объединенія Москва чувствовала потребность сблизиться съ Западомъ. Главнымъ образомъ, благодаря иностранцамъ, созваннымъ отовсюду съ большими издержками, лучъ Возрожденія проникъ въ Святую Русь.

ГЛАВА VI.

Конецъ татарскаго ига. — Возрожденіе въ Москвѣ.

(См. Приложеніе № VIII).

1) Москва и впечатлѣніе, произведенное ею на Контарини.—Характеръ москвитянъ.—Положеніе страны.—Упадокъ Золотой Орды.—Колебанія Ивана.—Союзъ съ Девлетъ-Гиреемъ.—Вліяніе Софіи.—Нашествіе татаръ въ 1480 г.—Робость Ивана.—Горячія рѣчи Вассіана.—Бѣгство татаръ.

2) Возрожденіе въ Европѣ. — Реформы Ивана. — Ихъ поверхностность.—Иностранцы на московской службѣ.—Цѣль московскихъ посольствъ.—Формулы вѣрительныхъ грамотъ. — Притязанія дипломатовъ.—Торговля.—Толбузинъ въ Венеціи.—Фіораванти въ Москвѣ.—Дмитрій и Мануилъ Ралевы въ Италіи.—Папская служба и выраженіе повиновенія папѣ.—Докси и Мамыревъ въ Миланѣ и въ Венеціи.—Дмитрій Ралевъ и Карачаровъ въ Венеціи, Римѣ и Неаполѣ.

1.

Путешественники, которые посѣщали Россію въ XV вѣкѣ по слѣдамъ Гильберта де Ланнуа и Джозафата Барбаро, были скупы на свѣдѣнія объ этой таинственной странѣ.

*

Контарини, имѣвшій всѣ данныя, чтобы живо воспроизвесть ее, послѣ четырехлѣтняго пребыванія на берегахъ Москвы, ознакомившись съ людьми и дѣлами; оставилъ намъ набросокъ, едва отражающій впечатлѣнія европейца на Сѣверѣ.

Внѣшній видъ Москвы не могъ поразить сына Венеціи, возращавшагося изъ живописныхъ нѣдръ Азіи. Скромная столица не имѣла еще своихъ безчисленныхъ колоколенъ съ остроконечными шпицами, пышныхъ сверкающихъ куполовъ, ничего того, что даетъ ей издали, при лучахъ заходящаго солнца, фантастическій обликъ индійскаго города. Резиденція великаго князя сводилась къ сборищу плохихъ домовъ, выстроенныхъ за дешевую цѣну и безъ всякихъ художественныхъ претензій. Зима налагала на нихъ, однако, печать оригинальности. Подъ снѣжнымъ покровомъ съ убранствомъ изо льда они казались изящными и почти граціозными. Новый центръ дѣятельности возникъ на скованныхъ льдомъ водахъ Москвы: въ концѣ октября, когда

ледъ достаточно окрѣпъ, на немъ появилось множестно лавокъ и рѣчка превратилась въ базаръ: сотни коровъ, свиней, барановъ, замороженныхъ и поставленныхъ на заднія ноги, какъ войско, готовое къ битвѣ, ждали своихъ покупателей. Дѣла смѣнялись удовольствіями: конскими бѣгами, кулачными боями и другими развлеченіями, болѣе или менѣе опасными. Эта страна, съ жестокими холодами, съ глубокимъ снѣгомъ и толстымъ льдомъ, была населена народомъ, хорошо сложеннымъ и сильнымъ. Мужчины и женщины красивы, говоритъ Контарини, но, добавляетъ онъ, этотъ народъ находится въ животномъ состояніи (gente bestiale). Отвратительныя язвы разъѣдали всѣ классы общества: демонъ пьянства, кажется, былъ постояннымъ гостемъ въ Москвѣ. Всюду встрѣчались страшнѣйшія пьяницы, которые хвастались этимъ и презирали воздержанныхъ. Напитокъ, правда, вкусный, но холодный, дѣлавшій столько жертвъ, былъ медъ. Строгія мѣры ограничивали его приготовленіе. Безъ этого моско-

виты, по мнѣнію венеціанца, были бы постоянно пьяны и перебили бы другъ друга, какъ дикіе звѣри. Лѣность купцовъ его удивляетъ также; до полудня они оставались еще на рынкѣ; но какъ только проходилъ этотъ роковой часъ, они отправлялись бражничать и закусывать. Дѣла прекращались, трудъ пріостанавливался, невозможно было получить ни малѣйшей услуги *).

Если очеркъ, набросанный наскоро, не изъ лестныхъ, это оттого, что онъ не полонъ. Московиты не были лишены высокихъ качествъ, ускользнувшихъ отъ Контарини: они были энергичны и настойчивы, колонизаторы по преимуществу, одарены способностью подражать. Когда христіанство проложило путь къ просвѣщенію во времена Ярослава, называемаго Мудрымъ, первый расцвѣтъ цивилизаціи оправдывалъ лучшія надежды на будущее. Нормальное

*) Viaggi fatti da Venetia alla Tana, pp. 87 до 96.

развитіе умственной жизни сначала было задержано кровавыми междоусобіями, а потомъ совершенно пріостановленно почти трехвѣковымъ татарскимъ игомъ. Народные нравы и характеръ ощутили дѣйствіе этихъ роковыхъ событій. Народъ коснѣлъ въ глубокомъ невѣжествѣ. Едва нѣсколько монаховъ въ глубинѣ монастырей записывали легенды и составляли лѣтописи. Сельскія эпопеи рапсодовъ выражали всю поэзію чувствъ. Искусство ограничивалось точнымъ воспроизведеніемъ старинныхъ гіератическихъ типовъ. Борьба съ невѣрными могла бы, какъ въ Испаніи, закалить воинственныя души; но въ русскомъ не было жилки Сида Кампеадора, и рыцарскія стремленія никогда не волновали глубокихъ народныхъ слоевъ Россіи. Если не считать нѣсколько героическихъ подвиговъ и блестящей защиты осажденныхъ городовъ, то съ татарами боролись болѣе политикой, чѣмъ оружіемъ. Великіе князья ловко шли къ ясно намѣченной цѣли. Народъ ничего не понималъ въ этихъ тонкихъ разсчетахъ.

Погруженный въ нищету, платящій тяжкія подати, подверженный монгольскимъ набѣгамъ, не имѣя никого, кто бы имъ руководилъ и кто бы его наставилъ, онъ видѣлъ вокругъ себя только мракъ и впадалъ въ свои грубые нравы. Чтобы дать Москвѣ мѣсто, принадлежащее ей по праву въ мірѣ, нужно было прежде всего освободиться отъ ненавистнаго ига невѣрныхъ, ибо территоріальное объединеніе было мало-по-малу уже сдѣлано, и, оттѣснивъ варваровъ въ Азію, вздохнуть живительнымъ воздухомъ Возрожденія, распространявшимся по Европѣ.

Единственное средство вернуть потерянное время и пойти нога въ ногу съ Западомъ было—отдаться ему въ науку и воспользоваться его прогрессомъ, лишь только національная свобода будетъ возвращена. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія бракъ Ивана съ Софіей имѣетъ чрезвычайное значеніе, явствующее изъ самыхъ фактовъ.

Обстоятельства того времени удивительно помогали государю этого княжества, носив-

шаго въ своихъ чреслахъ зародышъ гигантской имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ Иванъ своей твердою и искусною рукою образовывалъ національное единство, между тѣмъ какъ удѣлы исчезали или добровольно, или покоряясь силѣ, между тѣмъ какъ Москва становилась главнымъ очагомъ русской жизни, обратная работа разложенія и упадка обнаруживалась у татаръ, первобытная организація которыхъ не въ силахъ была сопротивляться дѣйствію времени. Чингисъ-ханы и Тамерланы умѣли господствовать надъ страшными полчищами кочевыхъ воиновъ, но природа не менѣе скупа на созданіе этихъ варваровъ съ жестокимъ и свирѣпымъ геніемъ, чѣмъ великихъ людей. Выродившіеся преемники этихъ титановъ чувствовали, какъ власть тлѣла въ ихъ рукахъ среди кровавыхъ волненій, вызываемыхъ междоусобіями. Глубоко потрясенная Золотая Орда мало-помалу распадалась на части: Казань, Крымъ, другія ханства еще отдѣлились отъ Сарая, унося съ собой только ненависть къ преж-

нимъ властителямъ. Въ концѣ XV вѣка нѣкогда столь грозная имперія видила себя пораженной въ сердце и окруженной смертельными врагами, вышедшими изъ своего собственнаго лона.

Не смотря на слабость татаръ, Иванъ колебался еще вступить съ ними въ открытую борьбу. Соединить храброе войско, подобно Дмитрію Донскому, устремиться на врага, дать ему битву, заплатить собственной жизнью, не было удѣломъ робкаго государя, предпочитавшаго интриги подвигамъ и мелкія стычки рѣшительнымъ битвамъ.

Враждебные замыслы были ловко скрыты. Не отправляясь лично въ Сарай, Иванъ платилъ еще дань, что не мѣшало ему вступить въ дружескія отношенія съ крымскимъ ханомъ. Возникшій вслѣдствіе этого союзъ былъ въ его рукахъ какъ бы обоюдоострымъ мечомъ, которымъ онъ пользовался противъ Сарая и противъ Польши, ибо Менгли-Гирей питалъ одинаковую ненависть къ хану Магомету и къ королю Ка-

зимiру. Оттого-то къ этой эпохѣ относятся разорительные набѣги крымскихъ татаръ на польскiя и литовскiя провинцiи. Обезпеченный со стороны южныхъ границъ, Иванъ могъ попытать счастья со стороны Сарая, но онъ боялся торопиться. Даже послѣ счастливаго исхода войны 1472 года, о которой рѣчь шла выше, прежнiя отношенiя не замедлили востановиться, и когда великiй князь у подножiя алтаря протянулъ руку Софьѣ, онъ былъ еще татарскимъ вассаломъ.

Большая доля почина въ дѣлѣ полнаго возращенiя нацiональной свободы принадлежитъ, по мнѣнiю лѣтописцевъ, надменменной византiйской принцессѣ. Дочь цезарей сохраняла гордость своего рода, она выросла среди ужаса, внушаемаго исламомъ; паденiе Константинополя, дало ей возможность оцѣнить значенiе независимости. Она побудила своего супруга сломить унизительное татарское иго и вернуть русскимъ полную самостоятельность. Соединяя примѣръ съ убѣжденiями, она частью

*

силою, частью хитростью изгнала изъ кремля ордынскихъ пословъ. Церковь, выстроенная по обѣту, была воздвигнута на томъ мѣстѣ, которое нѣкогда занимали татары, потерявшіе нынѣ доступъ въ священную ограду. Болѣе чувствительный ударъ былъ нанесенъ жаднымъ сборщикамъ дани, когда они должны были убѣдиться, что Москва отнынѣ не пошлетъ болѣе своихъ сокровищъ въ Сарай: внукъ Донского, покорный совѣтамъ Софіи, поднялъ, наконецъ, свою голову, бывшую слишкомъ долго склоненной.

Магометъ негодовалъ, что добыча Чингизъ-хана и Батыя ускользала изъ его рукъ. Онъ ждалъ не дождался увидѣть великаго князя, простертымъ у его ногъ, предлагающимъ ему злато, мѣха и паволоки. Оттого въ 1478 году онъ безъ труда поддался вліянію Казиміра IV, склонявшаго его напасть вновь неожиданно на Москву. Событія приняли тотъ же видъ, что въ 1472 г.: въ борьбѣ съ Новгородомъ, въ ссорѣ съ братьями великій князь открывалъ врагу свой флангъ. Успѣхъ нападенія зависѣлъ

отъ быстроты. Отсрочки Магомета дали Ивану время заключить миръ съ врагами скрѣпить союзъ съ Менгли-Гиреемъ, болѣе тѣснымъ и окончить военныя приготовленія. Прибывши на берега Оки, татары нашли занятыми и хорошо защищенными всѣ броды. Они отступили тогда на Угру, но встрѣтили тамъ тѣ же препятствія.

Торжественная минута,—это чувствовалось инстинктивно,—наступала въ исторіи. Народъ готовился защищать свои очаги и храмы, ненависть къ невѣрному искала исхода. Время требовало рѣшительныхъ дѣйствій; но Иванъ не былъ на высотѣ положенія. Онъ уже раскаявался въ порывѣ своего мужества, покинулъ войско, вернулся въ Москву, послалъ жену и сокровища на сѣверъ и спокойно оставался въ дали отъ врага. При видѣ этого русскіе, дрожа отъ негодованія, подняли сильныя жалобы. Архіепископъ ростовскій Вассіанъ Рыло, духовникъ государя, назвалъ смѣло своего духовнаго сына бѣглецомъ. Почтенный старецъ предлагалъ свои услуги для

начальства надъ арміей. Онъ былъ готовъ пожертвовать своей сѣдой головой. Онъ упрекалъ Ивана за его страхъ предъ смертью, какъ будто бы смертный могъ ее избѣгнуть. Эти откровенныя обвиненія смутили великаго князя. Не считая себя болѣе въ безопасности въ Кремлѣ, онъ удалился въ окрестности столицы, гдѣ еще провелъ нѣсколько дней въ проволочкахъ. Вынужденный наконецъ успокоить народное возбужденіе, онъ вернулся къ войску, но вмѣсто того, чтобы смѣло обнажить мечъ, онъ отправилъ пословъ просить милости у Магомета, предложить ему подарки, умолять о пощадѣ его улуса. Это новое униженіе переполнило мѣру. Архіепископъ Вассіанъ снова взялся за перо и обратился къ своему духовному сыну съ страстными упреками, проповѣдуя ему мужество и обѣщая ему побѣду. И такъ какъ Иванъ прикрывался совѣстью, онъ разрѣшилъ его отъ клятвы: православный государь, говорилъ онъ, никогда не обязанъ предавать христіанъ татарамъ, не болѣе чѣмъ Иродъ

былъ обязанъ обезглавить Іоанна Крестителя. Эта страстная рѣчь дѣлаетъ честь Вассіану. Библейская анаѳема противъ «нѣмой собаки» не можетъ его постигнуть. Мало епископовъ на Руси держало такую пророческую рѣчь, но весь этотъ пылъ былъ безсиленъ предъ колебаніями Ивана. При случаѣ онъ умѣлъ себя окружить слабодумными совѣтниками, «слушая, по выраженію лѣтописи, злыхъ человѣковъ, сребролюбцевъ, богатыхъ и брюхатыхъ, предателей христіанскихъ, поноровниковъ бесерменскихъ, иже совѣтуютъ государю на зло христианское, глаголюще, поиди прочь, не можеши съ ними стати на бой; самъ бо дьяволъ тогда усты ихъ глаголаше, той же дивне вшедъ въ змию и прелстилъ Адама» *).

Великій князь, доступный сатанинскимъ навѣтамъ, оставался въ оборонительномъ положеніи и предоставлялъ событія ихъ естественному теченію.

---

*) Ник. VI, стр. 113.

Русская армія уже однимъ своимъ числомъ внушала уваженіе Магомету. Отважиться на рѣшительный ударъ до соединенія съ Казиміромъ, казалось ему легкомысленнымъ. Но тщетно онъ ждалъ польскаго короля, который, задержаннный крымскимъ ханомъ, не могъ придти. Естественный же союзникъ Москвы оказался болѣе вѣрнымъ: зима своимъ холоднымъ дыханіемъ и снѣжными бурями застигла татаръ ранѣе, чѣмъ они успѣли помириться съ врагомъ. Дурно подготовленные къ такому тяжкому испытанію, они долго не выдержали.

11-го ноября былъ поданъ сигналъ къ общему отступленію. Вѣроятно, что русское золото играло роль въ этомъ рѣшеніи.

Благочестивые лѣтописцы-современники объясняютъ эти событія странннымъ чудомъ.

Когда русскіе, говорятъ они, изнемогая отъ усталости, рѣшились отступить, татары, пораженные внезапнымъ страхомъ, вмѣсто того, чтобы ихъ преслѣдовать, убѣ-

жали въ степи и остановились на зиму при устьяхъ Донца, разоривъ въ отмщеніе злосчастную Литву.

Какъ бы то ни было, 1480 годъ знаменуетъ конецъ татарскаго ига. Ханъ Магометъ былъ убитъ въ своей палаткѣ смѣлымъ соперникомъ. Золотая Орда отжила. Она сама собой рушилась на своихъ кровавыхъ развалинахъ. Для Россіи же, сбросившей свои вѣковыя цѣпи, свободной отнынѣ открывалось славное будущее. Когда армія, побѣдоносная, безъ кровопролитія вернулась къ своимъ очагамъ, веселый звонъ московскихъ колоколовъ возвѣщалъ скорѣе торжество искусной политики, чѣмъ личнаго мужества Ивана и его совѣтниковъ.

2.

Великій князь не ждалъ окончательной развязки, чтобы сблизиться съ Западомъ. Послѣдніе годы татарскаго владычества не отвлекали на столько вниманія русскихъ,

чтобы помѣшать имъ въ сношенiяхъ съ Европой. Съ вѣрнымъ сознанiемъ потребностей страны Иванъ поторопился выйти изъ этого одиночества, лишь только бракъ съ Софiей доставилъ ему случай. Византiйская принцесса привезла съ собою итальянцевъ и грековъ. Нѣкоторые изъ нихъ остались въ Москвѣ. Другiе явились вслѣдъ увеличить ихъ число. Главнымъ образомъ этими иностранцами пользовались для того, чтобы завязать внѣшнiя сношенiя.

Европа XV в. могла многому научить русскихъ. Возрожденiе разливалось по Италiи широкимъ потокомъ и распространялось все далѣе и далѣе по сосѣднимъ странамъ. Источникомъ его былъ Римъ, съ тѣхъ поръ какъ Николай V, соединяя тамъ лучшiе таланты и великихъ мастеровъ, основалъ ватиканскую библiотеку и далъ сильный толчекъ къ развитiю литературы и искусствъ. Возстановленный изъ своихъ развалинъ, Городъ Августа принималъ опять блестящiй видъ временъ золотого вѣка. Произведенiя Анжелико да Фьезолэ, Мелоццо

да Форли, Перуджино возбуждали всеобщее изумленіе. Чтобы высказать свои хвалы, гуманисты пользовались языкомъ Петрарки и Данте или, лучше, еще классической латынью, отъ которой не отказался бы Цицеронъ и Виргилій. Идеи распространялись быстро со временъ чудеснаго изобрѣтенія Гуттенберга и Фауста. Новый міръ открывался съ открытія Христофора Колумбо. Обольщенные успѣхомъ мореплаватели устремлялись въ океанъ въ погоню за неизвѣстнымъ. Умы волновались; соціальная жизнь расширялась; торговля и промышленность получали развитіе, дотолѣ неслыханное. Русскимъ нужно было только перейти границу, чтобы собственными глазами видѣть это зрѣлище. Но возвыситься до его начала, подняться до источниковъ, откуда исходило Возрожденіе и почерпнуть тамъ обновленіе отставшей страны — было не такъ легко. Геніальнный человѣкъ взялъ бы на себя эту задачу, Иванъ же не былъ изъ числа реформаторовъ. Одаренный яснымъ пра-

ктическимъ пониманіемъ, но не обладая широтою взгляда, онъ ограничивалъ себя тѣсными предѣлами. Слишкомъ мало образованный самъ по себѣ, чтобы стать, подобно Гарунъ-аль-Рашиду или Сулейману— покровителямъ литераторовъ, другомъ ученыхъ, онъ тѣмъ не менѣе былъ пораженъ пользою наукъ, онъ хотѣлъ воспользоваться ими въ настоящемъ, не заботясь, однако же, о будущемъ. Это былъ Петръ Великій въ маломъ размѣрѣ.

Такъ русскіе не умѣли строить каменныхъ церквей; еще недостроенныя онѣ уже обваливались съ трескомъ. Никто не умѣлъ изготовлять оружія, добывать руду, строить мосты, — настоятельныя потребности, которыя чувствовались все болѣе и болѣе. Къ Западу обратились за инженерами, за рудокопами, за архитекторами, за рабочими всѣхъ родовъ. Если новые пришельцы совершили чудеса, если ихъ труды возбудили удивленіе и приносили пользу, то никакого усилія не было сдѣлано, чтобы пробудить національный духъ и вызвать со-

ревнованіе съ иноземцами. Иванъ никогда не помышляетъ объ основаніи школы, о распространіи образованія, объ устройствѣ печатни, о перемѣнѣ общественныхъ взглядовъ, о воспитаніи новаго поколѣнія. Внѣшняя сторона западной культуры появлялась въ Москвѣ, но духъ, произведшій эту культуру, не проникъ къ русскимъ. Срывали цвѣты и плоды, возникшіе въ другомъ мѣстѣ, а ихъ земля была лишена еще плодотворнаго сѣмени. Отсюда произошло отсутствіе равновѣсія, дурная привычка полагаться на другого, неумѣстная недовѣрчивость къ собственному почину, въ сущности представлявшая ни что иное, какъ роковую умственную лѣнь.

Эта эпоха не произвела почти ничего оригинальнаго, она не обнаружила творческихъ силъ народа.

Странное дѣло! Тѣ же греки, которые устроили въ Италіи каѳедры краснорѣчія и философіи, коментировали Платона и Аристотеля, Гомера и Демосѳена, не попробовали даже учить грамматикѣ въ Москвѣ.

Безъ сомнѣнія, почва была не такъ подготовлена, какъ на Западѣ, но нужно предположить также, что въ Россіи отъ нихъ не потребовали бы этого рода услугъ. Болѣе блестящія и болѣе доходныя обязанности ждали ихъ въ Кремлѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, къ этому времени относятся первыя русскія посольства въ Европу, если не принять въ соображеніе путешествіе Вольпе и Джислярди. Обыкновенно главою посольства былъ грекъ. Его товарищами были русскіе, учившіеся дипломатическому искусству. Ихъ главною, часто единственною цѣлью былъ наемъ рабочихъ, артистовъ, даже докторовъ, и ихъ доставленіе въ Москву. Политическія дѣла велись только съ Габсбургомъ. Въ Италіи сводились они къ платоническимъ обѣщаніямъ по поводу лиги противъ турокъ. Полномочія этихъ посланниковъ должны были быть настолько шире, насколько ихъ вѣрительныя грамоты были коротки, но внушительны. Для того, чтобы дать представленія объ этой формулѣ, повторявшейся безъ измѣненія,

приведемъ посланіе Ивана къ Александру VI, сохраняющееся въ Венеціи:

«Александру папѣ, пастырю и учителю римъскія церкви; Іоаннъ Божіею милостію государь всея Россіи и великій князь володимірскій и московскій, и новгородскій, и псковскій, и тферскій, и югорскій, и вятьцкій, и прьмьскій, и блъгарскій, и иныхъ. Послали есмя до тобя пословъ своихъ Дмитреа Иванова, сына Ралева до Митроѳана Карачарова. И что учнутъ тобѣ отъ насъ говорити и ты бы имъ вѣрилъ. То есть наши истинные рѣчи. Писано на Москвѣ, лѣту ҂з҃; ѳ ве; *).

Отсюда видно, что великій князь не затруднялся давать свое полное довѣріе посланнымъ и тѣ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ не выказывали себя недостойными его. Было ли то остаткомъ варварства или признакомъ прогресса, воспоминаніемъ Византіи или прихотью Кремля

*) Библіотека св. Марка, Latini, Classe X, №174, p. 102.

но эти импровизированные послы выказывали себя неумолимыми насчетъ этикета. Они всюду добивались перваго мѣста, предпочитали не появляться вовсе, чѣмъ быть ниже другихъ, и защищали свои притязанія съ настойчивостью, доходившей до смѣшного. Подарки, которые они предлагали государямъ, состояли въ драгоцѣнныхъ мѣхахъ, каковы: куницы и соболя и изъ моржовыхъ клыковъ. Въ Венеціи не стѣснялись продавать эти предметы на аукціонѣ; въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно, ихъ избавляли отъ подобной обиды. Большею частію послы отправлялись къ Италіи и останавливались на короткое время въ Миланѣ, Венеціи, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ. Греческія колоніи расположились вдоль этой дороги и, можетъ быть, путешественниками руководило желаніе видѣть своихъ соотечественниковъ. Дорогой они сообщали итальянцамъ свѣдѣнія о Москвѣ и, занимаясь торговыми дѣлами не менѣе, чѣмъ дипломатіей, они усердно устраивали сдѣлки и охотно принимали порученія. Небольшая

записка маркиза мантуанскаго, отъ 10-го мая 1499 года, позволяетъ намъ заключить, что дѣло иногда не обходилось безъ нѣкоторой назойливости. Дмитрій Ралевъ, путешествовавшій въ ту пору по Италіи, счелъ себя обязаннымъ увѣдомить маркиза о своемъ близкомъ отъѣздѣ въ Москву, предложить ему свои услуги, изъявляя готовность или самому отправиться въ Мантую, или прислать кого нибудь вмѣсто себя. Франческо Гонзага отвѣтилъ столь рѣшительнымъ отказомъ и такими горячими пожеланіями счастливаго пути, что они едва прикрываютъ отказъ *). Тогдашніе лѣтописцы не нарисовали портретовъ греческихъ или московскихъ пословъ великаго князя въ XV вѣкѣ: разница должна быть поразительной. Одни имѣли случай болѣе или менѣе пріобрѣсти западный лоскъ, другіе, вѣроятно, походили на Шеврюгина и Молвянинова или на ихъ собратьевъ XVII вѣка, приводившихъ въ такой соблазнъ руссофила—Крыжанича.

---

*) Giornale araldico, августъ. 1888 г., стр. 49.

За недостаткомъ болѣе полныхъ свѣдѣній, можетъ быть не будетъ безполезнымъ соединить здѣсь въ одной картинѣ разбросанныя по разнымъ мѣстамъ подробности о русскихъ посольствахъ въ Италіи до 1505 года. Они оставили самые прочные слѣды, ибо привлекли въ Москву талантливыхъ людей.

Семенъ Толбузинъ открываетъ шествіе этихъ дипломатовъ. 24-го іюля 1474 года онъ былъ посланъ въ Венецію въ сопровожденіи Джислարди, уже извѣстнаго читателю. Иванъ помиловалъ Тревизана и отправилъ его въ Золотую Орду. Толбузинъ принесъ эти добрыя вѣсти сеньоріи и занялся наборомъ иностранцевъ. Такъ какъ онъ привезъ соболей, то сенатъ рѣшилъ, 27-го декабря 1474 года, послать великому князю взамѣнъ парчи на 200 дукатовъ. Толбузинъ самъ получилъ въ подарокъ парчевый костюмъ; его секретарь — платья изъ камки; его слуги — изъ краснаго сукна. Всѣ эти наряды путешествовали уже далеко. Они возвращались изъ Персіи, гдѣ не предста-

вилось случая раздать ихъ при дворѣ Узунъ-Гассана. Кремль былъ счастливѣе.

Толбузинъ, побывавъ въ Римѣ, въ мартѣ 1475 года вернулся въ Москву. Его посольство останется навсегда знаменитымъ, ибо оно дало русскимъ итальянца безсмертной славы. Рудольфъ Фіораванти дельи Альберти, извѣстный подъ именемъ Аристотеля, былъ одною изъ артистическихъ знаменитостей своей родины. Судья, компетентный въ этомъ дѣлѣ, г. Мюнцъ не колеблется назвать его самымъ славнымъ инженеромъ и самымъ выдающимся архитекторомъ въ Италіи XV вѣка. Родомъ изъ Болоньи, онъ пріобрѣлъ сначала извѣстность въ Римѣ, гдѣ онъ перенесъ громадныя монолитныя колонны съ площади Минервы въ Ватиканъ. Въ 1454 году онъ осмѣлился въ своемъ родномъ городѣ на настоящій tour de force, перенеся съ одного мѣста на другое, въ цѣломъ видѣ, не разрушая ее, громадную башню, извѣстную подъ именемъ della Mazione. Кардиналъ Виссаріонъ, бывшій тогда папскимъ легатомъ, далъ 50

флориновъ смѣлому инженеру. Будучи отъ природы удивительно дѣятеленъ, Фіораванти отличался поочередно въ Неаполѣ, въ Миланскомъ герцогствѣ, въ Венгріи, затѣмъ опять въ Римѣ, гдѣ Павелъ II желалъ поднять гранитный обелискъ, уступившій впослѣдствіи только велѣніямъ Сикста V. Слава Аристотеля установилась такъ прочно, что губернаторъ Болоньи говорилъ про него: «никто не знаетъ въ архитектурѣ того, что неизвѣстно Фіораванти». Призываемый одновременно султаномъ Боязетомъ и великимъ княземъ Иваномъ, онъ предпочелъ Кремль Босфору и отправился въ Москву со своимъ сыномъ Андреемъ. Благодаря ему, въ городѣ царей воздвиглись такія церкви, каковъ Успенскій и Архангельскій соборы и дворцы, которыми онъ гордится и донынѣ. Фіораванти остался въ сношеніяхъ со Сфорцой. Онъ послалъ въ Миланъ соколовъ и кречетовъ, за которые герцогъ щедро заплатилъ дукатами и матеріями. Въ 1479 году болонскіе городскіе представители (болонскіе консерваторы)

потребовали его обратнаго возвращенія на родину, но ихъ желаніе не было исполнено. Позднѣе, самъ Фіораванти, испуганный кровавымъ и быстрымъ судомъ великаго князя, помышлялъ о бѣгствѣ, но принужденъ былъ остаться.

Послѣ перваго посольства наступилъ перерывъ, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ. Только въ 1488 году на Дмитрія и Мануила Ралевыхъ было возложено новое дипломатическое порученіе въ Италію. Оба брата принадлежали къ греческой семьѣ, поселившейся уже три года предъ тѣмъ въ Москвѣ. На этотъ разъ нужно было возвѣстить заграницей о важномъ событіи. Въ 1487 году, воспользовавшись смутами, происходившими въ Казани, великій князь послалъ войско противъ татарскаго города, взялъ его приступомъ, низложилъ государя, враждебнаго русскимъ, и возвелъ на его мѣсто вѣрнаго союзника. Полное присоединеніе Казани было бы преждевременнымъ. Иванъ удовольствовался тѣмъ, что намѣтилъ дальнѣйшій путь для завоеваній, при-

нявъ титулъ великаго князя Болгарскаго. И такъ какъ военный подвигъ былъ славнымъ, то онъ давалъ удобный случай гордиться имъ на Западѣ.

Ралевы были отправлены съ этою вѣстью въ Италію. Послѣ 70-ти-дневнаго путешествія они прибыли въ Венецію и были приняты сенатомъ 6-го сентября 1488 г. Главная часть ихъ рѣчи была посвящена «великой побѣдѣ, одержанной въ іюнѣ 1487 года ихъ королемъ (sic) надъ татарскимъ государемъ, напавшимъ на него съ 110,000 всадниковъ».

Венеціанцы, оказалось, удовлетворились этими неопредѣленными разсказами, не ища точнѣйшихъ свѣдѣній. Оба Ралевы напомнили затѣмъ о своемъ греческомъ происхожденіи и выставляли себя самыми вѣрными и самыми преданными слугами сеньоріи, въ знакъ чего, кромѣ мѣховъ отъ великаго князя, они предложили отъ своего собственнаго имени 80 соболей. За это каждому изъ нихъ было подарено парчевое платье и 100 дукатовъ. Чтобы покрыть расходы, сенаторы

продали соболей на аукціонѣ. Изъ Венеціи послы отправились въ Римъ. 18-го ноября они присутствовали при папской мессѣ въ Ватиканѣ. Когда пропѣли «Слава въ вышнихъ Богу», папа Иннокентій VIII пригласилъ одного изъ нихъ на ступеньки своего трона. Почетное мѣсто было ему назначено непосредственно за сенаторомъ, представлявшимъ славное прошлое Рима. Церемоніймейстеръ Burchard, сохранившій намъ эти подробности, прибавляетъ, что посолъ былъ отправленъ для того, чтобы выразить папѣ повиновеніе. Это свѣдѣніе должно отмѣтить. Читатель помнитъ, что Вольпе для вящшаго назиданія зрителямъ далъ формальныя увѣренія въ покорности папѣ. Не повторились ли здѣсь также эти двусмысленныя выраженія и не обнаружили ли греки въ этомъ случаѣ своей обычной изворотливости? Это могло бы объяснить благопріятное мнѣніе, которое долгое время имѣло Римъ относительно настроенія Москвы.

Ралевы вернулись въ Россію только въ

1490 году, приведя съ собою множество работниковъ: каменьщиковъ, оружейниковъ, литейщиковъ и др. Между новыми пришельцами находился еврей докторъ изъ Венеціи, упоминаемый въ лѣтописи подъ именемъ Льва Жидовина, который, конечно, не предвидѣлъ печальной участи, ожидавшей его въ новомъ отечествѣ. Лишь только онъ прибылъ, его попеченію былъ ввѣренъ Иванъ, сынъ великаго князя отъ первой жены Маріи. Это былъ молодой человѣкъ 32 лѣтъ, страдавшій, какъ кажется, отъ подагры. Слишкомъ увѣренный въ своемъ искусствѣ Левъ жизнью своею ручался за выздоровленіе больного, который, однако умеръ и доктору была отрублена голова. Три года спустя по возвращеніи Ралевыхъ въ маѣ 1493 г., въ Италію направляются грекъ вмѣстѣ съ русскимъ, Мануилъ Докса съ Данилой Мамыревымъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда они прибыли въ Миланъ, въ ихъ честь была устроена охота въ долинахъ Тессино. Она прекрасно удалась. Наоборотъ, бракъ Біанки Сфорцы съ Максимиліаномъ I

былъ причиной непріятнаго происшествія. Послы Ивана отказались присутствовать на немъ, чтобы не уступать перваго мѣста представителямъ св. имперіи, Испаніи или Франціи. У упорствующихъ не было недостатка въ основательныхъ причинахъ. Не говоря про знатность рода, утверждали они, нашъ государь болѣе могуществень, чѣмъ короли Венгріи, Богеміи и Польши, взятые вмѣстѣ. Они остались непреклонными, но эта гордость нисколько имъ не повредила. Людовикъ Сфорца, опекунъ юнаго герцога миланскаго, остался доволенъ русскимъ посольствомъ и пожелалъ поддерживать сношенія съ Иваномъ. Въ Кремль даже долженъ былъ отправиться нарочный посолъ Бокалино мантуанскій съ цѣлью сдѣлать болѣе тѣсными узы дружбы. Если это посольство и состоялось, то оно во всякомъ случаѣ не оставило слѣдовъ. 29-го декабря 1493 года русскіе явились въ венеціанскій сенатъ, а въ слѣдующемъ году они вернулись въ Москву въ сопровожденіи иностранцевъ, поступившихъ на службу великаго

князя. Въ числѣ ихъ находился архитекторъ Альвизъ и оружейный мастеръ Піетро. Они явились кстати: чтобы пополнить пробѣлъ, образовавшійся со смертью Петра Антоніо Солари († 22-го ноября 1493 г.). Онъ выстроилъ башню и стѣны и принялъ участіе въ постройкѣ знаменитой Грановитой палаты.

Въ 1499 году Дмитрій Ралевъ снова получаетъ порученіе—отправиться въ Венецію, Римъ и Неаполь, но ужъ болѣе не съ своимъ братомъ, а съ русскимъ—Митроѳаномъ Карачаровымъ. Выше мы воспроизвели вѣрительныя грамоты, которыя они имѣли къ папѣ, и двусмысленную переписку съ маркизомъ мантуанскимъ. Торговля доставляла имъ затрудненія, даже въ венеціанской таможнѣ были удивлены ихъ громадной кладью. 11-го марта 1500 года они присутствовали въ Римѣ въ консисторіи, гдѣ Александръ VI проповѣдывалъ крестовый походъ противъ турокъ. По возвращеніи въ Венецію, будучи приглашены на торжественную процессію, они от-

казались въ ней принимать участіе, какъ только почетное мѣсто было предоставлено французамъ. Сеньорія не заявляла претензій по этому поводу и выказалась сговорчивой. Нужно было щадить предполагаемыхъ союзниковъ противъ ислама. Предпочли говорить съ нимъ объ этомъ горячемъ вопросѣ и возбуждать ихъ мужество для войны съ турками; въ такомъ смыслѣ было сочинено письмо къ Ивану. По поводу этого посольства обнаружилось національное соперничаніе, проявлявшееся въ послѣдующіе вѣка: Литвинъ проѣзжалъ по Италіи въ то же время и повсюду оспаривалъ московскіе разсказы.

Таковы приблизительно посольства, которыя Иванъ III отправлялъ въ Италію. Траханіотъ тоже былъ въ Римѣ, только неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ. Въ общемъ русскіе могли себя поздравить съ пріобрѣтеніями: Фіораванти, Солари, Дебосси оставили продолжительные слѣды своего пребыванія; Кремль обязанъ имъ своими лучшими зданіями, въ которыхъ

*

часто византійскій стиль соблюдается только внутри, между тѣмъ какъ снаружи выступаетъ вліяніе Возрожденія. Политика оставалась въ сторонѣ; въ этомъ отношеніи Ивану не на что было надѣяться отъ Италіи, и онъ въ свою очередь не торопился предлагать услугъ противъ турокъ.

Дипломатическія миссіи русскихъ съ Австріей и въ другія мѣста слишкомъ извѣстны, чтобы стоило къ нимъ возвращаться. Эти разнообразныя сношенія не мѣшали великому князю устремлять взоръ на Византію. Въ его царствованіе можно замѣтить начало восточнаго вопроса.

ГЛАВА VII.

Возникновеніе восточнаго вопроса въ Россіи.

(См. Приложеніе № IX).

Востокъ и латиняне. —Виды на Москву. — Двойственность политики Ивана.—Союзъ съ Крымомъ.— Торговля съ турками. — Отсутствіе солидарности съ Западомъ.—Дипломатическія сношенія съ султаномъ. — Народное настроеніе. — Авторитетъ грековъ поколебленъ.—Москва третій Римъ.—Вѣнецъ и бармы Мономаха.—Легенда о бѣломъ клобукѣ.— Теорія Филоѳея. — Венеція провозглашаетъ право Москвы на Константинополь.—Мануилъ Палеологъ переходитъ въ исламъ.—Андрей Палеологъ дважды посѣщаетъ Москву.—Онъ продаетъ свои права на Византію Карлу VIII. — Впослѣдствіи передаетъ ихъ въ силу своего завѣщанія Фердинанду и Изабеллѣ Испанскимъ.—Права Софіи.—Ея вліяніе въ Кремлѣ.—Ея религіозныя мнѣнія.—Временная опала. — Сынъ Софіи провозглашенъ наслѣдникомъ престола.

Восточный вопросъ въ современномъ смыслѣ этого слова возникаетъ въ Россіи только съ конца XV вѣка. До тѣхъ поръ происходила борьба съ Монголами, такъ

сказать, въ сторонѣ отъ Европы. Только въ эпоху сверженія ненавистнаго ига и перваго вступленія въ западно-европейскую жизнь великій князь московскій получилъ возможность стать въ извѣстное положеніе къ султану.

Въ теченіе полувѣка Востокъ, какъ мы уже сказали, являлся латинянамъ въ мрачномъ свѣтѣ. Славянскіе народы балканскаго полуострова были покорены турками. Нѣкогда цвѣтущій городъ Константина служилъ столицей для падишаха. Европѣ грозило новое мусульманское нашествіе. Крылатый левъ св. Марка дрожалъ за свою восточную торговлю. Венгрія, всего болѣе подверженная нападеніямъ, требовала помощи людьми и деньгами. Но тѣ, которые нѣкогда призывали народы къ освобожденію Св. Гроба,— папы—подняли свой голосъ вновь, чтобы исторгнуть христіанъ изъ тисковъ ислама. Лишь только Москва стала лучше извѣстна въ Европѣ, повсюду пробудилась надежда найти въ великомъ князѣ союзника противъ турокъ. Разсчеты эти исключительно

основывались на возвышенныхъ цѣляхъ. Интересы низшаго порядка ускользали отъ людей, знавшихъ Россію только по имени.

Иванъ III отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ положеніи. Онъ воспользовался съ необыкновеннымъ искусствомъ выгодами, которыя оно представляло. Образъ дѣйствія, принятый имъ, запечатлѣнъ ловкимъ притворствомъ и заднею утилитарной мыслью, ясно выступавшей. Эта двойственная политика будетъ долго оставаться въ чести въ Кремлѣ. Въ этомъ отношеніи Москва не уступала венеціанской сеньоріи или Франціи Людовика XI.

Въ виду вызывающаго положенія, занятаго турками, Иванъ понималъ свой рыцарскій долгъ: религіозныя вѣрованія соединялись съ историческими воспоминаніями, чтобы возбуждать въ немъ ужасъ къ бусурманамъ. Оттого охотно выставлялъ онъ себя отъявленнымъ врагомъ полумѣсяца, готовымъ наводить на него ужасъ мечомъ Дмитрія Донского. Въ Римѣ и Венеціи рус-

скіе послы возбуждали воинственный пылъ папъ и дожей. Можно было бы подумать, что православный государь ждетъ только минуты, чтобы устремиться на врага. На самомъ же дѣлѣ этотъ показной энтузіазмъ и эта напускная ревность служили только для того, чтобы сбить съ пути общественное мнѣніе; обѣщанія крестоваго похода были обманчивы. Иванъ жилъ съ турками въ добромъ согласіи и не намѣревался нарушать этой подозрительной дружбы. Поддерживать ее побуждали политическіе и торговые интересы.

По сверженіи татарскаго ига, московская политика преслѣдовала одну цѣль—вернуть русскія области, вошедшія въ составъ Польши и Литвы. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній заключались и расторгались союзы съ иностранными державами, и съ этой точки зрѣнія дружественныя отношенія съ Менгли-Гиреемъ, о которыхъ была рѣчь выше, имѣли не меньшую цѣну, чѣмъ всякія другія. Но татарскій, ханъ со времени завоеванія Крыма Магометомъ, сталъ про-

стымъ турецкимъ вассаломъ и борьба съ султаномъ, его сюзереномъ, владѣвшимъ Чернымъ моремъ, влекла бы для Москвы расторженіе ея исконнаго союза съ Крымомъ. Сами по себѣ мирныя отношенія съ турками входили въ разсчеты Ивана III; онъ уже предвидѣлъ въ султанѣ опаснаго врага для поляковъ; въ виду всего этого соглашеніе съ падишахомъ представлялось въ благопріятномъ свѣтѣ.

Матеріальные интересы сближали также оба народа. Русскіе не менѣе, чѣмъ турки, дорожили возможностью сбывать товары другъ друга. Ихъ торговые караваны хорошо знали дорогу на Каффу и на Азовъ, гдѣ происходилъ обмѣнъ русскихъ кожъ, персидскаго шелка, индійскихъ матерій и пряностей. Заинтересованныя стороны сильно желали сохраненія этихъ торговыхъ центровъ, достигавшихъ нѣкогда при генуэзцахъ такого цвѣтущаго состоянія. Оттого, когда русскіе считая, что ихъ права нарушены, покинули эти рынки, турки первыми стали ихъ приглашать назадъ и

просить ихъ о возвращеніи. Въ Москвѣ остались очень довольны этими просьбами, ибо Иванъ не хотѣлъ ничего другого, кромѣ продолженія этой доходной торговли, лишь бы только русскіе не подвергались стѣснительнымъ налогамъ.

Вообразить себѣ великаго князя приносящимъ въ жертву свои выгоды для услуги Западу, значило бы странно ошибиться насчетъ характера этого государя, преслѣдовавшаго исключительно утилитарныя цѣли. Онъ, пожалуй, несознательно примѣнялъ систему невмѣшательства. Европа допустила монголовъ овладѣть Россіей; ни одна освободительная армія не явилась на помощь притѣсненнымъ, обязаннымъ только себѣ отвоеваніемъ независимости. Что удивительнаго въ томъ, если исчезло сознаніе единства съ великой христіанской семьей? Это равнодушіе простиралось даже на славянъ Балканскаго полуострова, не смотря на общность вѣры, языка и происхожденія. Панславистская идея дремала еще въ глубинѣ сознанія и ждала своего историческаго

часа, чтобы появиться. И такъ, великій князь обнадежилъ обѣщаніями и рѣчами враговъ ислама. А въ дѣйствительности же онъ воспользовался Менгли-Гиреемъ, чтобы вступить въ лучшія отношенія съ Баязетомъ. За перепиской послѣдовали посольства. Первый турецкій посолъ, въ 1493 г., былъ остановленъ въ Кіевѣ и принужденъ былъ вернуться. Ревнивые стражи границъ — литовцы, притворно выставляли на видъ преслѣдованіе шпіонства. Въ сущности же они хотѣли изолировать Москву. Эта маленькая побѣда вызвала только замедленіе на нѣсколько мѣсяцевъ. Иванъ съумѣлъ взяться за дѣло болѣе ловко, чѣмъ Баязетъ, и русскій представитель достигъ Босфора. Это былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 35, Михайло Плещеевъ, полный претензій и рѣдкаго упорства. Онъ обнаруживалъ надменное презрѣніе по всѣмъ налогамъ, не допускалъ различія между своимъ багажомъ и товаромъ къ великому неудовольствію нелюбезныхъ таможенныхъ чиновниковъ. Паши и визири внушали ему посредственное уваженіе.

Предтеча Меншикова, онъ считалъ себя довольно важнымъ лицомъ, чтобы вести переговоры прямо съ главою вѣрныхъ, не подчиняясь унизительному восточному этикету. Его странное поведеніе поразило непріятно Баязета. Онъ горько жаловался на то общему другу Менгли-Гирею, но ни одного слова упрека не было обращено къ Ивану. Наоборотъ, отвѣтъ турокъ дышетъ благосклонностью и лестная неожиданность для Кремля,—титулы прописаны съ такою восточною щедростью, которая способна была удовлетворить самое большое честолюбіе.

Съ этой эпохи до царствованія Алексѣя Михаиловича, бывшаго свидѣтелемъ полнаго переворота, сношенія съ Турціей были мирными. Иванъ IV, Θеодоръ, Борисъ Годуновъ, даже Михаилъ Романовъ, слѣдуя по стопамъ Ивана III, братались съ Стамбуломъ и подымали воинственные клики, чтобы удовлетворить Западъ. Султаны ихъ не слышали, или, если и слышали, то и не тревожились этимъ болѣе нужнаго. Пред-

чувствуя опасность на Сѣверѣ, тонкая восточная политика не торопилась вызвать бурю. Русскіе казались, въ самомъ дѣлѣ, грозными для турокъ, ибо балканскія православныя народности были всецѣло преданы Бѣлому Царю, ихъ единовѣрцу, и Бѣлый Царь имѣлъ безграничную власть надъ своими поданными, надъ ихъ имуществами и жизнью. Таково было мнѣніе наиболѣе мудрыхъ визирей и они не утаивали его отъ венеціанскихъ пословъ, передавшихъ намъ этотъ секретъ.

Если въ правящихъ кругахъ господствовало примирительное настроеніе, то иное чувство воодушевляло массы. Ненависть къ невѣрнымъ, слѣпая, непримиримая, коренящаяся въ глубинѣ русскаго сердца, перемѣшивалась съ религіознымъ фанатизмомъ. Могущественный рычагъ, которымъ впослѣдствіи будутъ пользоваться русскіе императоры съ политической цѣлью, всякій разъ какъ ихъ войска направятся къ Дунаю. Оттого хитрый лордъ Broukham не безъ основанія будетъ удивляться про-

тиворѣчію между чувствительными прокламаціями, дышащими православіемъ, въ началѣ восточныхъ войнъ и существенными договорами, которыми онѣ оканчиваются.

Важно установить тотъ фактъ, что бракъ Иванъ III съ наслѣдницею трона, ниспровергнутаго турками, не оказалъ дурного вліянія на дипломатическія сношенія обоихъ народовъ. Великій князь могъ даже принять византійскій гербъ чернаго двуглаваго орла, не возбуждая ревности и подозрѣнія своего сильнаго сосѣда. На другой почвѣ это событіе вызвало странныя явленія, освѣщая, такимъ образомъ, съ новой стороны восточный вопросъ. Особенная связь, соединявшая издавна Москву съ Византіей, сдѣлалась еще тѣснѣе съ тѣхъ поръ, какъ Софія появилась въ нѣдрахъ Россіи и притомъ въ пользу Москвы, но не Византіи. Смутная идея о православной миссіи, посѣщавшая головы книжныхъ людей, получила отнынѣ историческое неоспоримое основаніе. Отсюда возникло настроеніе, генезисъ котораго можно

указать, проникшее до глубины низшихъ народныхъ слоевъ и дошедшее потомъ до трона.

Въ самомъ дѣлѣ, когда Византія, въ X вѣкѣ просвѣтила Москву свѣтомъ христіанства, когда миссіонеры и епископы окрестили народъ на Днѣпрѣ, устроили нѣсколько школъ въ Кіевѣ и учредили іерархію въ странѣ, греки получили въ глазахъ русскихъ чрезвычайное значеніе. Новообращенные окружали своихъ апостоловъ и учителей глубокимъ почтеніемъ. Ученость и святость, казалось, принадлежали, если не исключительно, то преимущественно византійцамъ.

Въ срединѣ XV вѣка это народное убѣжденіе было сильно потрясено двумя послѣдовательными ударами: Флорентійскимъ соборомъ, гдѣ императоръ Іоаннъ VIII и патріархъ Іосифъ провозгласили унію съ Римомъ, и паденіемъ Константинополя. Зловѣщіе слухи распространились уже насчетъ грековъ немедленно послѣ собора: ихъ обвиняли въ томъ, что они измѣнили вѣру отцовъ и отдались латинянамъ. Когда по-

лумѣсяцъ замѣнилъ крестъ на Босфорѣ, когда св. Софія была превращена въ мечеть, сами событія, казалось, подтверждали эти обвиненія: взятіе Византіи турками не являлось ли небесной карой, наказаніемъ, постигшимъ грековъ за ихъ отступничество? Изъ этихъ посылокъ легко вытекалъ практическій выводъ.

Византія нѣкогда заявляла претензію на полную гегемонію въ мірѣ. Резиденція императора, центръ гражданскаго управленія, юная и гордая столица стремились также стать центромъ религіознымъ: она старалась присвоить себѣ первенство, составляющее по волѣ божества удѣлъ престола св. Петра. Всѣ эти тенденціи выражаются однимъ магическимъ словомъ: Византія есть Новый Римъ. Нѣчто подобное повторяется теперь въ Москвѣ: другая сцена, другія дѣйствующія лица, условія совершенно иныя, но сходство идей свидѣтельствуетъ объ ихъ связи. Византія, говорятъ, измѣнила своей миссіи. Она перешла къ Москвѣ—къ palladium управославія, не имѣющей соперниковъ

въ будущемъ. Филоѳей, псковскій монахъ, первый формулировалъ эту блестящую теорію въ письмахъ къ великому князю Василію Ивановичу и дьяку Михайлу Мунехину. Московскіе книжники были заняты въ ту пору разрѣшеніемъ таинственнаго вопроса: спрашивалось, естественныя или сверхъестественныя причины вызвали бѣдствіе, постигшее Константинополь; отвѣтъ на эти сомнѣнія наивно искался въ Библіи и у лѣтописцевъ въ странныхъ комбинаціяхъ чиселъ отъ Адама до XV вѣка и даже въ теченіяхъ звѣздъ. Филоѳей предостерегаетъ своихъ соотечественниковъ отъ ошибочныхъ выводовъ и указываетъ имъ на единственный вѣрный и справедливый: Византія, говоритъ онъ, пала за то, что измѣнила истинной вѣрѣ и приняла латинство. Но тотчасъ же онъ самъ себя поправляетъ: пала ли, дѣйствительно, Византія въ болѣе возвышенномъ смыслѣ этого священнаго слова, Византія—досточтимое сѣдалище христіанской власти, символъ сліянія между церковью и государствомъ,

Византія духовная? Нѣтъ, отвѣчаетъ монахъ св. Элеазара, православная имперія не исчезла, она только перемѣстилась, она тамъ, гдѣ бьется сердце вселенской церкви, гдѣ сохраняются живыя преданія апостольскія, гдѣ истинная вѣра защищена государемъ могущественнымъ и свободнымъ. Старый же Римъ палъ въ отступничество; у него нѣтъ болѣе ни государя, ни законнаго первосвященника; турки развѣнчали Новый Римъ, чтобы сдѣлать изъ него мусульманскую столицу; только Москва отнынѣ соединяетъ всѣ необходимыя условія. Она — третій Римъ навѣки, сверкающій какъ солнце, сіяніе котораго ничто не затемнитъ, ибо никогда не возникнетъ четвертый Римъ, и, обращаясь къ государю съ горячимъ словомъ, Филоѳей привѣтствуетъ его, какъ главу христіанъ, которому принадлежитъ будущее *).

---

*) Правосл. Собесѣд. февр., май 1861 г., янв. 1863 г.; Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку, стр. 1—25.

Въ совершенномъ соотвѣтствіи съ этими высокими стремленіями народный геній создаетъ циклъ легендъ, приписывающій Москвѣ всемірное первенство гражданское и религіозное. Такъ существовало мнѣніе, что Комненъ переслалъ знаки императорскаго достоинства Константина Мономаха великому князю Владиміру, называемому также Мономахомъ. Эта матеріальная передача, впрочемъ сомнительная, сдѣлалась въ концѣ концовъ передачей самой верховной власти, правомъ на наслѣдство въ случаѣ уничтоженія имперіи. Очень любопытна также странная легенда о бѣломъ клобукѣ, данномъ императоромъ Константиномъ папѣ Сильвестру. Въ Римѣ пытаются уничтожить роковой подарокъ, но въ виду угрожающаго видѣнія его пересылаютъ въ Византію. Новыя опасности здѣсь возникаютъ: Константинъ и Сильвестръ являются во снѣ патріарху Филоѳею и даютъ ему совѣтъ предложить клобукъ епископу Василію новгородскому: Россія, такимъ образомъ, вступаетъ въ обладаніе этимъ дра-

гоцѣннымъ сокровищемъ. Легенда дѣлаетъ отсюда побѣдоносный выводъ, что «благодать», честь и слава покинули уже ветхій Римъ, что Византія будетъ скоро лишена ихъ въ свою очередь и что вся святость, все величіе божественнымъ велѣніемъ сосредоточатся въ Москвѣ. Должно отмѣтить въ этихъ легендахъ контрастъ: если мірская власть исходитъ изъ Византіи, то религіозное первенство имѣетъ источникомъ Римъ. Какъ не сказать, что это—отдаленное эхо римскаго первенства, признаваемаго даже нѣкогда въ Византіи?

Опираясь на народныя симпатіи, смѣлая фикція Филоѳея проложитъ свою дорогу. Она появится въ Кремлѣ, когда великій князь Иванъ IV, вспоминая о своемъ родствѣ съ византійскими императорами, обратится къ восточнымъ патріархамъ за утвержденіемъ принятаго имъ пышнаго титула; когда Москва, ставшая резиденціей царя, будетъ добиваться чести сдѣлаться резиденціей патріарха. Византійскіе епископы, аѳонскіе монахи, согбенные подъ

турецкимъ игомъ, явятся въ Россію умолять о помощи государя, просить милостыню, составлять планы для похода. Иллюзія станетъ все болѣе и болѣе полной. Слава Византіи перейдетъ изъ Босфора къ Москвѣ.

Мы только вкратцѣ указали этотъ ходъ идей, но самый фактъ ихъ появленія достаточенъ для нашей цѣли.

Отсюда можно понять важность этого брака, который, расширивъ внезапно горизонты, далъ болѣе не фиктивныя права, но реальныя (по крайней мѣрѣ наружно) на наслѣдство, котораго въ равной степени добивались и государь, и народъ. Намъ остается разсмотрѣть историческое основаніе этого права не съ точки зрѣнія византійскаго законодательства, но согласно мнѣнію, господствовавшему тогда въ Европѣ. Послѣ великаго разоренія 1453 года не могло быть болѣе рѣчи ни о народномъ собраніи для избранія государя, ни о сенатѣ, который утвердилъ бы этотъ выборъ. Во всякомъ случаѣ, политическое сознаніе За-

пада преклонялось еще предъ этими титулами, болѣе или менѣе авторитетными, даваемыми по справедливости или изъ приличія. Читатель не забылъ, что съ 1473 года венеціанскій сенатъ, который всегда отличался осторожностью и точностью въ своихъ утвержденіяхъ, призналъ не менѣе того, по собственному почину, права Ивана III на Византійскую имперію за отсутствіемъ мужского потомства въ линіи Палеологовъ. Это убѣжденіе было такъ искренно, что дожъ не побоялся высказать его открыто въ письмахъ къ великому князю. Столь категорическое утвержденіе, исходящее изъ Венеціи при томъ настроеніи умовъ, въ которомъ находились русскіе, должно было, безъ сомнѣнія, произвести на нихъ живое и глубокое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что предвидѣніе сената не было совершенно химерическимъ и могло даже осуществиться въ эпоху, болѣе или менѣе близкую.

Въ самомъ дѣлѣ, у принцессы Софьи было только два брата, Андрей и Мануилъ. Они получили воспитаніе въ Римѣ подъ

высокимъ и отеческимъ наблюденіемъ Виссаріона. Ни тотъ, ни другой не оправдалъ надеждъ кардинала, желавшаго, чтобы юные принцы достойно носили свое славное имя. Мануилъ, одаренный характеромъ дѣятельнымъ и предпріимчивымъ, утомленный, можетъ быть, ролью, которую онъ игралъ въ Римѣ, перемѣнилъ дворъ папы на дворъ падишаха, отказался отъ Евангелія и принялъ коранъ. Мечты о величіи и богатствѣ, если онъ ихъ питалъ, не осуществились. Магометъ принялъ его милостиво, назначилъ ему доходы, далъ нѣсколькихъ рабовъ, но его благосклонность не пошла дальше этихъ незначительныхъ подачекъ; Мануилъ никогда не достигъ ни до высшихъ чиновъ въ арміи, ни до высшихъ должностей при дворѣ. Его положеніе было не изъ веселыхъ: турки не выказывали ему особенной угодливости. Въ глазахъ христіанъ его отступничество равнялось полной потерѣ короны. Изъ его двухъ сыновей, Іоаннъ умеръ въ истинной вѣрѣ, не оставивъ потомства; Андрей былъ обрѣзанъ по приказу Селима

и зачисленъ въ его войско. Такъ исчезаютъ всѣ права на Византію со стороны Мануила.

Болѣе сложнымъ былъ вопросъ по отношеніи къ Андрею. Какъ старшій братъ, онъ былъ законнымъ представителемъ всей династіи и, никогда не вступая въ переговоры съ турками, считалъ, что ему принадлежитъ, по личному праву, престолъ его предковъ. Ничто, однако, не доказываетъ его мысль, оружіемъ возстановить свое право, или серьезно просить военной помощи у Запада. Имѣя малое значеніе въ Ватиканѣ, нося иногда край папскаго облаченія, онъ удовлетворялъ свое честолюбіе дешевымъ и не всегда разборчивымъ путемъ. Онъ объѣзжалъ Европу съ цѣлью зарабатывать деньги продажей наслѣдственныхъ правъ.

Во-первыхъ Андрей посѣтилъ Москву дважды, въ 1470 и 1490 гг. Его пребываніе тамъ каждый разъ было кратковременно. Лѣтописи сухо замѣчаютъ, что одно изъ этихъ путешествій стоило Софьѣ боль-

шихъ денегъ. Заключилъ ли онъ по этому случаю договоръ съ своей сестрой и новый Исавъ ли продалъ за деньги права первородства? Источники, извѣстные доселѣ, не даютъ отвѣта, но дѣйствія Андрея по отношенію къ королямъ французскому и испанскому оправдываютъ нѣкоторыя подозрѣнія.

Изъ всѣхъ государей эпохи наиболѣе легко могъ поддаться соблазну христіаннѣйшій король, старавшійся оправдать этотъ почетный титулъ и имѣвшій въ Гильошѣ бордосскомъ пророка своихъ завоеваній въ св. Землѣ. Съ нимъ-то началъ свои первые переговоры Андрей Палеологъ. Въ 1491 году онъ отправился въ Туръ къ юному королю, даровавшему ему, 31-го октября, пенсію въ 723 ливра, «чтобы вознаградить его за большія траты и расходы, сдѣланные имъ по случаю прихода изъ страны константинопольской къ намъ для разрѣшенія нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ, касающихся блага нашего королевства, въ ожиданіи, пока мы его наградимъ и обезпечимъ

лучше». За этой первой уплатой, 16-го ноября, послѣдовала вторая, въ 350 ливровъ, «на возвращеніе въ Римъ къ нашему святому отцу-папѣ». Андрей съ своей стороны предложилъ бѣлаго сокола — царственный подарокъ, очень цѣнимый знатоками; впрочемъ, онъ вывезъ его изъ Москвы. Послѣ этого слѣды ихъ отношеній исчезаютъ до 1494 года, когда совершился важный актъ. Карлъ VIII занимался въ то время болѣе, чѣмъ когда либо завоеваніями Неаполя, первой ступенью для будущаго восточнаго императора къ обладанію Византіей.

При столь широкихъ замыслахъ заблаговременное полюбовное соглашеніе съ законнымъ претендентомъ было необходимо въ видахъ предусмотрительной политики. Кардиналъ Раймондъ Перро взялъ на себя это дѣло. 6-го сентября 1494 года онъ отправился въ церковь св. Петра въ Монторіо и отслужилъ обѣдню въ честь Св. Духа. По исходѣ священнодѣйствія, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, какъ разсказываетъ легенда, потерпѣлъ мученичество глава апо-

столовъ, Андрей Палеологъ уступилъ всѣ свои права, въ присутствіи двухъ нотаріусовъ, на имперію константинопольскую и трепизонтскую и на Сербію Карлу VIII, королю французскому. Кардиналъ обѣщалъ отъ имени своего господина ежегодную пенсію въ 4,300 золотыхъ дукатовъ, команду надъ сотней копейщиковъ, помѣстье съ доходами 5,000 дукатовъ, военный союзъ для отвоеванія Мореи, нравственную поддержку для исправнаго полученія пенсіи, назначенной ему Сикстомъ IV съ фондовъ крестоваго похода.

Этотъ договоръ, обязательный для двухъ сторонъ, долженъ былъ подвергнуться санкціи короля и долженъ былъ получить значеніе только со времени формальной ратификаціи. Была ли она, въ самомъ дѣлѣ, произведена? Если вѣрить Райнальди, Карлъ VIII заявилъ папѣ Александру VI, что Андрей Палеологъ уступилъ ему всѣ права на Константинополь, что предполагаетъ естественно ратификацію. Съ другой стороны, своимъ завѣщаніемъ отъ 7-го апрѣля 1502 г.

наслѣдникъ Цезарей передалъ тѣ же права Фердинанду и Изабеллѣ испанскимъ, распоряженіе, несовмѣстное съ уступкой Карлу VIII. Сверхъ того, женившись на женщинѣ низкаго происхожденія, Андрей умеръ, не оставивъ потомства. 17-го іюня 1502 года его вдова Екатерина получила отъ папы скромную сумму въ 104 дуката для погребенія господаря. Двойная продажа, которую этотъ послѣдній позволилъ себѣ, если бы даже подобная странная торговля имѣла законное значеніе, дѣлала передачу этихъ правъ тѣмъ болѣе проблематичною, что Софья никогда не отказывалась отъ византійскаго престола.

Въ глазахъ современниковъ государыня московская, оставшаяся одна въ живыхъ изъ всѣхъ Палеологовъ, должна была считаться предполагаемой наслѣдницей Восточной имперіи. Венеціанскіе дожи офиціально выражали это мнѣніе. Римскіе папы впослѣдствіи будутъ держать ту же рѣчь, приглашая царей идти на Константинополь, ихъ старинную вотчину. Было бы любо-

пытно установить мнѣніе Софіи на этотъ счетъ.

Лишенная средствъ и живя нѣкогда милостыней, смотрѣла ли она когда либо на Византію, какъ на свое приданое, и внушала ли своему мужу подобные взгляды. Къ несчастію, сохранившіяся насчетъ Софіи данныя столь обрывочны и незначительны, что историку трудно возстановить въ точности черты ея физіономіи и совершенно невозможно разрѣшить вопросы относительно подробностей. Русскія лѣтописи не отличаются нѣжностью къ принцессѣ. Герберштейнъ и Курбскій подтвердили суровые приговоры лѣтописцевъ. Контарини приводитъ только факты второстепенной важности. Отъ нея едва дошелъ до насъ силуэтъ, но мы все же постараемся его обрисовать.

Софія была представительницей рода Палеологовъ временъ упадка. Кровавыя усобицы въ ихъ семьѣ, лишенія, несчастія, можетъ быть, обострили ея характеръ и развили менѣе благородные инстинкты въ

ея сердцѣ. Покинувъ изгнаніе для того, чтобы занять тронъ, окруженная иностранцами въ своемъ новомъ отечествѣ, она никогда не внушала къ себѣ расположенія русскихъ. Оттого ее изображаютъ женщиной гордой и надменной, интриганткой, въ высшей степени коварной. Повидимому, она имѣла, иногда по крайней мѣрѣ, большое вліяніе на Ивана, въ которомъ она вызывала рѣшимость порвать съ унизительными традиціями монгольскаго данничества. Другое измѣненіе во внутренней политикѣ не могло быть приписано совпаденіямъ: при патріархальномъ, почти грубомъ московскомъ дворѣ появляется пышный этикетъ, издали напоминающій византійскій; устраиваются новыя должности, подчиненныя строгой іерархіи; принужденіе замѣняетъ прежнюю свободу; государь становится менѣе доступнымъ, замкнутымъ въ своемъ величіи. Князь Курбскій, бояринъ старинной знати, съ горечью замѣчаетъ, что Иванъ не совѣтовался болѣе съ своими окружающими и все дѣлалъ самъ. Оче-

видно, великій князь московскій подражалъ византійскимъ самодержцамъ. Софія съ своей стороны распахнула широко двери терема, ранѣе недоступныя, давала аудіенціи иностранцамъ и отправляла посланія къ венеціанской сеньоріи, — все неслыханныя новшества.

Съ точки зрѣнія религіозной византійская принцесса выказываетъ ревность къ православію. Нужно ли ее обвинять въ отступничествѣ, или дѣйствовала она по искреннему убѣжденію — это вопросъ, который необходимо ускользаетъ отъ тѣхъ, кто не можетъ рыться въ чужой совѣсти. Каково бы ни было душевное настроеніе, нельзя сомнѣваться въ внѣшнемъ проявленіи благочестія ея въ православной вѣрѣ. Если вѣрить лѣтописцамъ, на долю Софіи выпало едва не чудо. Для радости ея семейнаго очага не доставало сына. Горюющая по этому поводу супруга совершила благочестивое путешествіе въ монастырь св. Сергія и во время видѣнія получила столь желаемую милость. Другое доказа-

тельство ея ревности представляютъ тѣ совѣты, которые она давала своей дочери Еленѣ, вышедшей замужъ за государя-католика. Слухи объ обращеніи ея распространялись время отъ времени и Софія никогда не упускала случая, — мы это скоро увидимъ, — защиты дѣла православія.

Самый темный періодъ въ жизни принцессы — это ея временная опала у Ивана, находящаяся, главнамъ образомъ, въ связи съ притязаніями на наслѣдство. Старшій сынъ Ивана III, прямой наслѣдникъ, умеръ, завѣщая всѣ свои права маленькому сиротѣ Димитрію. Когда Софія родила сына, у Димитрія явился опасный соперникъ. Начались интриги, глухіе заговоры. Раздались голоса, обвиняющіе честолюбіе юной матери. Было поручено произвести дознаніе. Оно стоило жизни нѣсколькимъ боярамъ, представленнымъ виновными, и нѣсколькимъ женщинамъ, которыя были выданы за колдуней. Софія сама вмѣстѣ съ новорожденнымъ Василіемъ была удалена. Опала казалась безповоротной. Иванъ, чтобы

наложить на нее послѣднюю печать, вѣнчалъ своего внука съ необычайной пышностью, но Кремль имѣлъ еще ту черту сходства съ Византіей, что въ немъ происходили дворцовые перевороты, извѣстные только по своимъ результатамъ, а не по своимъ подробностямъ, остававшимся въ тайнѣ. Вопреки всѣмъ предвидѣніямъ, юнаго Дмитрія въ свою очередь постигла опала. Софія вернула свое прежнее мѣсто на тронѣ, и судьбы Москвы были ввѣрены окончательно ея сыну Василію. Если сирота цезарей питала честолюбивыя мечты о царствѣ, то онѣ исполнились.

Не смотря на все свое сродство съ Византіей, которое должно было его сдѣлать враждебнымъ туркамъ, великій князь,— мы видѣли это,—поддерживалъ прекрасныя отношенія съ падишахомъ. Другіе враги— славяне и христіане — возбуждали воинственныя страсти русскихъ.

ГЛАВА VIII.

Смѣшанный бракъ.

Александръ Ягеллонъ и Елена.—Причины неудовольствія Москвы противъ Литвы.—Гедиминъ.—Завоеванія русскихъ земель.—Литва и Польша.—Притязанія Ивана III.—Александръ проситъ руки Елены. Перемиріе и смѣшанный бракъ. — Празднество въ Вильнѣ.—Папруссизмъ. — Придирка Ивана III.—Посольство Виттеліуса въ Римъ.—Александръ VI требуетъ или обращенія Елены въ католичество, или развода.—Чувства Елены.—Война съ Москвой. — Александръ Ягеллонъ избранъ въ короли польскіе.—Шестилѣтнее перемиріе.—Переговоры съ Юліемъ II.—Смерть Александра Ягеллона.—Проекты Елены и ея смерть.—Заключеніе.

Въ 1495 году великій князь литовскій Александръ Ягеллонъ, преслѣдуя политическую цѣль, заключилъ бракъ съ княжной Еленой, дочерью Ивана III и Софіи Палеологъ. Любовь, наклонности, взаим-

ныя симпатіи здѣсь не играли никакой роли. Получивъ гуманистическое образованіе отъ Бонаккорси, Александръ, не смотря на свои посредственныя дарованія, былъ вполнѣ человѣкомъ временъ Возрожденія. Онъ не сдѣлался ни страстнымъ ученымъ, ни великимъ полководцемъ, ни искуснымъ администраторомъ, но вкусъ къ изящному и наклонности къ умственной жизни остались въ немъ навсегда. Какъ было любить ему московскую княжну, обсрегаемую отъ нескромныхъ взоровъ въ глубинѣ терема, чуждую высокой духовной культуры? Но въ XV вѣкѣ государственныя соображенія одерживали верхъ надъ чувствами личной привязанности и имѣли рѣшающее значеніе въ брачныхъ вопросахъ, а такъ какъ славянскій міръ страдалъ уже тогда отъ ранъ, которыя ослабляютъ его и теперь, то въ качествѣ послѣдняго средства, чтобы исцѣлить ихъ, мудрецы хотѣли испытать дѣйствіе Гименея. Зло отъ этого только ухудшилось.

Нужно бросить бѣглый взглядъ назадъ,

чтобы понять лучше вѣковую распрю между Литвою и Москвою. Въ то время, какъ русскіе изнывали подъ монгольскимъ игомъ, между литовцами, въ дѣвственныхъ лѣсахъ Нѣмана появился необыкновенный человѣкъ. Легендарные разсказы окружают колыбель Гедимина. Одаренный поразительной энергіей, онъ имѣлъ даръ завоевывать и внушать таинственное уваженіе къ своей личности, какой свойственъ только основателямъ династій. Его желѣзная рука съумѣла быстро подавить внутренніе раздоры и единеніе стало началомъ новой силы. Дѣйствуя въ духѣ своихъ воинственныхъ дружинъ, Гедиминъ овладѣлъ нѣсколькими пограничными русскими провинціями, воздвигъ гордую столицу на живописныхъ берегахъ Вилліи и распространилъ первыя свѣдѣнія, необходимыя для культуры, между своими полудикими соотечественниками. Его царствованіе составило эпоху и надолго послужило программой для будущаго. Преемники того, кто гордо присвоивалъ себѣ титулъ великаго

князя литовскаго и русскаго, ни одинъ разъ подвигались впередъ по его слѣдамъ и окончили завоеванія запада и юга Россіи. Новая мирная эра наступила съ Владиславомъ Ягеллономъ, когда тотъ соединилъ Литву съ Польшей, женившись на юной и поэтической Ядвигѣ, наслѣдницѣ короны Пястовъ. Оттолѣ предъ Москвою явилось могучее соперничающее государство, хотя и не имѣющее внутренняго единства. Польша составляла противоположность съ Литвою, а та въ свою очередь распадалась на литовцевъ и русскихъ. Однако, единеніе между «сынами свѣта и сынами мрака», какъ выражаются славянскіе пѣвцы, было продолжительнымъ, если не считать нѣсколькихъ временныхъ отдѣленій, случавшихся въ разное время. Такъ, послѣ смерти Казиміра IV, въ 1492 году, одинъ изъ его сыновей, Янъ Альбертъ, сталъ королемъ Польши, тогда какъ другой, Александръ, надѣлъ корону великаго княжества Литовскаго.

Иванъ III счелъ тогда, что наступила

минута съ большею силою, чѣмъ прежде, настаивать на своихъ требованіяхъ. Разсчетъ и слѣпая сила вещей вооружали его противъ Александра. Гедиминъ былъ соперникомъ Ивана Калиты, и если одинъ отторгалъ области у потомковъ св. Владиміра, то другой оставлялъ имъ въ наслѣдство искусную политику національнаго единства и глухую вражду противъ татаръ. Отсюда можно было предвидѣть возникновеніе войнъ, направленныхъ къ возврату отторгнутаго, лишь только будетъ свергнуто татарское иго и уляжется внутренняя борьба. Въ самомъ дѣлѣ, едва освободившись и вернувшись къ своему историческому будущему, московскіе русскіе занялись литовскими русскими. Ихъ сближали племенныя и религіозныя связи и раздѣленіе не ослабило взаимныхъ симпатій. Конечно, панславистскія утопіи не посѣщали еще ничьихъ мозговъ, но соединеніе всѣхъ русскихъ подъ гегемоніей Москвы было политическимъ идеаломъ великихъ князей. Два могущественные рычага—православіе и народность—

обезпечивали за ними заранѣе значительныя преимущества надъ католической Польшей, надъ Литвой, готовой ополчиться; Иванъ III, хорошо знавшій положеніе, широко воспользовался его выгодами. Онъ поддерживалъ тайныя сношенія въ странѣ, покровительствовалъ возстаніямъ, привлекалъ къ себѣ недовольныхъ и приготовлялъ, такимъ образомъ, съ неутомимымъ постоянствомъ почву для будущаго. Немедленно послѣ смерти Казиміра тайные подходы смѣнились открытой враждой. Ханъ крымскій, господарь молдавскій получили увѣдомленіе о войнѣ. Московскія войска совершили много вторженій, сожгли маленькіе пограничные города и овладѣли нѣсколькими крѣпостями.

Великій князь Александръ былъ не изъ такихъ, чтобы обнажить мечъ; онъ не въ силахъ былъ противостоять врагамъ, соединившимся противъ него. Миръ съ Москвою улыбался ему болѣе. Чтобы получить выгодныя условія, онъ думалъ о бракѣ съ дочерью Ивана III. Соперникъ, превратив-

шійся въ тестя, послужилъ бы щитомъ противъ Молдавіи и Крыма, можетъ быть даже далъ бы пособія для войны противъ турокъ. Какъ ни мало были основательны эти надежды, онѣ тѣмъ не менѣе плѣнили миролюбиваго Александра, немедленно же принявшагося за дѣло.

Брачные переговоры начались въ 1492 г. и продолжались болѣе двухъ лѣтъ безъ вреда для военныхъ дѣйствій. Паны литовскіе первые высказали эту мысль московскимъ боярамъ. Разъ начало было успѣшно, офиціальные послы принялись за его продолженіе въ концѣ того же года. Ихъ образъ дѣйствій служитъ отраженіемъ нравовъ того времени; получивъ порученія увѣдомить о смерти Казиміра и восшествіи на престолъ новаго государя, они приступили къ деликатному брачному вопросу только тогда, когда вино развязало языкъ. Русскіе, не видѣвшіе еще дна въ своихъ стаканахъ, осмотрительно отвѣтили, что лучше заниматься миромъ. Поистинѣ съ обѣихъ сторонъ желали окончанія войны и даже брач-

наго союза: Александръ чувствовалъ свою слабость въ военномъ отношеніи, Иванъ же битвамъ предпочиталъ интриги и переговоры. Если великій князь выказывалъ мало поспѣшности, это служило признакомъ только того, что онъ занималъ положеніе для предстоящей дипломатической борьбы.

Въ надеждѣ достигнуть соглашенія, не смотря на разногласіе въ подробностяхъ, въ Москву, въ январѣ 1494 года, прибыло посольство. Проектъ брака былъ оставленъ къ концу. Русскіе прежде всего требовали занятій политическими вопросами. Какъ ни были оживлены пренія, они продолжались недолго и литовцы уступили во всемъ, согласившись на важныя земельныя уступки. Вязьма переходила къ Ивану, который одинъ получилъ выгоду отъ исправленія границъ. Ихъ честолюбіе точно также было принесено въ жертву, и титулъ «Государя всея Россіи» былъ признанъ за великимъ княземъ московскимъ подъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ притязаній на Кіевъ—

священную колыбель русской народности. Столь уступчивые противники заслуживали того, чтобы стать друзьями и ничего не препятствовало больше ихъ государю стать зятемъ Ивана, который предлагалъ ему взамѣнъ дешевыя обѣщанія мира съ Крымомъ и Молдавіей. Второго февраля послы попросили отъ имени ихъ государя руки Елены, старшей дочери великаго князя, «чтобы, говорили они, заключить вѣчную дружбу и семейный союзъ на всѣ времена». Выраженія, увы, болѣе пышныя, чѣмъ справедливыя! Отвѣтъ былъ естественно утвердительнымъ и проникнутымъ набожной покорностью волѣ Провидѣнія. Чрезъ четыре дня, 6-го февраля, по случаю обрученія послы видѣли Елену въ первый разъ. Наканунѣ великій князь поставилъ условіемъ, чтобы его дочь сохранила греческую вѣру и чтобы въ дѣлѣ религіи она не потерпѣла никакого принужденія. Литовцы поклялись въ этомъ своими головами.

Вскорѣ все значеніе этого обязательства выяснилось на одномъ случаѣ, который не

предвѣщалъ ничего добраго. Счастливый видѣть, наконецъ, войну оконченной, Александръ отъ всего сердца ратификовалъ все и позволилъ себѣ лишь легкое добавленіе въ томъ, что касалось вѣры невѣсты; если Елена, прибавилъ онъ, пожелаетъ по доброму желанію принять нашу римскую вѣру, она вольна это сдѣлать. Это ограниченіе встрѣтило энергичное сопротивленіе московскихъ посланныхъ, отправленныхъ въ Литву для обмѣна грамотъ. Они съ ужасомъ отвергли примирительную редакцію Александра. Пришлось обратиться къ самому Ивану, оказавшемуся въ данномъ случаѣ еще болѣе неумолимымъ, чѣмъ его послы. Политика укрѣпляла православное рвеніе Ивана. Онъ поставилъ гордо такую дилемму: или разрывъ брака, или устраненіе этого условія. Александръ уступилъ вновь. 26-го октября 1494 г. онъ подписалъ собственной рукой и припечаталъ своимъ гербомъ грамоту, гдѣ, согласно московскимъ требованіямъ, совершенно было выкинуто непріятное условіе.

*

Когда эти уступки устранили послѣднія препятствія, литовскіе послы, Ольханскій и Забережскій, прибыли въ Москву, въ 1495 г., за невѣстой. Празднества и пиршества не помѣшали Ивану окружить себя хитрыми предосторожностями. Онъ потребовалъ повторенія брака, согласно греческимъ обрядамъ по окончаніи латинской церемоніи, устройства въ Вильнѣ православной церкви рядомъ съ княжескимъ дворцомъ: произвольныя притязанія, послужившія впослѣдствіи источникомъ взаимныхъ неудовольствій. Въ видѣ приданаго Елена получила только строгій приказъ о посѣщеніи греческихъ церквей; что касается до церквей латинскихъ, то самое большее она могла ихъ посѣтить разъ или два изъ любопытства. Православная свита невѣсты не должна была торопиться своимъ возвращеніемъ и составить въ Вильно постоянный дворъ. Иванъ снабдилъ ихъ самыми подробными инструкціями насчетъ того, кому гдѣ сидѣть, какъ одѣваться, какъ дѣлать визиты и устраивать обѣды: отъ этого произ-

веденія не отказался бы мандаринъ съ краснымъ шарикомъ.

Обрученіе было торжественно отпраздновано въ Вильно 18-го января 1495 г. Сначала было служеніе православной церкви; боярыни расплели дѣвичью косу Елены; ея волосы свободно разсыпались по плечамъ; на ея голову была надѣта кика съ фатой, головное убранство замужнихъ. Присутствующіе осыпали ее хмѣлемъ и священникъ благословилъ ее крестомъ. Кортежъ направился потомъ въ каѳедральный храмъ св. Станислава, гдѣ брачное благословеніе было дано по латинскому обряду епископомъ виленскимъ Адальбертомъ Таборомъ. Къ великому соблазну русскихъ, священникъ едва могъ прошептать свои православныя молитвы. Тѣ же затрудненія при держаніи вѣнца надъ новобрачной и при питьѣ вина, послѣ чего сосудъ, по старинѣ, долженъ былъ быть разбитымъ у ногъ. Наконецъ, на другой день неслыханное дѣло: новобрачные не отправились омыться въ баню.

Для чести домашняго очага нужно предположить, что медовый мѣсяцъ княжеской четы не былъ омраченъ взаимными недоразумѣніями между тестемъ и зятемъ. Они начались очень скоро за торжествомъ бракосочетанія.

Поистинѣ, жертвы, принесенныя Александромъ, заслуживали сожалѣнія, но отчего не былъ доволенъ Иванъ? Не представляли ли блестящихъ результатовъ, добытыхъ дешевою цѣною, пріобрѣтенія земель почти безъ борьбы, возведеніе православной на тронъ Гедимина, возникновеніе новыхъ могущественныхъ узъ между Россіей и Литвой? Но внукъ Калиты вдохновлялся теоріей, открывавшей ему горизонты болѣе широкіе. Въ огромной равнинѣ, лежащей между Карпатами и Ураломъ отъ Балтійскаго моря до Чернаго, не обращая вниманія на политику и опираясь исключительно на національный принципъ, Иванъ различалъ три рода земель: земли польскія, земли литовскія и земли русскія. Границы трехъ государствъ, по его мнѣнію, должны

кончаться тамъ, гдѣ кончались границы племенъ, а Литва не соглашалась поступиться своими завоеваніями насчетъ русскихъ. Иванъ негодовалъ на нее за это сопротивленіе, смертельно и громко предъявлялъ свои права на отеческое наслѣдство, ища не болѣе, не менѣе, какъ Кіева и Смоленска. Любопытно отмѣтить здѣсь первое офиціальное требованіе Россіи. Это былъ еще только панруссизмъ, ибо Польша и Литва оставались неприкосновенными; панславизмъ явился позднѣе. Это настроеніе духа у Ивана сказывалось постоянными придирками при исполненіи перемирія. Можно было бы сказать, что договоръ 1495 г. обязателенъ только для слабѣйшаго, между тѣмъ какъ сильнѣйшій продолжалъ свои захваты, не боясь войны. Въ самомъ дѣлѣ, бракъ не измѣнилъ положенія. Раздѣлъ провинцій соотвѣтственно ихъ національностямъ оставался въ области фантазіи. Споры о мелочахъ продолжались. Союзы оставались въ прежней силѣ. Ханъ крымскій и господарь молдавскій не разоружа-

лись. Отъ простойс лучайности вражда могла прорваться наружу. Иванъ по произволу могъ это вызвать, ибо онъ приготовилъ себѣ благовидный предлогъ для вмѣшательства въ дѣла своего зятя, когда ему заблагоразсудится. Читатель помнитъ, что онъ послѣ обрученія потребовалъ новыхъ обезпеченій для вѣры Елены, придавая условіямъ договора большіе размѣры. Александръ ихъ не принималъ и поборникъ православія имѣлъ въ виду воспользоваться этимъ отказомъ во всемъ, гдѣ только можно *).

Дѣло было изъ затруднительныхъ и деликатныхъ. Католикъ римской обрядности, великій князь, женился на православной греческаго вѣроисповѣданія. Это важное обстоятельство не доведено было, какъ бы слѣдовало, до рѣшенія папы. Можетъ быть также необходимыя условія были выражены съ недостаточной ясностью. Во всякомъ случаѣ Александръ не переставалъ

*) Сб. Рус. Ист. Общ., т. XXXV; стр. 72—300. Террит. раздѣл. Ивана, стр. 460.

чувствовать угрызенія совѣсти. Послѣ пятилѣтняго брака онъ подумалъ о возстановленіи нарушенныхъ правилъ.

Посольство Эразма Ciolek въ Римѣ представило къ тому удобный случай. Секретарь великаго князя и виленскій каноникъ, болѣе извѣстный подъ латинизированнымъ именемъ Вителія, онъ былъ отправленъ засвидѣтельствовать папѣ, хотя и поздно, повиновеніе Литвы отъ имени своего государя. 11-го марта 1501 г. онъ совершилъ торжественный въѣздъ въ вѣчный городъ, имѣя по правую руку господаря Андрея, брата Софіи Палеологъ, а по лѣвую—губернатора Рима, Франческо Ремолино. Кортежъ посла, гдѣ фигурировало 12 всадниковъ и 12 дѣтей въ національныхъ костюмахъ, возбуждалъ, какъ кажется любопытство. Папа Александръ VI, чтобы не лишить себя этого зрѣлища, отправился въ частный домъ и смотрѣлъ оттуда на блестящую кавалькаду чрезъ жалюзи въ окнѣ. Вопреки обычаю, публичное засѣданіе въ консисторіи не состоялось, потому что папа,

говоритъ наивно Бурхардъ, не хотѣлъ дать себѣ труда приготовить отвѣтъ.

Къ дѣлу о бракѣ было приступлено съ осторожностью. Эразмъ объяснилъ, что супруги принадлежали къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, чего въ Римѣ не знали. Онъ сознался, что клятва воспрещала принужденіе, а убѣдить великую княгиню не удалось. Онъ утверждалъ даже, что свобода для перехода была обезпечена въ случаѣ добровольнаго обращенія, хотя этотъ пунктъ формально былъ отвергнутъ. Папа отнесся къ дѣлу свысока, выразилъ сильное порицаніе Александру, разрѣшилъ его отъ клятвы и предоставилъ ему на выборъ: или обращеніе Елены, или разлученіе.

Въ письмѣ, отправленномъ къ епископу виленскому, онъ повторялъ тѣ же рѣшенія и предлагалъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ: великій князь, говорилъ онъ, долженъ прогнать со своего ложа, изъ своего дома упорствующую супругу и конфисковать приданое.

Папская рѣчь можетъ основательно по-

казаться чрезчуръ строгой. Онъ допускаетъ только одно правдоподобное объясненіе: правильно или нѣтъ, но папа предполагалъ, что Елена сопротивлялась не столько по убѣжденію, сколько изъ чистаго упрямства, иначе мѣры строгости, при отсутствіи убѣжденія, не имѣли бы достаточныхъ основаній. Каково же, спросятъ, было истинное настроеніе Елены? Два противоположныхъ вліянія оспаривали другъ у друга власть надъ нею: литовскій дворъ желалъ имѣть ее католичкой, епископы и монахи предлагали ей съ этой цѣлью свои услуги. Съ другой стороны Иванъ, стоявшій на стражѣ противъ прозелитизма, писалъ ей горячія рѣчи: «скорѣе смерть, чѣмъ отступничество», и онъ металъ молнія проклятій, къ которымъ Софія Палеологъ присоединяла свои материнскія увѣщанія. Нужно себѣ представить тревоги Елены среди такой борьбы. Преданная всей душой православію, она никоимъ образомъ не соглашалась назвать себя гонимой за вѣру, не смотря на всѣ усилія Ивана

*

исторгнуть это признаніе. Въ самой тайной перепискѣ она подтверждаетъ, что никогда не терпѣла никакихъ стѣсненій, чего могла опасаться только послѣ смерти своего супруга.

Мы опередили нѣсколько событія, чтобы не прерывать разсказа. Переговоры съ Римомъ начались въ 1501 г., ужъ два года послѣ возобновленія войны между Александромъ и Иваномъ. Ихъ несогласія должны были роковымъ образомъ привести къ кровавому столкновенію. Выждавъ благопріятной минуты, опираясь на князей Чернигово-Сѣверска, великій князь почувствовалъ новый порывъ апостольской дѣятельности. Подъ предлогомъ защиты священнаго дѣла вѣры, онъ возобновилъ свои внезапные набѣги на Литву. Таково было объявленія войны.

Съ военной точки зрѣнія этотъ походъ представляетъ лишь посредственный интересъ. Единственнымъ выдающимся событіемъ была побѣда москвитянъ при Ведрошѣ, 14-го іюля 1500 г. Они покрыли

трупами поле битвы и плѣнили многихъ и, между, прочимъ князя Константина Острожскаго, славянскаго Сципіона этой эпохи. Наоборотъ, въ 1502 г. побѣдители напрасно осаждали Смоленскъ. Они должны были отказаться отъ надежды взять его. Еще менѣе успѣха имѣли они на сѣверѣ, гдѣ ливонцы, союзники Александра, заставили ихъ при Псковѣ и Изборскѣ жестоко поплатиться за нѣсколько минутныхъ успѣховъ.

Если не считать этихъ военныхъ событій, то остальная борьба ограничивалась стычками. Потребность въ мирѣ сказывалась все болѣе и болѣе. Съ громкими воплями требовали его пограничныя провинціи, подвергавшіяся постоянному грабежу. Александръ самъ желалъ его искренно. Поляки избрали Александра, въ 1501 г., въ свои короли вмѣсто его брата Яна Альберта. Возвращались времена Казиміра. Польша и Литва соединились подъ однимъ скипетромъ, но воинственный жаръ народовъ не пробуждался. Папа возобновлялъ свои настоянія насчетъ обращенія Елены. Польское

духовенство возмущалось при одной мысли о православной королевѣ. Магнаты не хотѣли допустить, чтобы она была коронована. Не смотря на всѣ эти причины неудовольствія, на нее обращались взоры всѣхъ, лишь только нужно было найти посредника при заключеніи мира.

Елена выступила въ качествѣ примирительницы. Она взялась за перо и написала пространное посланіе своему отцу, матери и братьямъ—простодушное изліяніе москвитянки съ любящимъ сердцемъ, прошедшей тяжелую школу родственныхъ отношеній. Однако, разсчеты поляковъ не оправдались: Иванъ счелъ бы унизительнымъ вести переговоры съ женщиной, хотя бы то была его собственная дочь. Онъ отклонилъ посредничество и отвѣтилъ своими любимыми фразами о притѣсненіи православныхъ.

Выгодныя мирныя предложенія нашли его болѣе податливымъ. Получивши большія уступки, онъ подписалъ перемиріе на 6 лѣтъ отъ 6-го марта 1503 г. до 25-го

марта 1509 г. Москва сохранила свои недавнія завоеванія и пріобрѣтала, сверхъ того, большое число городовъ, мѣстечекъ и селъ. Вѣрный своей системѣ, Иванъ вернулся еще разъ къ религіознымъ вопросамъ. Онъ требовалъ новыхъ обезпеченій для вѣры Елены. Простыя обѣщанія его не удовлетворяли. Ему нужны были хартіи, подписанныя королемъ и польскими епископами.

Александръ попытался уклониться отъ стѣснительныхъ формальностей инымъ способомъ: онъ предложилъ, чтобы обѣ стороны отправили пословъ въ Римъ. Иванъ отказалъ наотрѣзъ, и вопросъ остался открытымъ. Впрочемъ, и перемиріе было только наружнымъ. Кремль совѣтовалъ потихоньку крымскому хану снова открыть враждебныя дѣйствія противъ Литвы.

Возобновленныя московскія жалобы не только не успокоивали упрековъ совѣсти Александра, но возбуждали ихъ еще больше Въ 1505 г. онъ повѣрилъ свои страданія Юлію II, преемнику Борджіа на папскомъ

престолѣ. Римскій отвѣтъ отъ 22-го августа того же года считается нѣкоторыми историками полнымъ признаніемъ королевскаго брака. Очевидно, они не поняли латинской рѣчи Юлія II, шедшаго вѣрно по слѣдамъ Александра VI.

Папа дастъ разрѣшеніе только насчетъ обрядовъ, подъ условіемъ, чтобы Елена подчинялась Флорентійскому собору, т. е. онъ одобряетъ бракъ католика римскаго вѣроисповѣданія съ женщиной греческихъ обрядностей, лишь бы только они исповѣдывали одни и тѣ же католическіе догматы. Только подъ этимъ условіемъ разрѣшеніе имѣетъ силу, а Елена какъ разъ отказывалась признать Флорентійскій соборъ и католическое ученіе. Она держалась не только греческихъ обрядностей, но также православной вѣры. Бреве Юлія II не измѣнило положенія: Александръ не хотѣлъ порвать съ Еленой и не могъ ее обратитить въ свою вѣру. Мы не можемъ сказать, какимъ способомъ онъ выразилъ свое повиновеніе папскимъ приказамъ. Одно несо-

мнѣнно, что онъ скончался 19-го августа 1506 г. въ объятіяхъ своей супруги, искренно къ нему привязанной.

Елена до конца осталась вѣрной своей религіи. Пламенная покровительница своихъ единовѣрцевъ при жизни мужа, она должна была потомъ умѣрить свою ревность и думала даже вернуться въ Москву. Смерть ее застигла въ Вильно въ концѣ января 1513 г. *).

Такимъ образомъ бракъ, который долженъ былъ соединить домъ Гедимина съ домомъ Владиміра и установить миръ между славянами, внесъ только раздоръ въ домашній очагъ Александра и доставилъ Ивану благовидный предлогъ для войны.

Политика не подчинялась чувству. Какъ передъ бракомъ своей дочери, такъ и послѣ него Иванъ не переставалъ домогаться соединенія всѣхъ русскихъ земель подъ

*) Theiner, Vet. mon. Pol., II, стр. 277 до 290, № 299, 309 до 312; Burchardi, Diarium, III, стр. 120 до 124; Макарій, Исторія русской Церкви, IX, стр. 84 до 161.

московскимъ скипетромъ, опираясь съ этой цѣлью на принципъ національности, еще мало бывшій въ ходу. Александръ никоимъ образомъ не соглашался отказаться отъ завоеваній своихъ предковъ, если сила оружія не принуждала его къ тому. Будущему осталось разрѣшить эти острые вопросы въ совѣтахъ государей и на полѣ битвы, среди интригъ и потоковъ славянской крови.

Между тѣмъ какъ обращеніе Елены занимало умы и объ немъ шли переговоры между Римомъ и Вильной, какъ государственномъ дѣлѣ, турецкій вопросъ ставилъ папу Александра VI въ прямое соприкосновеніе съ Москвою.

На этотъ разъ искренность борца за православіе не была подвергнута испытанію. Съ умиротвореніемъ Сѣвера, одна за другой исчезали надежды на турецкій походъ. Утомленный борьбою, Владиславъ рѣшился, 20-го августа 1503 г., на семилѣтнее перемиріе съ турками. За 10 дней предъ тѣмъ республика св. Марка согласилась

на миръ, болѣе полезный, чѣмъ славный. Отпаденіе венгерцевъ и венеціанцевъ лишало общее дѣло христіанъ двухъ главныхъ союзниковъ, наиболѣе другихъ подверженныхъ опасности со стороны турокъ. Еще менѣе можно было разсчитывать на тѣхъ, кто видѣлъ себя въ безопасности отъ нападенія. Въ восточномъ вопросѣ наступилъ застой.

*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Яковъ II и Зоя Палеологъ.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ венеціанская сеньорія предлагала Якову II, королю кипрскому, вступить въ бракъ съ византійской принцессой:

«Quod reverendo patri domino archiepiscopo Nicosiensi (Guillaume Gonème), oratori serenissimi domini regis Cypri, qui ad praesentiam nostram venit et explicavit nobis quantum per serenissimum dominum ducem huic consilio relatum est, respondeatur:... Pro communicatione nobiscum facta parte domini sui et pro consilio quod petiit circa affinitatem et matrimonium quod contrahere debeat regia Majestas, similiter sibi regraciamur. Et quidem jure affectionis nostrae in Majestatem suam, vellemus ei semper commemorare ea quae dignitatem et gloriam omnem suam concernere possent. Ideoque omnibus inter nos consideratis, dicimus, quod praesertim respectu dignissimae parentelle et

pro reputatione sua crederemus quod esset melius quod adhereret affinitati Illustrissimi domini despoti, nil minus Serenitas sua, que sapientissima est, disponere potest sicut sibi videtur et placet». Госуд. архивъ въ Венеціи, Sen. Secr., XXIII, 1466—1468, p. 18, 11 декабря 1466. Этотъ документъ уже былъ частью напечатанъ Г. de Mas-Latrie въ Histoire de l'île de Chypre, III, p. 173.

Дальнѣйшіе переговоры разсказываются Флоріо Бустрономъ слѣдующимъ образомъ:

«E però mandò (Яковъ II), l'arcivescovo di Nicosia, Aluise Fabrices, fratello del conte Carpasso; e andò a Roma, a procurare con papa Pio secondo che Sua Santità dovesse mandar a coronarlo re de Cipro, et ancho di trattar di maritarlo con la fia del despoto della Morea, la quale s'atrovava a Roma, nel governo del cardinal Nicco. Il Beatissimo non voleva concederli la corona, se non in caso che volesse tuor per moglie una nipote di Sua Santità; della quale havendo portato l'arcivescovo il retratto, e descritti li costumi d'essa, non volse re Giacomo, ne quella consorte tuor, ne ancho d'esser coronato re con quella condition». Chronique de l'île de Chypre. Флоріона Бустрона, опубликованная René de Mas-Latrie въ Mélanges historiques, V p. 432. Бустронъ относитъ эти переговоры къ 1471 и 1472 году; онъ ошибается, слѣдовательно, говоря о Піи II, умершемъ въ 1464 г. Всѣ остальные на-

меки исчезаютъ сами собой. См. также хронику Георгія Бустрона у Саѳы Μεζαίων Βίβλ, II, p. 474.

Впрочемъ, дата переговоровъ у Георгія и Флоріона Бустрона должна быть исправлена. Письмо Якова II, которымъ Фабрицій акредитовывался у папы, помѣчено 27-го дек. 1472 г. (Mélanges historiques, IV, p. 417; Archives de l'Orient latin, II, p. 298). Зоя Палеологъ была въ бракѣ съ велик. кн. московскимъ съ 1-го іюня 1472 г.; такимъ образомъ миссія Фабриція не имѣла цѣли.

II.

Джанъ Баттиста делла Вольпе.

Тождество Вольпе съ Фрязинымъ отнынѣ легко возстановить. Русскія лѣтописи (Русск. Лѣт. по Никон. списку, VI томъ, стр. 7 и слѣд.) даютъ имя Ивана Фрязина тому, кто имѣлъ порученіе вести переговоры о бракѣ Ивана III съ Зоей, кто совершилъ два путешествія въ Римъ и кто подвергся потомъ опалѣ въ Кремлѣ. А итальянскія и нѣмецкія лѣтописи, оффиціальные документы Венеціи называютъ то же лицо Джаномъ Баттистой делла Вольпе. Тождество это подтверждается всѣми его дѣлами, переѣздами и родствомъ съ Антономъ Джислярди.

Пальярини, лѣтописецъ Вичецы XV в., описываетъ такимъ образомъ происхожденіе рода Вольпе:

«A Vulpe familiam antiquissimam esse comperio, quam ex germanicis partibus ad nos venisse rerum vicentinarum scriptores testantur anni quatuor centi sunt. Fuerunt in ea viri et scientia juris civilis, et in re militari praestantes, quorum nomina ad praesens sileo».— Коммун. библ. Виченцы, Pagliarini, ms., стр. 114.

Хроника Пальярини переведена на итальянскій языкъ и напечатана въ Виченцѣ въ 1673 г. Документы, цитируемые авторомъ, послужившіе ему основаніемъ для разсказа, болѣе не существуютъ.

Сестра Вольпе «nobilis et honesta domina Augella, filia quondam Bandini a Vulpe et uxor quundam Bartholomaei de Angarano» въ своемъ завѣщаніи отъ 27-го августа 1459 года дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе:

«In omnibus autem aliis suis bonis mobilibus et immobilibus, praesentibus et futuris quorumcunque haeredes suos universales instituit et esse voluit dominam Elisiam suam matrem, Charolum, Nicolaum et Batistam, eius legittimos fratres, aequaliter et aequis portionibus,... volens et iubens dictam dominam Elisiam esse usufructuariam partis haereditatis contingentis dicto Batistae, quousque reversus fuerit de Russia vel miserit aliquos legitimos nuntios seu procuratores acceptum dictam eius partem dictae haereditatis, cui nuntio vel procuratori teneantur et obligati sint assignare partem et portionem haerediatatis tangentes dicto Batistae».

Архивъ монастыря Santa Corona въ Виченцѣ — 29, 36, пергаментъ, № 1394.

Гербъ Вольпе воспроизведенъ въ рукописи Дживанни да-Скіо (Il Blasone, II) и Валентино делл'Аква (Arme et cognomi) и Винченцо Гонзати (Armi II), находящейся въ коммунальной библіотекѣ Виченцы. См. также Rietstap., Armorial général, II, p. 1022.

Относительно повторенія крещенія Вольпе см. Полн. Собр. Русск. Лѣт., VIII, стр. 176; Русск. Лѣт., VI, стр. 50. Относительно другихъ подробностей см. русскія, нѣмецкія лѣтописи и венеціанскіе документы въ тѣхъ мѣстахъ, которыя будутъ приведены далѣе.

III.

Антонъ Джиcларди.

О фамиліи Джиcларди Пальярини даетъ слѣдующія подробности:

«Gislardam antiquissimam familiam in nostra civitate esse comperio; quae viris ingenio, opibus et nobilitate sanguinis plurimum valuit. Anno a salute nostra 1262, hos praestantos viros in civitate fuisse legi, videlicet Ugutionem Gislardi et Bartholomeum Gislardi, qui opibus et amicitiis plurimum valuerunt... Nostro autem tempore fuit Laurentius quondam Bonfrancisci Zelemiae de Gislardo, a quo nacti sunt hii Jacobus, vir prudentissimus, optimis moribus ornatus, et egregius causidicus, et vir omni

*

laude dignus; et Antonius, frater, qui multas imund partes queritavit, Jadrae collateralis factus est; et alii cives optimi ejus filii fuerunt. Et anno 1340, Gerardinus Gislardus, optimus civis, ut in scripturis Viti de Paiarinis inveni. Opinor tamen hanc familiam ab ista civitate originem habuisse et non aliunde». — Коммунальная библіотека Вичеицы, Пальярини рук., стр. 122; v.

Очень любопытны также свѣдѣнія, сообщаемыя Томазини (Коммунальн. библіотека Вичеицы Veridica origine, ms., I, p. 171). Но они относятся къ 1698 г., а документы, цитированные авторомъ, нельзя найти. Замѣтимъ, однакоже, что тѣ даты, которыя можно повѣрить, вполнѣ согласны съ установленными несомнѣнными фактами, обстоятельство, придающее нѣкоторое значеніе этимъ документамъ. По Томазини, Джислარди посланъ въ Римъ и Москву Иваномъ III, въ 1473 году онъ имѣлъ сношеніе съ Фердинандомъ сицилійскимъ; будучи секретаремъ сеньоріи, онъ былъ отправленъ въ Венгрію, сдѣланъ collaterale Зары и впослѣдствіи палатинскимъ графомъ и рыцаремъ. Два подлинныхъ документа даютъ ему въ самомъ дѣлѣ титулъ collaterale Зары, изъ которыхъ одинъ есть разрѣшеніе на путешествіе въ Россіи отъ 15-го іюня 1481 г., а другой—позволеніе производить гидравлическія работы въ Падуѣ отъ 21-го мая 1492 г. (Гос. Архивы Венеціи, Notario Collegio XX стр. 149, Senato Terra, XI, стр, 110, v.).

Джованни да-Скіо (Коммун. библ. Виченцы Memorabilia V ms.) очень хвалитъ Антона Джисларди и отсылаетъ читателя къ Томазини.

Гербъ Джисларди находится, такъ же какъ гербъ Вольпе, у Джованни да-Скіо (Il Blasone, ms. I) и у Виченцо Гонцати (Armi, ms. I), въ Коммун. библіотекѣ Виченцы.

О первыхъ переговорахъ Антона относительно татарскаго союза въ Гос. Архивахъ Венеціи заключаются три документа: 26-го марта 1471 г., изложеніе Джисларди предъ сенатомъ; 2-го апрѣля 1471 г., рѣшеніе послать секретаря Тревизана въ Золотую Орду; 3-го мая 1471 г., инструкція Тревизану.—Senato Secreti XXV, p. 8 v., 11, 21.

Наконецъ, двѣ неточности насчетъ Вольпе должны быть исправлены. Въ русскихъ лѣтописяхъ онъ выдается за сына старшаго брата Вольпе; однако же его фамилія была Джисларди. Въ римскомъ документѣ (Ват. Арх., Exitus, 472, p. 173, b) онъ называется Николаемъ.

IV.

Второе путешествіе Вольпе въ Италію.

Это путешествіе упоминается въ Русск. Лѣт., VI, стр. 37.

Отозваніе Тревизано мотивировано такимъ образомъ венеціанскимъ сенатомъ:

«Die 27 aprilis 1472. Missus fuit per hoc consilium in Russiam ad Joannem Baptistam a Vulpe Joannes Baptista Trivisan secretarium nostrum (sic) pro invitando et movendo imperatore Tartarorum contra Turchum sicut idem Joannes Baptista proponi nobis fecerat. Et sicut intelligitur non succedunt res illae pro informatione nobis data. Immo ille Joannes Baptista in Italiam venit pro eundo Romam et non venit ad praesentiam dominii, relicto in Muscha eodem nostro secretario sine ulla intelligentia aut practica, qui propterea revocandus est. Iccirco vadit pars quod eidem Joanni Baptiste Trivisano auctoritate hujus consilii committatur ut diligenter de omnibus negotiis illarum provinciarum informatus redeant (sic) ad praesentiam nostram. Et pro impensis provideatur illi per illam viam quae collegio visa fuerit de ducatis 150.—De parte, 144; de non, 2; non sinceri, 0.»—Гос. Арх. Венеціи, Senato, Secreti; XXV, p. 125.

Письмо Виссаріона къ пріорамъ сіенской общины написано въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Magnifici viri, Amici nostri carissimi: Quom ex itinere nostro in Galliam Bononie essemus, vidimus legatum domini Magnae Russiae qui ad Urbem se conferebat, ut nepote (sic) imperatoris Graecorum pro domino suo desponsaret. Res est nostrae curae et sollicitudinis. Nam principum Graeciae relliquias, ex tanta calamitate servatas, cum benivolentia et misericordia semper sumus prosecuti, tum patriae

ac gentis communi quodam necessitudinis vinculo omni tempore adiuvandas censuimus. Nunc, si hic legatus sponsam ducet facietque iter per fines vestros, vos rogamus et obtestamur ut eius adventum honore aliquo celebretis curetisque humaniter omnes accipiendos, ut, quom apud dominum suum fuerint, argumenta aliqua afferre valeant amoris populorum Italiae erga hanc puellam. Quod magnam ei gratiam, vobis laudem comparabit, nobis vero tanti benefitii loco erit, ut pro eo vobis perpetuo debere velimus. Bene valete. Bononiae, die X mai, 1472». Гос. Арх. Сіенны. Consistoro, Lettere ad annum.

Правописаніе оригинала тщательно соблюдено. Извѣстно, что Виссаріонъ научился по-латинѣ довольно поздно.

Отрывокъ Маффеи де-Вольтерра извлеченъ изъ его Diarium Romanum de Xisti IV pontificatu напеч. у Muratori, Rerum italicarum script., XXIII col. 83 и слѣд. Райнальди, Ann. eccl., XXIX, стр. 537, упоминаетъ Маффеи подъ именемъ Рафаеля вмѣсто Якова и даетъ текстъ урѣзанный и искаженный. Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., VI, стр. 63, воспроизводитъ Райнальди, прибавивъ сюда новыя ошибки. Никто изъ русскихъ историковъ не провѣрилъ текста.

По Маффеи, на торжественной аудіенціи Вольпе присутствовали посланники Неаполя, Венеціи, Милана, Флоренціи и Феррары. Флоренція имѣла въ Римѣ представителемъ Бернардо Бонджиролами,

Феррара,—Бонъ Франческо Арлотти изъ Реджіо, по ихъ донесенія отъ 1472 г. не сохранились въ соотвѣтствующихъ архивахъ. Въ Неаполѣ и Венеціи мы также ничего не нашли.

Депеша миланскихъ посланниковъ отъ 25-го мая 1472 г. находится въ Гос. Арх. того же города Potenze estere, Roma, 1472 г.

Относительно условій, необходимыхъ для браковъ католиковъ съ православными, см. Zhisman, Das Eherecht der orient. Kirche, стр. 523, 543, 545. Бреве Мартина V къ сыновьямъ императора Мануила помѣчено въ Констанцѣ 6-го апрѣля 1418 г. Оно находится у Райнальди, XXVII, p. 492.

V.

Подробности о бракѣ въ Ватиканѣ.

Маффеи единственный лѣтописецъ, насколько мы знаемъ, описавшій бракъ Зои и упомянувшій объ инцидентѣ съ кольцомъ. Diarium, col. 90, 91. О письмѣ Филельфо мы знаемъ только на основаніи отвѣта Ѳедора Газскаго, отвѣта, помѣченнаго 1-го іюля 1472 г. изъ Милана и находящагося въ библіотекѣ Тривулціо въ Миланѣ и любезно сообщеннаго намъ г. Э. Леграномъ.

Мы соберемъ здѣсь всѣ данныя относительно лицъ, присутствовавшихъ при бракѣ, приданаго невѣсты, отъѣзда изъ Москвы и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ.

Екатерина, королева Босніи, скончавшаяся въ Римѣ въ 1478 г., погребена въ церкви Ara Coeli. Въ силу своей предсмертной воли, она передала свои права на Боснію папѣ, если ея дѣти не отрекутся отъ ислама. Theiner, Vet. Mon. Slav. mer., I, с. 509 n° DCLXXXIII; Gottlob, Aus der Camera apost., с. 292.

Для Анны Нотара см. Lebeau (Histoire du Bas-Empire, XXI, с. 289 до 292; Legrand. Bibl. hell., I, с. CXXVI — CXXVIII. Оригинальное письмо Анны къ сіенской общинѣ отъ 15-го іюня 1474, подписанное: Anna Paleologina, filia quondam magnifici ducis Romeorum находится въ государственныхъ архивахъ Флоренціи Carte Strozziane, filza 107, с. 134.

Воспоминаніе о приданомъ, которое папа далъ Зоѣ, сохраняется во фрескахъ и надписяхъ госпиталя Санто-Спирито, реставрированнаго на счетъ Сикста IV. Русскіе напрасно жалуются, что никто не изучалъ этихъ фресокъ. Брокгаузъ (Das Hospital Santo-Spirito) анализировалъ ихъ въ Repertorium Яничека, VII, с. 281—290, 429—445, гдѣ находится описаніе Санто-Спирито, пополняющее описаніе Forcella, Iscrizioni di Roma, VI, с. 379. Тотъ же Форчелла, VI, с. 438, n° 1404 и 1405 воспроизвелъ двѣ надписи о бракѣ Зои. Онѣ почти тождественны и упоминаются въ рукописи Санто-Спирито: Liber contineus inscriptiones. Вотъ текстъ первой:

Paleologo Peloponesi et Leonardo Tocco
Epiri Dynastis a Turcarum tyranno e
Dominiis eiectis vitae necessaria regali
Splendore suppeditari iubet Sixtus,
Sophiae item Thomae Paleologi filiae
Quae Ruthenorum duci nupserat praeter
Amplissima alia munera sex millia
Aureorum in dotam largitur.

Что папа дѣйствительно далъ приданое, этотъ фактъ подтверждается не только Платиной въ его Diaria, Bibliot. Corsini въ Римѣ, CXXX, стр. 13, но также подлинными документами. Кардиналы, завѣдывавшіе подготовленіемъ крестоваго похода, послали Лоренцо и Юліану Медичи слѣдующій приказъ:

«Nos etc. quatenus de pecuniis cruciate et de ducatis illis VI (m) CCCC pro quibus certa conuentia nobiscum de consensu nostro per Rm. d. Cardinalem de Ursinis camerarium facta est, tradatis et solvatis Ilri. domine Zoe, Regine Rusie, filie quondam Ilris. d. Despotis Romeorum, florenos de camera quatuor milia quos S. Dominus noster eidem donari mandat pro certis expensis per eam in eundo ad Rusiam faciendis et aliis causis. Item de eisdem VI (m) CCCC florenis similiter tradatis florenos de camera VI (c) Rdo. in Christo patri domino Antonio Bonumbre, Episcopo aciensi, pro expensis per eum faciendis qui comitaturus est eandem dominam reginam ad Rusiam. Residuum vero dictorum ducato-

rum VI (m) CCCC retineatis penes vos in paruis, quod residuum est floreni MVIII (c) quos in uestris, etc. Datum Romae, etc. XX junii, anno primo». Госуд. Архивъ г. Рима, Archivio Camerale, Liber S. Cruciate Comm. gen. A 1468—1472 c. 110.

А о томъ, что уплата дѣйствительно была произведена 27-го іюня 1472 г., сохранилось слѣдующее свидѣтельство:

«Alla detta (santa cruciata) a di XXVII detto (de giugnio) ducati semila quattro cemto di camera pagamo per mandato de prefati S. Comessari alla Reina de Rossia e ssorella de Despoti della Morea, della qual somma n'ebbe la prefata Reina ducati V (m) IIII (c) e ducati VI (c) il R-do padre messer Amtonio Vescovo acemsis e quali N. S. dona loro per l'amdata de Rossia,—d. VI (m) CCCC».—Государ. архивъ гор. Рима. Archivio Camerale, Liber depositarii sancte cruciate, A. 1464—1475, стр. 188.

Дальнѣйшія подробности о фамиліи Сикста IV и о фрескахъ Санто-Спирито, см. Schmarzow, Melozzo da Forli, с. 1—25, 202—205.

При отъѣздѣ изъ Рима въ Москву спутники Зои были довольно многочисленны. Юрій или Георгій Траханіотъ тождественъ съ «Georgio Greco» римскихъ документовъ, посланнымъ въ Москву съ Джисларди, въ 1469 г., Виссаріономъ. Онъ остался на службѣ великаго князя, на него возла-

гались разныя порученія. Посланникъ братьевъ Зои, Дмитрій, носилъ также фамилію Трахапіотовъ. Онъ не игралъ замѣтной роли.

Князь Константинъ, родомъ изъ Мореи, постригшись въ монахи подъ именемъ Кассіана, выстроилъ монастырь на Учмѣ съ церковью, посвященной Успенію. Онъ скончался 21-го мая 1504 года и погребенъ въ основанномъ имъ монастырѣ, носившемъ его имя въ эпоху закрытія, въ 1764 г. Почитаніе св. Кассіана носитъ мѣстный характеръ. См. Мартыновъ, Annus eccl. graeco-slav., с. 134.

Антонъ Бонумбре, генуэзецъ родомъ, какъ свидѣтельствуетъ венеціанскій документъ (Senato, Secreti, XXVI, с. 23), вѣроятно, изъ Коста du Bago, гдѣ въ 1495 году было семейство Бонумбре. De Simoni, Statuto dei Patri del Comune di Genova, с. 269). Такъ какъ Корсика находилась въ то время подъ генуезской властью, то понятно, почему генуезецъ былъ епископомъ Аччіи на Корсикѣ. Подобные случаи повторялись часто. Епископы Аччіи, очень бѣдной епископіи, присоединенной впослѣдствіи къ епископіи Mariano, часто жили въ Римѣ, и, занимая какую нибудь должность или располагая бенефиціей, они управляли своей епископіей посредствомъ викаріевъ. Списки епископовъ Аччіи неполны и недостовѣрность ихъ ничѣмъ не гарантирована. Акчинелли даетъ слѣдующую серію:

«1444, fra Alberto de Casini, de Predicatori; 1451,

D. Antonio Vescovo; 1480, D. Bartolomeo Pamoleo, Vescovo».—Bibl. nat., Liguria sacra, ms, c. 70.

Въ текстѣ мы дали переводъ латинскаго бреве Сикста IV отъ 21-го іюня 1472 г. къ герц. Моденскому (Lett. di Princ. est.). Подобное бреве было отправлено къ старѣйшинамъ Болоньи (Макушевъ, Mon. hist. Slav. Mer. I, c. 310), другое, посланное въ Любекъ, въ Misc. Lub., III, c. 41. Въ архивахъ Нюренберга (Saal I, Lade, 209 nº 53) находится подобное же бреве, почти въ такихъ же выраженіяхъ.

Прощальная аудіенція упоминается миланскимъ посломъ 21-го іюня 1472 г.

«Venni de sotto in el zardino dove trovai el papa che daseva audientia allo ambassatore del duca de Rosia et alla sorella deli despoti della Morea, sposa del dicto duca la quale toleva licenzia da Sua Santità per partirse et andare a marito».—Госуд. арх. г. Милана. Potenze estere, Roma. 1472.

Легенда о митрополитѣ Іонѣ отмѣчена въ Четьи. Минеяхъ, см. Мартыновъ. Annus eccl. c. 141.

VI.

Путешествіе Зои.

Путешествіе Зои до русскихъ границъ описано на основаніи свидѣтельствъ, большею частію не изданныхъ. Мы приведемъ тѣ изъ нихъ, которыя еще не напечатаны, и вкратцѣ укажемъ остальныя.

Въ Витербѣ Феличіано Бусси писалъ на основаніи утраченной теперь хроники Cobelluzzo:

«Anco essendo nel detto tempo (1472) la figliola del dispoto della Morea, lo quale morio in Roma, et papa Pio lo fe fare di marmo, cioè quello sancto Paulo a le scale di sancto Piero in sua figura, che fu bellissimo omo, e rimase doi figlioli et una figliola, la quale per nobiltà e per bellezza lo re di Ruscia la mando a domandare per donna, e fu fatta la detta parentezza per mano del sopradetto Papa (Сикстъ IV) e promise detto la Morea, la quale Vitenniva el Turco, a racquistarla. La detta passo per Viterbo detto tempo, e diciasi era nata de stirpe viterbese».—Коммунальные архивы Витерба, ms., ad. 1472.

Allegretto Allegretti у Muratori, Rer. ital. script., XXIII, col. 775, разсказываетъ о проѣздѣ Зои черезъ Сіенну. Въ архивахъ города сохраняется два документа: 1) Письмо Виссаріона отъ 10-го мая 1472 г., о которомъ рѣчь была выше. 2) Совѣщаніе общины отъ 29-го іюня 1479 г. Consistoro. Deliberazioni, май—іюнь 1472, c. 51.

Въ Болоньѣ изобиліе свѣдѣній. Джованни Франческо Негри писалъ:

«Giunse il decimo giorno di luglio (1472) la Regina Tomasa (sic), figlia d'Andrea (sic) Paleologo, despota del Peloponneso, novella sposa del re della Russia... Era questa regina in età di anni vinti quattro, picciola di statura ma bianchissima di carni' vestiva un zubbone broccato d'oro foderato di pelli

d'armelini, con guardacuore di drappo cremesino, e berettocco in testa guernito d'oro e di perle, et un richissimo gioiello sul braccio sinistro. L'accompagnavano un ordine di matrone e damigelle a cavallo, quali si riparavano dal sole con capelli bianchi che portavano in testa. Fu questa regina incontrata alla porta della città dai magistrati e da tutte le dame e cavalieri, e condutta ad alloggiare al palazzo di Vergilio Malvezzi, et il venerdì mattina, prima di partire, volle visitare la sepoltura del partriarca san Domenico... Udita poi ch'hebbe con molta devotione la messa, usci della chiesa accompagnata sino alla porta di San Felice e seguitò il suo viggio». Библіотека Болонскаго университета, ms, VI, 2 части къ 1472 г.

Другіе лѣтописцы или историки Болоньи, Bianchetti, ms., c. 672; Ghiselli, ms., IX, c. 88. Alberti ms., c. 117, выражаются почти также. См. также Discorso sopra la famiglia Malvezzi, ms. c. 9, въ архивахъ Hercolani, отдѣлъ Malvezzi Lupari, картонъ A, третій томъ Гирардакчи, Storia di Bologna, напечатанный, но очень рѣдкій.

Празднества въ Вичепцѣ описаны Кастеллини, Storia di Vicenza, XII, кн. XV, c. 231. Pенеме, Cronaca, ст. 13, даетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. А въ Chronica praeteriti, praesentis et futuri temporis мы читаемъ:

«1472 a di 19 luglio: Venne a Vicenza la regina di Russia, che fu figliuola del despoto della Morea,

la qual veniva da Roma et andàva a marito in Russia per moglie del re di Russia, perchè il papa gliel' haveva data per moglie, e gli havea data per dote tutta la Morea e tutto quello che teneva il Turco con questo che il detto re di Russia la dovesse conquistare contro il detto Turco. E con la detta regina era Battista della Volpe, cavaliere e cittadino di Vicenza, che habitava in Russia, ambasciator di quel re di Russia, il qual è molto amato da quel Re, alla quale fù fatto grand'honore, che proprio a regina non si poteva migliorare. Et la signoria di Venezia gli mandò alcune tazze et argenti di grand pretio et gli fece far le spese per tutte le sue città et gli fu fatta veder la Roda dei Nodari et era accompagnata da circa sessanta cavalieri».—

Коммунальная библіотека Виченцы, ms. La Chronica ab anno 1440, находящаяся въ видѣ рукописи въ той же библіотекѣ, подъ тѣми же датами, приводитъ содержаніе всѣхъ этихъ свѣдѣній. Что касается до расходовъ, сдѣланныхъ на этотъ счетъ синьоріей, отъ нихъ не сохранилось слѣда въ Венеціанскихъ архивахъ.

О пребываніи Зои въ Нюренбергѣ, см. Chroniken der deutschen Staedte, X, с. 330—331; XI, ст. 468, 469; въ Любекѣ см. Chronik des Franciscaner Lesemeisters Detmar, II, с. 347. Лѣтопись 1472 года принадлежитъ не Дитмару, а анонимному продолжателю. Она послужила источникомъ позднѣйшимъ историкамъ Любека.

Ни одного документа не было открыто въ Бамбергѣ, Ерфуртѣ, Лейпцигѣ, Брауншвейгѣ. Исходя изъ предположенія, что Софья ѣхала тою же дорогою, что и митрополитъ Исидоръ, можно было думать, что въ этихъ городахъ сохранилось какое-нибудь воспоминаніе о ея проѣздѣ.

О путешествіи въ Россіи и о совершеніи бракосочетанія въ Москвѣ говорятъ только русскіе источники. П. С. Р. Л. П. с. р. л., IV, с. 244; VI, с. 196; VIII, 154, 173, 175; Р. Л. по Р. л. н. Ник. сп., VI, с. 49. Всѣ эти хроники согласно говорятъ, что бракосочетаніе совершено митрополитомъ Филиппомъ, за исключеніемъ львовской, по которой вѣнчалъ великаго князя коломенскій протопопъ Осія.

Текстъ посланія литовцевъ къ Сиксту IV отъ 14-го марта 1476 г. воспроизведенъ Петрушевичемъ въ «Литературномъ Львовскомъ Сборникѣ», 1869, с. 223—266. Митрополитъ Макарій (Ис. русск. церк.) далъ его резюмэ и комментарій къ нему.

Письмо Сикста IV къ Казиміру польскому отъ 7-го февраля 1484 г. находится у Theiner, Vet. mon. Poloniae, II, с. 230, n° 257.

VII.

Тревизанъ въ Москвѣ и Польшѣ.

Происшествіе съ Тревизаномъ упоминается въ приведенныхъ выше мѣстахъ русскихъ лѣтописей, гдѣ говорится о бракѣ Софіи. См. въ особенности Р. Л. л., VI, с. 51. Такъ какъ до насъ не дошелъ регистръ переписки Ивана III съ Золотой Ордой, то съ этой стороны нѣтъ дополняющихъ свѣдѣній.

Въ государственномъ архивѣ Венеціи находятся слѣдующіе документы относительно этого происшествія: 21-го іюля 1473 г., донесеніе о положеніи Тревизана въ Москвѣ и рѣшеніе обратиться съ ходатайствомъ къ Ивану:

«Elapsi sunt anni duo quod fidelis secretarius noster Joannes Baptista Trivisano missus fuit in Russiam, ut inde per medium Joannis Baptiste a Vulpe, primi motoris hujus practice, transiret ad imperatorem Tartarorum pro tentando illum ut contra Turchum descenderet in Traciam, sicut per dictum Joannem Baptistam Vulpem facile fore ostendebatur. Et postquam secretarius ipse noster in Moscha applicuit, impedictus et retentus fuit ab ipso Vulpe ne ad imperatorem Tartarorum se conferret. Quin immo, relicto ipso nostro secretario semi obside in Moscha, ipse Vulpe in Italiam venit et cum uxore illustrissimi domini ducis Russie illuc rediit. Et astucia tandem vel perfidia potius cuiusdam legati

apostolici, natione Januensis, detecta mora, acusati, ambo, capti et retenti sunt suspitione criminis lese maiestatis cum manifesto periculo vitae, quamvis cognitus ipse Joannes Baptista, secretarius noster, a duce predicto ex carcere dimissus custoditur tantummodo ne possit recedere cum aliqua provisione impensarum, ut ab Antonio Gislardo, cive visnectino, illinc venientem relatum est. Liberationi autem suprascripti nostri secretarii providendum est». Senato, Secreti, XXVI, c. 23. 6-го ноября 1473 г. разрѣшеніе главнымъ лицамъ въ совѣтѣ десяти вести переговоры съ Антономъ Джислардп и Павломъ Оньибене. Consiglio Dieci, Misti, XVIII, c. 30.—20-го ноября 1473 г. новое донесеніе о происшествіи съ Тревизаномъ:

«Propterea vadit pars quod scribatur Duci Muschoviae et declaretur missum a nobis fuisse predictum Joannem Baptistam (Trevisan) non solum pro non offendendo aut nocendo sibi aliquo modo, sed liberando potius eo ab omni lesione Tartarorum quos delongare a sua provincia cupimus et ducere per regiones vicinas Euxino et Valachiam ad oppressionem communis hostis Christianorum, occupatoris imperii Orientis, quod, si sucessores mares decessent, jure ad Excellentiam suam per illustre matrimonium suum pertineret...» Senato, Secreti, XXVI, p. 48.—4 décembre 1473, Lettre de Venise à Ivan III:.. «Verum ut Vestra Sublimitas veritatem omnem intelligat, misimus predictum secretarium no-

strum (Trevisan) non ut ulla ratione statui rebusque vestris ullum incomodum aut periculum procuraret cum imperatore Tartarorum, quin potius invitati litteris dicti serenissimi imperatoris illum et copias suas vicinas vestro statui, et propterea molestus et infestus (sic) averteret et delongaret, si fieri aliqua ratione potuisset, a vestris finibus et vicinitate et per provincias mari mediteraneo, quod Euxinum vel mare Majus appellant, ad rippas Danubii duceret in oppressionem comunis omnium Christianorum hostis Turci Othomani, occupatoris imperii Orientis, quod, quando stirps mascula deesset imperatoria, ad Vestram Illustrissimam Dominationem jure vestri faustissimi conjugii pertineret. Hec fuit unica et verissima causa adventus ad partes Vestre Celsitudinis suprascripti nostri secretarii...» Senato, Secreti, XXVI, стр. 50, v.—4 декабря, 1473. Письмо венеціанцевъ Тревизану. Ibidem, стр. 51.

Относительно дальнѣйшихъ переговоровъ Венеціи съ Золотою Ордою, Тревизана въ Польшѣ и Баппакорси въ Венеціи можно указать главнымъ образомъ на девять неизданныхъ документовъ: 10-го мая 1476 г., отвѣтъ Венеціи татарскимъ посламъ; 19-го мая 1476 г. письмо къ хану Магомету (Accomet); 19-го мая 1476 г. письмо къ Тамиру; 19-го мая 1476 г. письмо къ королю польскому; 18-го іюля 1476 г. инструкція, данная дожемъ Андреемъ Вендраминомъ Тревизану; 7-го января 1477 г. (1476 г., по венеціанскому лѣто-

счисленію), отвѣтъ сената Бонакорси.—Государственный архивъ Венеціи, Senato, Secreti, XXVII, c. 69, 70, 70, 87, 120, 124; XXVIII, c. 3, 24.— Смотри Bonaccorsi, De his quae a Venetis tentata sunt Persis ac Tartaris contra Turcos movendis historia y Bizarus, Rer. pers. historia, c. 402—431.

Очень важно письмо Сикста IV къ городу Нюренбергу отъ 1-го ноября 1473 г., имѣющее цѣлью рекомендовать Антона Джислярди, отправлявшагося въ Москву съ отвѣтомъ Венеціи насчетъ Тревизана. По этому случаю папа говоритъ нѣсколько словъ, проливающихъ свѣтъ на хитрости и интриги ловкаго итальянца. Мы приводимъ почти цѣликомъ доселѣ неизданный текстъ письма Сикста IV отъ 6-го ноября 1473 г.

«...Letati admodum fuimus, dilecti filii, cum ex Antonio Guischardo, Vincentino, scutifero et familiari nostro intellexerimus, deuotionem uestram uxori principis Russie cum sua comitiva humaniter liberaliterque digna uobis officia exhibuisse omnibusque rebus iuuisse. Qui animus erga nos uester cum multis in rebus tum hac in Ruthenos potissimum declaratione, qui nos in summum Pontificem Petri successorem recognoscere uolunt, ad maximam consolationem gaudiumque accessit. Igitur deuotionem uestram de optimo opere commendantes etiam atque etiam in Domino exhortemur, ut eundem Antonium, quem pro maximis christianam rempublicam concer-

nentibus rebus ad Russie principem mittimus, ita rebus omnibus in eundo accum ipsius principis ad nos redeundo oratoribus liberaliter atque humaniter, ut uestra natura ac deuotio fert, tractetis, quod intelligat natio illa Ruthenorum christianos magistratus de ipsorum ad uerum fidei et romanae ecclesiae cultu (sic) non paruopere gaudere, in quo rem Deo acceptam, nobis gratam, uobis honorificam facietis...» Арх. Нюренберга. Saal I, Lade 209, n⁰ 54.

Относительно проѣзда Джисларди черезъ Краковъ, см. Dlugosz, Dziela wszyskie, V, с. 567.

Путешествіе Контарини находится въ Viaggi fatti da Venetia alla Tana, стр. 87—96.

VIII.

Дипломаты и художники.

Русскія лѣтописи сообщаютъ мало подробностей относительно посольства въ Италію въ XV вѣкѣ, ограничиваясь именами пословъ, означеніемъ времени отъѣзда и прибытія. Инструкціи грекамъ и русскимъ, отправлявшимся въ Миланъ, Венецію, Флоренцію, Римъ и Неаполь не дошли до насъ. Архивы этихъ городовъ и итальянскія лѣтописи даютъ мало свѣдѣній о томъ же предметѣ. Тѣмъ дороже должны быть для насъ эти клочки и здѣсь мы сводимъ вмѣстѣ скудные результаты нашихъ изысканій.

Толбузинъ упоминается только въ одномъ документѣ въ Венеціи, 27-го декабря 1474 г., по поводу подарковъ, посланныхъ Ивану III. Госуд. арх. Вен., Senato, Secreti, XXVI, с. 164.

Для посольства 1488 г. см. Госуд. арх. Венеціи, Senato, Secreti, XXX, с. 152; въ библіотекѣ св. Марка. Sanuto, Cronaca Veneta, ms., III, с. 304; Burchard, Diarium, I, с. 323. Случай съ лекаремъ Леономъ Жидовиномъ разсказанъ въ Русской лѣтописи, VI, с. 125.

О послахъ 1493 года въ государ. арх. Милана (Potenze estere, Russia, 1493) находится пять неизданныхъ документовъ, а въ арх. Флоренціи четыре донесенія флорентійскаго агента въ Миланѣ, Петра Гвиччардини, переведенные на русскій языкъ и изданные М. Бутурлинымъ, Documenti riguardanti l'antica Moscovia, II, с. 275—279.

Посольство 1499 г. отмѣчено у Sanuto, Diarii, III, при словахъ Карачирова, Деметріо Ралево, Палеолого. Карачаровъ (Caracirova у Сануто) упоминается въ Сбр. Имп. ист. Об., XLI; а Ралевъ въ Giornale araldico, августъ 1888 г., с. 49.

Лучшая участь, чѣмъ дипломатамъ, въ смыслѣ обилія источниковъ, говорящихъ про нихъ, досталась, если не всѣмъ художникамъ, то по крайней мѣрѣ одному изъ нихъ Аристотелю Фіораванти. Интересныя подробности сообщаются о немъ Beltrami, Canetta, Corio, Gualandi, Malagola. Пре-

красное резюме главныхъ фактовъ артистической карьеры Фіораванти далъ Мюнцъ (Eugène Müntz, Histoire de l'art pendant la Renaissance, I, с. 111).

Что касается до другихъ художниковъ, отправившихся въ Россію, мѣстныя хроники довольствуются сообщеніемъ ихъ крестнаго имени, умалчивая ихъ фамиліи. Одному Дебосси только на этотъ счетъ дается преимущество. Изъ остальныхъ намъ удалось узнать фамилію только одного Пьетро Антоніо. Онъ умеръ въ Москвѣ и, по случаю наслѣдства, которое должно было перейти къ его вдовѣ и сыну, составлено было нѣсколько актовъ, сохранившихся въ государственныхъ архивахъ Милана съ надписью:

«Solari, Pietro Antonio, del fu Nobile Boniforte e di Giovannina da Cisate, morto in Russia nel secondo semestre dell'anno 1493, 22 novembre». Registri ducali, n° 61, c. 103. См. также ст. 149.

IX.

Андрей Палеологъ.

Венеціанскій посолъ въ Римѣ Антоніо Джустиніанъ, Dispacci, I, с. 164, такимъ образомъ выразился въ своей депешѣ отъ 21-го октября 1502 г. насчетъ Андрея:

«Persona de poco valor, per fama publica per tutta Roma, benchè l'aspetto suo demostri altramente».

Эльзасецъ Бурхардъ, церемоніймейстеръ Иннокентія VIII и Александра VI, часто о немъ упоминаетъ въ своемъ Diarium. Во время папскаго служенія, въ торжественные дни «imperator constantinopolitanus» не упускалъ случая присутствовать на немъ. Онъ пріобщался изъ рукъ папы, подавалъ ему кувшинъ съ водою для омовенія рукъ и въ то время, какъ кардиналы держали папскую мантію, онъ скромно несъ шлейфъ. Не было недостатка и въ униженіяхъ для императора, лишеннаго трона. Въ праздникъ Срѣтенія Господня ему наравнѣ съ простыми смертными дали красную свѣчу и только послѣ большихъ настояній получилъ онъ бѣлую, присвоенную кардиналамъ. Ничтожный нѣмецкій герцогъ имѣлъ передъ нимъ первенство въ церемоніяхъ и на жалобы господаря Александръ отвѣтилъ совѣтомъ не присутствовать тамъ, гдѣ будетъ герцогъ. Вопреки всему, однако, онъ оставался открытымъ католикомъ въ Римѣ, тогда какъ его сестра была православной въ Москвѣ: Johannis Burchardi Diarium, I, с. 174, 238, 272, 297; II, с. 65, 104, 425, 545, 558, 667.

Оба его путешествія въ Москву, въ 1480 г. и 1490 году, засвидѣтельствованы русскими лѣтописями. Возвращаясь изъ Россіи, въ 1481 г., имѣлъ тринадцать спутниковъ и 22 лошади. Онъ ссылался на свое родство съ Малатестами для того, чтобы получить рекомендацію къ герцогу Эрколе феррарскому отъ маркиза Мантуанскаго, который

принималъ въ немъ участіе и оказывалъ ему гостепріимство—Рус. лѣт., VI, с. 110, 125; Giornale araldico, августъ 1888 г. с. 46.

Относительно суммъ, уплаченныхъ Андрею Карломъ VIII, королемъ французскимъ, см. Нац. Библ. Pièces originales, 49378; Нац. Арх. К, 74 n⁰ 32, Cartons des rois; Неапол. госуд. арх., Esecutoriali, X, с. 189.

Подлинникъ конвенціи, заключенной между Карломъ VIII и Андреемъ, былъ положенъ на храненіе въ Капитолійскій Архивъ въ Римѣ, а затѣмъ уступленъ Людовику XV, 9-го октября 1740 г. Онъ находится теперь въ Націон. Библіот. Fonde latin, 10408, ст. 87—95. Для подробностей смотри «Foncemagne, Éclaircissements historiques въ Mémoires de l'Académie de inscriptions, XXII, с. 539, 578: Portefeuilles Fontanieu 149, 150, 151 безъ пагинаціи, гдѣ находится отвѣтъ Pernaud—Foncemagne-ю съ отвѣтомъ Foncemagne-я Pernaud Bibl. nat. ms; наконецъ, Raynaldi, XIX, с. 345, n⁰ 29. — Завѣщаніе отъ 7-го апрѣля 1502 г., въ пользу Фердинанда и Изабеллы упоминается Çurita, Historia del Rey Don Hernando el Cath., V, с. 210.

До сихъ поръ было неизвѣстно имя жены Андрея Палеолога. Она называлась Екатериной. Въ расходной книгѣ Александра VI мы находимъ подъ 17-мъ іюня 1502 г. сумму въ 104 дуката, переданную «Catherina, uxori despoti Moree» на по-

крытіе расходовъ по погребенію ея мужа «pro exequiis ipsius despoti» Gottlob, Aus der Camera apost, с. 292.

Относительно Софіи Палеологъ см. Русск. Лѣт. по Ник. сп., VI, с. 151—156; Курбскій, сказанія, 87, 128; Герберштейнъ, Rerum Moscovitarum comm., с. 8.